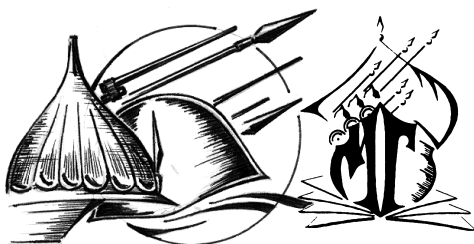

Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2024

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Александр ГАПОНЕНКО. Фашизм, нацизм и Украина 3**
Валентин КАТАСОНОВ. Сатанизм выходит на сцену 11
Андрей АНТОНОВ. Второй фронт России 67

ПРОЗА

- Владимир ПРОНСКИЙ. Лель из Пустошки. Повесть 17**
Михаил СМИРНОВ. Ерохины. Рассказ 77
Валерий МАРТЫНОВ. Мещанские сказы 108

ПОЭЗИЯ

- Владимир ХОМЯКОВ. Равнение на сына. Стихи 56**
Диана КАН. Среди звёзд... Стихи 100
Эмма МЕНЬШИКОВА. Сила притяжения земли. Стихи 135
Татьяна ГРИБАНОВА. Свет негасимый. Стихи 143

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

- Оксана ВИНОГРАДОВА. Тайна смерти Лермонтова 149**

ПАМЯТЬ

- Лина МКРТЧЯН. **Космизм Лизнёва, или Видение на Москве-реке** 182

РУССКИЙ ВОПРОС

- Владимир БОЛЬШАКОВ. **Судьба или участь народа?** 187

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Валентин КАТАСОНОВ. **Освобождение от иллюзий** 197
Валерий ГАБРУСЕНКО. **Великий полководец** 210

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Владимир БОЛЬШАКОВ. **Очищение** 222
Андрей СОШЕНКО. **Предсказуемый сценарий** 225
Игумен КИРИЛЛ. **Сократить до крайнего минимума** 230
Владимир АНИЩЕНКОВ. **Курский прорыв** 232
Филипп ЛЕБЕДЬ. **По велению императрицы** 234

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

- Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 238

ИСКУССТВО

- Руслан СЕМЯШКИН. **Философия танца**
Махмуда Эсамбаева 249

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

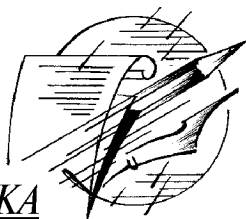
- Людмила ВОРОБЬЁВА. **Над вечностью полей**
О книге Владимира Хомякова «Сердцебиенье
русского глагола» 264

ФАШИЗМ, НАЦИЗМ И УКРАИНА

24 февраля 2022 г. Совет Федерации РФ разрешил использование российских войск за рубежом. Это было сделано для защиты от геноцида русского населения только что признанных республик Донбасса — ДНР и ЛНР. В этот же день президент и Верховный главнокомандующий ВС России В. Путин дал команду начать Специальную военную операцию (СВО) на Украине.

В обращении президента к гражданам страны перед началом операции было заявлено следующее: «Её цель — защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации».

Предполагалось, что небольшими силами специального назначения удастся быстро сменить руководство Украины, которое установило в стране нацистский режим правления и создало угрозу национальной безопасности России

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

своим намерением войти в западный военный блок НАТО. Этот сценарий силовых действий реализовывался при условии, что силы специального назначения поддержат оппозиционные украинские силы и широкие массы русского населения Украины, как это было в Крымской автономии и на Донбассе. Тогда удалось бы вернуть Украину в поле политического влияния России, а украинскую нацию переориентировать на либерально-демократическую модель строительства при минимальном внешнем вмешательстве.

Однако за восемь лет, прошедших после присоединения Крыма к России политическая и этническая ситуация на Украине коренным образом изменилась. Украинским властным элитам удалось с помощью жесткого террора подавить русские элиты, а усиленной идеологической обработкой — мобилизовать массы на реализацию нацистского сценария развития общества. Украинские олигархи, с которыми российское руководство традиционно вело все закулисные переговоры, переметнулись на сторону киевского режима и стали поддерживать курс на интеграцию страны в Евросоюз и на военную конфронтацию с Россией. США, Великобритания, Евросоюз в целом, НАТО стали оказывать киевскому режиму массивную помощь.

В результате действия всех этих факторов российские силы специального назначения столкнулись с ожесточенным сопротивлением не только ВСУ и нацбатов, но и значительной части масс украинского населения на киевском и черниговском направлении движения. Военная операция забуксовала на долгие два с половиной года и конец ей пока не виден.

Важнейшей причиной провала первоначального замысла по демилитаризации и денацификации Украины было недостаточное понимание властными российскими элитами процесса нацификации, который развернулся в стране после февраля 2014 г.

Мы видим, что генералы от обществоведения не предоставили высшему руководству страны теоретическую концепцию, которая бы давала общее видение развития политической и общественной ситуации на Украине, позволяла выработать обоснованные пути и методы устранения возникших политических рисков.

Есть три основные причины, по которым российские обществоведы не выполнили свою экспертную роль.

Во-первых, в советское время не сложилась научная школа, которая бы разрабатывала проблемы деструкции, таких ее форм и видов, как геноцид, этноцид, фашизм, нацизм. После окончания Великой Отечественной войны правящая

компартия сочла, что раз нацизм в мае 1945 г. был побежден, на Нюрнбергском трибунале осужден, механизм его предупреждения в виде Организации объединенных наций создан, то этот социальный феномен никогда уже больше не возродится. Исходя из этих соображений, денег обществоведам на теоретическое осмысление деструктивных процессов в СССР не выделяли.

Во-вторых, англосаксы после войны тщательно изучили нацистский опыт управления массами и применили на практике — для улучшения управления народами, которые жили в их колониальных империях. Одной из таких американских программ была «МК-Ультра».

Советская обществоведческая наука, закостеневшая в ряде марксистских догм этих процессов не заметила. Всё, что происходило в колониях западных стран, изображалось в розовых красках успехов антиимпериалистической борьбы. Назвать методы, которые применяли колонизаторы, фашистскими или нацистскими никто из исследователей не решался, поскольку на это не было одобрения руководства КПСС. Оно же само не отличалось широким научным кругозором.

После распада СССР англосаксы использовали переосмысленные нацистские практики для выстраивания системы колониального господства на постсоветском пространстве. Однако своими научными работами англосаксы по-прежнему не делились, а специально создали и распространили фальшивые теоретические концепции. Мол, и возник нацизм случайно, и давно уже преодолен демократическими силами Запада, и его возрождение в принципе невозможно.

Как элемент операции по дезинформации распространялись идеи о том, что нацизм и коммунизм — это всего лишь формы тоталитаризма, мало отличающиеся друг от друга. Эта концепция даже утверждалась органами политического руководства Европы.

Все эти фальшивые концепции целенаправленно внедрялись в умы российских обществоведов в постсоветский период. Делалось это в ходе их стажировок в западных исследовательских центрах и университетах, в процессе выполнения ими заказных работ на средства западных спонсоров. Альтернативные подходы к исследованию феноменов фашизма и нацизма в западных изданиях не публиковались, а без этого российские ученые не могли защитить диссертации или пройти аттестацию.

Как только началась СВО, сотни западных ученых, которые работали по заказу англосаксов над проблемами фальсификации содержания феноменов геноцида, нацизма, фа-

шизма, Второй мировой войны публично осудили действия России по пресечению нацизма на Украине. Они заявили, что никакого нацизма на Украине нет, а есть национал-радикализм, который можно обнаружить в любой стране.

Такого же рода заявление сделали российские ученые, которые были на содержании англосаксов. Они даже сделали это много быстрее, чем их западные коллеги. Правда, пришлось включать в число подписантов аспирантов, журналистов, пенсионеров, да еще и филологов с геологами по профессии, но акция оказания влияния на российское руководство выглядела тоже солидно.

Как можно было собрать полторы сотни подписей российских ученых под обращением, отрицающим существование нацизма на Украине в течении пары часов после выступления Верховного главнокомандующего, который впервые огласил целью СВО денацификацию украинского общества, трудно понять.

В-третьих, управление обществоведческими разработками в России до сих пор находится в руках менеджеров-либералов, которые строят не русскую, а российскую нацию, да еще и по установленным англосаксами лекалам. На научные исследования по актуальной проблематике они денег не выделяют — исходят из тех соображений, что раз есть стратегическая линия на полное вращение России в Западную цивилизацию, то к чему вести суверенные научные исследования, результаты которых могут поколебать эту линию.

Тех энтузиастов, кто осмеливался вести разработки по означенной проблематике на собственном коште, либералы-менеджеры от науки маргинализировали, а то и подключали правоохранительные органы для уголовного преследования слишком активных персон. Этим ученых обвиняли в разжигании этнической розни и распространении страшных идей великорусского шовинизма.

Даже после начала СВО и смены политического курса страны высокопоставленные либералы, администраторы от науки, продолжили подавление оригинальных отечественных обществоведческих исследований. Достаточно упомянуть их атаку на А. Дугина, возглавившего научный центр имени русского философа И. Ильина. Заказ на травлю А. Дугина шел из-за рубежа, но осуществлялся он местными обществоведами или руками подученных ими студентов.

Механизм интеллектуального доминирования англосаксов в российских университетах и исследовательских центрах безупречно действует до сих пор. Судя по публикациям в масс-медиа, если кого из ректоров университетов и директо-

ров научных учреждений и снимают со своих постов, то за коррупцию, а не за подрыв интеллектуального суверенитета и морального духа сражающейся нации.

Правящие российские элиты не могут осмыслить ситуацию, сложившуюся в духовной сфере и наносят удары по малозначимым оппозиционным блогерам и журналистам, озвучивающим западные интеллектуальные заготовки подрывного характера. Генералы же от российского обществоведения, которые допустили своей бездеятельностью или некомпетентностью сдачу всех позиций на фронте борьбы с западной идеологией, остаются вне зоны их интереса.

В результате сейчас, когда правящие российские элиты спрашивают, что делать с Украиной, патриоты из научного сообщества могут провести только частичную идентификацию нацистских движений и партий на постсоветском пространстве. Однако даже они не осмеливаются называть высшее украинское руководство нацистским.

Представляется, что они попали в нехитрую англосаксонскую ментальную ловушку. Раз президенты Петр Порошенко, Владимир Зеленский, спикеры Верховной рады и премьеры Арсений Яценюк, Владимир Гройсман имеют еврейские этнические корни, то они не могут быть нацистами. Идет грубая подмена научных понятий, и центральным признаком феномена «нацизм» называется геноцид евреев, иначе Холокост. Отсюда делается ложный вывод, что лица, которые принадлежат к еврейскому этносу, сами быть нацистами не могут. Но осуществление в настоящее время властями Израиля геноцида палестинцев в Газе говорит, что это совсем не так.

Рекомендации из кругов патриотов по денацификации Украины сводятся к пересказу содержания решений Международного военного трибунала в Нюрнберге и описанию хода этого процесса. Сведения эти, несомненно, полезны для формирования общественного мнения, но они не учитывают перемен в формах нацизма, которые произошли в последнее время и которые расцвели на Украине, Этих сведений далеко недостаточно для практической организации новых антинацистских судебных процессов.

Складывается во многом та же ситуация, что и в период проведения Нюрнбергского трибунала — советская сторона оказалась тогда теоретически не готовой к осуждению нацистских преступников за их главное преступление — геноцид советской нации и действовала по правовой модели, которую искусно навязали ей американцы. Немцев обвиняли, главным образом, в военной агрессии и совершении воен-

ных преступлений. Массовое уничтожение людей по этническому признаку трактовалось как зверства военных и эсэсовцев, а не как суть нацизма. Отсюда нацистская идеология была признана преступной, организации, ее реализующие на практике, тоже, а партия, которая все это организовывала — нет. Главное же, нацистская модель национального строительства не была признана преступной. Принцип коллективной ответственности немцев за совершенные преступления победители отвергли, хотя и наказали ее через репарации и аннексию территории. Права на сохранение государственности у немецкой нации не отобрали.

Устранять последствия недоработок советского руководства в Нюрнберге российские правящие элиты стали только в 2020 г. В этом году судом был зафиксирован геноцид членов советской нации, осуществленный немецкими нацистами и их пособниками из числа входящих в советскую нацию народов в годы Великой Отечественной войны на территории Новгородской области. Затем признание судом фактов геноцида стали происходить по всем областям, которые были оккупированы захватчиками в годы войны.

Приведем только один пример того, как идет война на русско-украинском, а точнее на русско-западном идеологическом фронте.

Украинским элитам для мобилизации масс населения на войну с Россией потребовалось перевести фашистскую идеологию, направленную на формирование единой украинской нации в идеологию нацистскую. Нацистская идеология должна была нацелить массы украинцев на уничтожение «внешних» русских. «Внутренние» русские при этом по-прежнему подлежали лишению коллективной этнической идентичности — этноциду.

Для обозначения «внешних» русских на Украине уже недостаточно было использовать старый термин «москаль», который наделял негативными качествами всех этнических русских, которые приехали из России или были им духовно близки. Именно с этим термином, например, была связана известная речовка времен Майдана — «Москаляку на гиляку».

В нацистской идеологии термин «москаль» был заменен на термин «русские фашисты» — сокращенно «рашисты». Ход был иезуитский, поскольку в глубинах сознания украинского народа хранилась память о зверствах, которые творили фашисты во время Великой Отечественной войны на территории УССР. Надо было лишь слегка передернуть и поменять понятие *немецкие фашисты* на *русские фашисты*.

Новую концепцию русских врагов и связанную с ней терминологию придумали англосаксы. Наиболее внятно ее изложил еще в 2019 г. профессор Йельского университета Тимоти Снайдер.

После начала СВО он определил Россию как фашистское государство, поскольку в нем существуют: культ одного конкретного лидера; культ мертвых, выстроенный вокруг Второй мировой войны; миф об оставшемся в прошлом «золотом веке» имперского величия, которое необходимо восстановить посредством войны на Украине; существуют народные шествия, пропаганда идей войны как акта очистительного насилия; используется символ Z, схожий с древней немецкой руной.

Т.Снайдер в одной из своих последних статей писал: «Путин называет фашистами своих врагов, поэтому нам может быть сложно принять тот факт, что фашистом на самом деле является он сам».

Фашизм определяется Снайдером в соответствии с господствующей на Западе концепцией, что этот феномен можно идентифицировать по набору достаточно произвольно взятых внешних маркеров — символов, мифов, культов, шествий. Это позволят назначить фашистами кого угодно и кого угодно представить либералами и демократами. То, что нацисты физически уничтожали «низшие» расы — осуществляли геноцид, а фашисты осуществляли разрушение коллективной идентичности, т.е. — этноцид, во внимание не принималось. Раз так, то можно было игнорировать существенные проявления нацизма и фашизма на Украине, не приводить доказательств их существования в России.

Как говорит русская народная поговорка: «Громче всех кричит «держи вора!» — сам вор». Кричали громко, количество крикунов было велико.

Распространять термин «рашизм» стали многие сотни западных ученых, политиков, публицистов. Достаточно сослаться на внушительный список литературы, приведенный в статье «Рашизм» в Википедии. А это, между прочим, самое читаемое в России общественно-политическое справочное издание. Попытка создать нечто противостоящее Википедии предпринималась авторским коллективом электронной версии Большой российской энциклопедии. Однако с начала 2004 г. финансирование этой работы прекратилось. Произойти это без вмешательства генералов от обществоведения не могло.

Новая пропагандистская терминология была настолько важна для украинской элиты, что она утвердила ее путем при-

нятия в мае 2023 г. специального закона «Об использовании политическим режимом Российской Федерации идеологии рашизма, осуждении принципов и практик рашизма как тоталитарных и человеконенавистнических».

В результате нацистские пропагандисты получили несколько эшелонов с опасными боеприпасами, которые стали широко использоваться в борьбе за контроль над сознанием россиян. Применение этих идеологических бомб и снарядов создало благоприятные условия для того, чтобы украинские спецслужбы могли по телефону легко убеждать россиян переводить деньги на финансирование ВСУ, бросать коктейли Молотова в военкоматы, поджигать релейные шкафы на железной дороге. Немалое число россиян занялось шпионажем в пользу вражеской стороны, стало совершать диверсии и террористические акты.

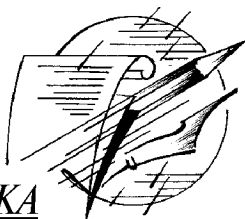
В условиях войны отказ от собственной идеологии есть принятие идеологии врага.

Русская народная линия

САТАНИЗМ ВЫХОДИТ НА СЦЕНУ

Некогда христианская Европа уже давно начала поклоняться дьяволу. Правда, до поры до времени делая это не явно. Иногда даже соблюдая строгую секретность. Реформация и буржуазные революции в Европе стали мощнейшим катализатором ослабления и разложения христианства. В XVIII веке Европа стала покрываться сетью масонских лож. В 1776 году в Баварии родился орден иллюминатов. Создавались и другие тайные общества оккультного и мистического характера. Все они изначально были непримиримо настроены против христианства. На своих тайных собраниях совершали ритуальные поклонения сатане (Бафомету, Люциферу и иным существам inferнального мира), которые нередко сопровождались ритуальными убийствами, вакханалиями, попражнениями креста, сатанинскими спектаклями и т.п.

На эту тему христианскими авторами написаны сотни книг. Например, в начале прошлого столетия о тайной войне против христианства русским мыслителем Львом Александровичем Тихомировым был написан фундаментальный труд «Религиозно-философские основы истории»

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

(1913—1918). Также рекомендую обратить внимание на книгу княгини Елизаветы Шабельской «Сатанисты XX века», которая увидела свет в 1912 году (она была переиздана в 2004 г.). А вот некоторые из работ на подобную тематику, которые издавались с конца прошлого столетия:

Лоллий Замоийский. За фасадом масонского храма. — М.: издательство политической литературы, 1990.

Священник Николай Карасев. Путь оккультизма. Историко-богословское исследование. — М.: Пренса, 2003.

Юрий Бегунов. Тайная история масонства. — М.: Яуза, 2007.

Генри Маков. Иллюминаты. Культ, похитивший мир. Перевод с англ. — М.: Самоотека, 2015.

Во всех работах по масонству и другим оккультно-мистическим обществам подчеркивается их антихристианская направленность, причастность к инфернальному миру (миру духов смерти, т.е. дьявола и всей иерархии павших ангелов), секретность. Любые попытки христианских авторов приоткрыть тайну сатанинских обществ сопровождалась резкими выпадами со стороны агентуры сатанистов. Агентура сатанистов — проплаченные политики, представители так называемой «академической науки», культуры, СМИ. Все выпады кончались словами «конспирология», «конспиролог», «конспирологический». Это было клеймо, которое сатанисты через свою агентуру ставили тем, кто пытался разоблачать деятельность «глубинной церкви» сатанистов.

Для справки отмечу: такая активная деятельность по дискредитации политиков, ученых и писателей, раскрывавших тайны «глубинной церкви» сатанистов, была отнюдь не стихийной. Это был постоянно действовавший проект только что созданного в США Центрального разведывательного управления (ЦРУ), который назывался «Пересмешник». Проект был запущен в самом начале 1950-х годов. Агентура ЦРУ (она же агентура «глубинной церкви» сатанистов) должна была выявлять и дискредитировать тех, кто пытался довести до общественности информацию о тайной деятельности сатанистов. Слово «конспирология» и иные однокоренные слова, тиражируемые в СМИ тысячи и миллионы раз, должны эффективно поражать любого противника «глубинной церкви» сатанистов.

Упомянутая мною княгиня Елизавета Шабельская была весьма проницательной женщиной. В своей книге «Сатанисты XX века» она говорила, что на протяжении всего начинающегося столетия эти самые сатанисты будут действовать

всё более активно. Но при этом не выходя из своего «подполья», сохраняя все меры конспирации (как и в предыдущие столетия).

Да и другие авторы (как упомянутые мною выше, так и не упомянутые) всегда характеризовали сатанинские сообщества как «тайные», «секретные», «закулисные», «нелегальные», «подпольные» и т.п. И таковыми они будут всегда. Цель их подрывной деятельности — уничтожение христианства и национальных государств, которые мешают созданию Единого мирового правительства. Во главе него встанет правитель, которого христиане называют антихристом. Всё это описано в последней книге Священного Писания — Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсис). Лишь тогда маски будут сброшены, тайные общества будут не нужны. Как сказано в Новом Завете: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным» (Лк. 8: 17).

Обращу внимание на мои наблюдения последних трех-четырёх десятилетий. Накануне окончания холодной войны и распада Советского Союза во всём мире резко активизировалась деятельность масонских лож. О масонах и прочих тайных обществах было море публикаций. Даже говорили о «ренессансе» масонства и разных сатанинских подполий. Но вот в нынешнем столетии деятельность «глубинных» сатанистов стала уходить на второй и даже третий план. Публикаций о них стало на порядок меньше. Примечательно, что, по мнению экспертов, это обусловлено не тем, что, мол, деятельность масонских лож и других «глубинных» сатанинских обществ стала еще более секретной. И что любые публикации об этой деятельности эффективно блокируются в электронных СМИ такими «цензорами», как Гугл. Нет, причина в том, что происходит необратимый закат таких обществ. Они были нужны тем, кто занял проектом Единого мирового правительства (ЕМП) лишь до тех пор, пока для его продвижения нужна была секретность. Сегодня, по мысли инициаторов и бенефициаров проекта ЕМП (т.е. мировой элиты), такая секретность уже не нужна. По поводу тайных обществ можно сказать словами из пьесы Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (1783): «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Человечество уже поставлено под эффективный контроль мировой элиты, поэтому «ассистенты» в лице тайных обществ со сцены мировой политики могут уходить.

Нет, формально разного рода масонские ложи продолжают существовать, но они уже напоминают клубы, где люди просто проводят свой досуг, порой не до конца понимая, что

такое масонство. Членство в масонских ложах теперь не скрывается. Так же, как не скрывается принадлежность к ЛГБТ-сообществу или другим «нестандартным» группам. Одним словом, тайные общества становятся «культурным рудиментом» прошлого.

Пожалуй, единственное, что до сих пор не раскрывается, так это состав мировой элиты, свои маски она пока не снимает (впрочем, так называемые «конспирологи» уже имеют примерное представление о персональном ее составе). Маски будут сброшены после того, когда мировой правитель (антихрист) воссядет на престол.

О том, что сатанизм открыто выходит на сцену, свидетельствует многое. Например, в США при президенте Бараке Обаме была легализована церковная организация «Сатанинский храм» (до этого она действовала в «серой» зоне). Мало того что она начала открыто вести антихристианскую пропаганду. Теперь этим сатанистам еще положены налоговые льготы и прочие преференции со стороны государства.

В ночь на 25 июля 2015 года в американском городе Детройте (штат Мичиган) установили бронзовую статую сатане. О торжественном открытии большой статуи сатанинского божества Бафомета сообщили даже ведущие СМИ США, но без каких-то особых критических замечаний. Сатанисты планируют перенести этот монумент Бафомету в Вашингтон. По их замыслу, он должен заменить монумент, посвященный Десяти заповедям, который был установлен у Капитолия в 2012 году. Кстати, Верховный суд штата Оклахома вынес недавно вердикт, согласно которому памятник Десяти заповедям является незаконным.

В Старом Свете признаков сатанизма еще больше. Например, в Страсбурге построено здание Европарламента в виде разрушенной вавилонской башни. Нет, это не напоминание о тех уроках, которые человечество должно извлечь из разрушения башни. Это призыв повторить дерзкую попытку вавилонского царя Нимрода построить «башню до небес» и встать вровень с Богом. А на строительство новой башни собрать народы со всей Европы.

Очень ярким вызовом Старого Света, раскрывшим антихристианскую сущность европейской элиты, стало событие восьмилетней давности, получившее название «Торжественное открытие Сен-Готардского туннеля».

1 июня 2016 года в центре Европы, в Швейцарии, был торжественно открыт Сен-Готардский железнодорожный тоннель. Это самый длинный тоннель на свете, его длина составляет 57,1 км., и он проходит сквозь Альпы, соединяя

Швейцарию и Италию. Строили его целых 17 лет, и на его строительство было затрачено 12 миллиардов долларов.

На открытие этого тоннеля были приглашены главы крупнейших европейских стран: Ангела Меркель (Германия), Франсуа Олланд (Франция), Маттео Ренци (Италия), еврокомиссар по вопросам транспорта Виолетта Булц, министры транспорта ряда европейских государств, а также множество других представителей европейской власти. Приглашены были и адепты основных религиозных конфессий Швейцарии. И все бы ничего, если бы не церемония открытия.

Мероприятие началось со спектакля, который иначе как сатанинским действием назвать нельзя. В шоу участвовало более 600 актеров. Главным действующим лицом был Люцифер в облике козла, которого откровенно призывали в этот мир актеры, изображающие рабочих. Демоны — один особенно отвратительный — с крыльями, телом пастозного широконозого мужчины с женской грудью и огромной головой робенка, наполнили всё это представление и были хозяевами тоннеля. Пересказывать шоу не буду. В интернете можно найти множество фотографий и видео с отвратительными сценами и действующими лицами.

Все чиновники были довольны, никто не возмутился, не отвернул голову и даже не закрыл глаза. По словам президента Швейцарии, этот тоннель стал, мол, громадным шагом в сближении народов и экономик. Не были ли эти слова намеком на скорое образование мирового правительства? Христианские комментаторы тогда акцентировали внимание швейцарского президента на словах «громадный шаг». Но шаг куда? К последней странице земной истории, описанной в Откровении Иоанна Богослова.

И вот теперь мы видим не менее дерзкое действие сатанинского характера, которое произошло во Франции 26 июля во время открытия Олимпиады. Об этом кошунственном спектакле, пародирующем картину Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», уже сказано и написано предостаточно. Также олимпийский флаг был повешен на флагшток в перевернутом виде. Некоторые считают, что это не ошибка, а символ сатанизма. Эффект от спектакля даже более мощный, чем от спектакля при открытии железнодорожного тоннеля в 2016 году. Открытие Олимпиады в режиме реального времени смотрело несколько миллионов человек. Еще больше посмотрело позднее в интернете.

Мировая закулиса тестировала человечество во время так называемой «пандемии ковида» в 2020—2022 гг. (на предмет «послушности») и, судя по всему, вполне осталась довольна

результатами. И вот теперь, как мне кажется, мы имеем дело с новым тестированием. На предмет «толерантности» людей к сатанизму.

Мировая закулиса, безусловно, будет анализировать реакцию общества на сатанинское действо в Париже. И если реакция будет вялой, то она будет предпринимать следующие шаги по реализации проекта построения Единого мирового правительства. По замыслу элиты, единым должно быть не только правительство, но и религия. Религия поклонения сатане и его слуге, называемом антихристом.

P.S. Примерно век назад святитель Николай Сербский в работе «Агония Церкви» писал: «Христианскую религию, вдохновившую величайшие достижения Европы на всех поприщах человеческой деятельности, затмили новые идеологии и новые учения: индивидуализм, национализм, либерализм, консерватизм, империализм и секуляризм. Все вкупе они, по существу, не означали ничего другого, кроме как дехристианизацию европейского сообщества, а также падение и обнищание европейской цивилизации». Святитель констатировал замещение христианства разными идеологиями. Причем особо быстро оно, по его мнению, происходило в Старом Свете. Новый Свет ему казался более консервативным.

Но даже он не предвидел, что уже в следующем столетии начнется активное замещение остатков европейского христианства откровенным сатанизмом. И что такое замещение будет происходить не только в Старом, но и Новом Свете.

ЛЕЛЬ ИЗ ПУСТОШКИ

ПОВЕСТЬ

1

С утра Сергуня Мышкалов бегал по управлению механизации — подписывал обходной лист. За три года работы многие успели его узнать, многих знал он сам, поэтому почти в каждом отделе в ответ на чей-либо вопрос отвечал неопределёнными словечками, вызывая удивление: не такой уж он никудышный, чтобы рассчитывать в начале лета, когда со стройки даже забулдыгу не сразу выгонишь.

Причина была одна, и очень для него серьёзная: неожиданно разругался с Алисой, да так, что не осталось никаких зацепок для отношений. Обидно, конечно, если полтора года обхаживал её — высокую, привлекавшую длинными волосами, каштановой волной струившихся на ветру, надеялся жениться на ней, а всё разрушилось в один момент. Как-то, гуляя по парку, сделал предложение, она же заявила прямо и цинично, слегка отступив, словно со стороны пожелала взглянуть на дерзкого человека:

— Спасибо, но у нашего брака нет перспектив. Извини!

ПРОЗА

Всё перевернулось в Сергуне: «Ага, в прошлом году для поездки на море был нужен, а теперь «нет перспектив». Надо бы промолчать, но не сдержался, съязвил:

— Зачем студентке бульдозерист?! — и, круто развернувшись, ушёл.

На следующий день написал заявление на увольнение начальнику мехколонны, решив уехать домой. Сперва заявление тот не подписывал, пытался заставить отработать положенное время, но Сергуня пригрозил:

— Если сразу не отпустите — больничный возьму! Вам это надо?

И на него махнули рукой. Он понимал, что поступает неразумно, наверняка будет жалеть, но ничего не мог с собой поделаться. За шесть послеармейских лет Сергуня работал в артели старателей — золото мыл в Сибири, потом мелиоратором, лесхозу год отдал, узнал, что такое дорожный строитель, пока не обосновался в Москве, случайно познакомившись и сдружившись с начальником участка, земляком Алексеичем. А перед этим отработал месяц бесплатно в загородном поместье какого-то олигарха, когда его управляющий «кинул» на зарплату, сперва пообещав полный расчёт по окончании работы. Вместо денег дал номер телефона, мол, звони недельки через две. Позвонил — ни ответа, ни привета. Хорошо, что вспомнил о земляке. И вот теперь он-то и огорчился более всех, когда Сергуня зашёл подписать обходной, укоризненно посмотрел и сердито спросил:

— Значит, сматываешься?!

— К родителям еду, — внёс ясность Мышкалов, — в родное село.

— А чего же о них не думал, когда отправлялся на заработки? — спросил Алексеич и наткнулся на невинные голубые глаза Сергуни.

— Правильные слова говоришь, — согласился он, — и, наверное, знаешь такое слово «надо». Понимаешь, надо мне было уехать. Тоскливо стало. Я и живу-то на Коровинском шоссе — проспекте «Му-му», как мы в общежитии называем. К тому же у меня, похоже, характер отцовский, непоседливый. Он, кстати, на Север мотается вахтами. Так что мать практически одна.

— За длинным рублём погнался отец-то?

— Так и есть. Сестра у меня имеется младшая. В прошлом году поступила на платное обучение в университет, и все его деньги практически на неё уходят.

— Это хорошо, что о дочери заботится. А ты-то чего суетишься. Все из провинции в крупные города перебираются

или вахтами ездят, а ты в другом направлении отчаливаешь.

— Там у нас фермер появился. Землю в аренду берёт, пустующие поля распахивает — без работы не останусь. А надоест в селе — вернусь. Ведь возьмёшь же, Алексеич? А? Знаю, возьмёшь!

— Что ты заладил: «село» да «село», — неожиданно вспыллил полноватый Алексей Алексеевич и покрылся красными пятнами от волнения. — Да если хочешь знать, я сам сельский. Ещё при советской власти приехал в Москву, а что-то не убегаю назад.

— У тебя семья, квартира, дача! А мне что терять: подпоясался да поехал!

— И у тебя всё будет, пусть и не сразу.

— Тебе квартиру государство отвалило, а мне кто отвалит, даже если женюсь и детишки будут. Всё это мы знаем. Так что пришёл не о жизни рассуждать, а попрощаться. Чтобы всё чин-чинарём было. Хочешь, за бутылкой слётаю!

— Ни к чему это, — посерьёзnel начальник. — Не в выпивке дело. Знал бы, сколько за тридцать лет моей работы так вот пришло и ушло. Это ж сила. Армия целая!

— Тем более расстраиваться нечего.

Сдав бульдозер и получив на следующий день расчёт, Сергуня вернулся в общежитие, чтобы дожидаться соседей по комнате и отметить вечером увольнение. Но, повалявшись на голой кровати, передумал. Быстро собрал в сумку одежду, во вторую — обувь и мелочёвку, черкнул прощальную записку и вместе с тысячей придавил её пустым и мутным графином. Вызвал такси и отбыл на автовокзал.

2

Загрустил Мышкалов, пока ехал в автобусе. С попутчиками не разговаривал, а уткнулся в смартфон и изредка поглядывал в окно. Полегчало только, когда сошёл на конечной в своём райцентре, словно попал в иной мир. Это немного успокоило, хотя на случай непредвиденной встречи с кем-либо приготовил версию о мнимом отпуске. «Меньше пересудов!» — думал Сергуня. Ведь в последние годы он раздражался от сплетен сельчан, от которых ещё с детства приклеилось прозвище «Лель». Слово неплохое, но всё равно с ироническим оттенком, не совсем серьёзное. Мол, красив парень, да пользы от его красоты ноль. «Завидуют!» — думал Сергуня, повзрослев, хотя прозвищами никого не удивишь, привыкли к ним, будто так и надо.

От райцентра Ополье до Пустышки всего-то семь километров, но с сумками не очень разбежишься. Без них было

бы в радость пройти знакомые километры, но с ними все мысли о такси. Таксисты, ожидавшие автобус из столицы, сразу заметили его поклажу, и вскоре она перекочевала в багажник таксомотора.

Проехали мимо гостиницы, торгового центра, больницы, мелькнул мост через Калиновку и потянулась бесконечная слобода, где Сергуня учился в средней школе, а в Пустошке была лишь восьмилетка, сейчас и её нет; на автобусе собирают школьников по округе и везут на занятия в слободу. За слободой, как всегда неожиданно, при выезде на высокий водораздел открылось широкое пространство, закружившее бесконечными горизонтами. Вскоре шоссе скользнуло в ложину, выпорхнуло на взгорок, один поворот, другой — вот и Пустошка, выглядывавшая разноцветными крышами из разросшихся вётел и берёз вдоль улиц, и речка Калиновка, синеющая меж кустов черёмух, калины и шиповника. Село не велико и не мало. Длиннющая Центральная улица, бывшая сто лет назад Купеческой, посередке расширяется до площади с церковью, магазинами, администрацией, почтой, клубом; параллельно Центральной пять улиц помельче. На крайней, повернувшейся лицом к Калиновке, родной дом Мышкалова, солидно глядевший с тех пор, когда отец срубил тёплую пристройку, подвёл газ; гараж они ранее поставили — Сергуня был тогда пацаном. Теперь он пустовал — отец продал машину в прошлом году, устраивая дочь в университет. На бюджетное обучение не получилось, да, говорят, простому смертному туда и не поступить, — пришлось идти на платное. «Все жилы из себя вытяну, а добыюсь, чтобы дочь получила образование. В прежние годы о нём не думали, а теперь человек без него пустышка!» — сказал он тогда жене и завербовался на Ямал.

Вспомнил Сергуня заклинение отца, и, зная, что он сейчас на Северах, а сестра в институте сдаёт сессию, попытался отгадать, чем занимается мама. Когда же чернобровая и румяная Елена Николаевна вышла на крыльцо, то и гадать перестал: сына встречает! Обнялись, расцеловались, и она, немного растерявшись, всё повторяла и повторяла, вытирая руки о фартук:

— Вот и слава Богу, что прибыл! Хотя мог и позвонить — пирогов к твоему приезду напекла бы!

Они прошли в дом, Сергуня не успел разобраться с дороги, а уж по улице понеслось:

— Лель прискакал!

После того, как подоили корову и поужинали, Сергуня по-стариковски долго сидел на лавочке перед домом — дышал

свежим воздухом и не мог надышаться. И прислушивался к тишине, удивлявшей всякий раз, когда приезжал из города. Вроде и нет тишины в полном смысле: на одном порядке мыкнет корова, на другом звякнет опрокинутое ведро, да где-то далеко стучит и стучит трактор, совсем не нарушавший тишину, а наоборот, оттенявший её, помогавший услышать. Или вдруг загомонят галки на колокольне и сразу, как по команде, замолкнут. Сергуня знал по опыту, что через денёк другой привыкнет к ароматному воздуху, и тишины особенной замечать не будет, и потому в первый вечер подолгу сидел перед домом или спускался к речке и присаживался на старую лодку, когда-то построенную вместе с братом. Хоть и добротной засмолили её, но она без ухода быстро обветшала: брат только несколько дней в году использовал, когда приезжал перед ледоставом и бил с неё рыбу острогой, приманивая в омутах на электрическую лампочку. Отцу было не до лодки, а Сергуня редко навещался в село, лишь в тот год, когда встретался с одноклассницей Тamarой из слободы, катал её по речке. Калиновка не широкая, за считанные минуты они попадали на левый берег, возвышавшийся каменистыми уступами известняка, и долго ползали на коленях по широкому лугу, до оскомины ели клубнику и целовались, насквозь пропитываясь её ароматом. В первые годы лодку держали на цепи, а когда она стала дырявой, сняли замок, вытащили повыше на берег, всё ещё надеясь, что когда-нибудь отремонтируют. Она давно дожидалась хозяев, и вот пришёл один, посмотрел и вернулся домой, услышав оклик матери.

Елена Николаевна успела за это время устроить сыну постель на веранде — его любимом месте, где и воздух сухой, не как в кирпичной избе, и солнце по утрам не мешаят — спи до обеда! Пока взбивала подушку, прикидывала в уме, надолго ли приехал Серёжа, а прямо спросить не решалась. «Праздников нет, день будний и завтра такой же. Видно, поживёт», — решила она и ещё раз осмотрела постель, а напоследок перенесла из избы зеркало и пристроила близ кровати — любит Серёжа на себя посмотреть. Поставила и банку молока на тот случай, если ему пить захочется. И вдруг вспомнила, что в прошлом году сын вот так же приехал под вечер, и день был будний, а пожил всего ничего. Оказалось, отпуск провалился у моря, а родителям оставил только два дня. «Вдруг и нынче так же...» — испуганно подумала она и решила: чем гадать да тоску на сердце нагонять — лучше сразу спросить. После робкого вопроса, Сергуня потрянул пшеничными кудрями:

— Мам, поживу!

— Ой, как хорошо-то! С сенокосом поможешь!

Утром Сергуня по-настоящему разломался от негромкого разговора перед верандой. Разговаривала мама и — по голо-су догадался — соседка Дарья.

— Ой, беда! — жаловалась она. — Палец-то, гляди, аж по-синел, как колючко-то врезалось. Ходила к медичке, да за-писка на медпункте висит — в Ополье по делам уехала.

— Зверобоем пополоши, — советовала мать.

— Полоскала, но всё одно придётся Нину ждать, — вздох-нула Дарья. — Ведь под кольцо извёстка попала. Впервые такое приключилось. — Увидев вышедшего Сергуню, спро-сила: — Серёженька, может, перепилишь колючко, я и на-пильник взяла. Дед мой взялся, да отступился — руки неспо-собные.

Посмотрел Сергуня на ржавый напильник и сходил, на-шёл в отцовских инструментах надфиль и кусачки. Вынес валерьянку и протёр ею надфиль. Дарья удивилась:

— Это зачем же добро-то переводить?

— Так нужно, — усмехнулся Сергуня. — Валерьянка на спирту настоена, микробчиков им разгоним и можно будет приступать. Давай-ка и палец обработаю.

Он плеснул из пузырька на палец, соседка заохала, за-сомневалась:

— Серёж, подождём Нину..

— Жди её, — сердито ответил он. — Она, может, фигли-мигли с кем-нибудь крутит!

Он положил Дарьину руку на перило крыльца, поудобнее ухватил грубый палец. Едва Сергуня прикоснулся надфилем к кольцу, и Дарья отозвалась стоном, понял, что зря ввязал-ся. Кольцо было из неведомого алюминиевого сплава и так сильно врезалось в припухший палец, что он, казалось, дер-жался на тонюсенькой жилочке, готовый вот-вот оборвать-ся. Но отступать поздно. Сергуня настойчиво шмыгал по кольцу, но более страдал палец, и вскоре выступила кровь. Увидев её, Сергуня повторно облил палец валерьянкой:

— Прекращаем это дело. Я не живодёр, чтобы без замороз-ки пилить живого человека!

— Нет уж, милоч, если взялся — доведи до конца. Мне уж будто полегче сделалось.

— Тогда за последствия не отвечаю! — на всякий случай предупредил он.

Далее «операция» продолжалась без разговоров: Сергуня молча, чтобы не отвлекаться, а Дарье было не до того. Её вы-сокий и обширный лоб от боли съёжился складками, сама она, страдальчески поджав губы, постанывала и часто ды-

шала. Вскоре на помощь пришёл её муж, по прозвищу Подсеват. Маленький, тощий, он напоминал недозревший стручок гороха. В прошлом году попал в больницу с инсультом, после этого немного оклемался, но ногу по-прежнему подволакивал и постоянно тряс рукой, будто муку решетом сеял, за что и получил беззлобное прозвище. Комкая трясущимися руками полотенце, он промокал на лбу жены бисеринки пота и что-то испуганно шептал.

Когда Дарья вскрикнула, Сергуня понял, что кольцо разьединилось и зазубринами впилось в воспалённый палец.

— Ну вот и всё! — облегчённо сказал он, будто кольцо пилил на своей руке. — Осталось разогнуть.

Он взял кусачки и увидел высокую, голенастую девушку, коротко стриженую.

— Вы соображаете, что делаете?! Это варварство! Откуда вы такой взяли? — удивилась она.

Дарья попыталась что-то сказать в защиту соседа, но фельдшер и слушать её не стала:

— В больницу вас отправлю, на своём участке варварство не потерплю!

— Кольцо снимем — хоть куда отправляйте, — не уступал Мышкалов.

— Гражданин! — вспыхнула девушка. — Вы как себя ведёте, а ну, позвольте!

Сергуня и девушка тянули руку каждый к себе, а Подсеват, не зная, чем помочь Дарье, бестолково и испуганно топтался рядом.

— Да что же вы, окаянные, вытворяете?! — неожиданно заголосила она, будто разгоняла петухов. — Дед, чего смотришь? Возьми палку хорошую, не то они руку напрочь оторвут!

Дарья неожиданно прослезилась и её слёзы подействовали: фельдшерица отскочила, а Сергуня быстро опомнился:

— Вот это правильно! — И через секунду разогнутое колечко лежало у соседки на ладони. — Теперь ты у нас незамужняя, Дарья Ивановна!

— Вы, молодой человек, рано успокоились. В любом случае я это так не оставлю!

— Свежо предание, но верится в него с трудом, — ухмыльнулся Сергуня. — Придётся вечером получить разъяснения и поближе познакомиться!

Елена Николаевна видела и слышала, как сын пререкался с Ниной, и когда та ушла с Дарьей делать ей укол от столбняка, сказала Сергуне вроде бы шутливо:

— Тебе-то разве такая нужна? От такого красавца любая городская не откажется!

Сергуня усмехнулся, вспомнил московскую студентку и спорить не стал. Попил молока и отправился на реку, желая побыть в одиночестве, но, пока шёл, его преследовал Нинин взгляд крупных, как у косули, широко поставленных глаз, будто говоривших: «Почему раньше тебя не знала?»

На реке Сергуня поплавал, позагорал, и весь день провёл расслаблено. Ближе к вечеру начал собираться в клуб. Погладил смявшуюся в сумке свежую сорочку и джинсы новые надел. Елена Николаевна ревниво наблюдала за сыном, мол, не успел приехать, а уж из дома летит. Не сдержалась, посоветовала:

— В слободу ходил бы, показался бы нарядным. Там, говорят, танцы бывают, а у нас-то скучно, молодёжи мало. Может, свою слободскую залётку увидишь. Я слыхала, она уж университет окончила.

— Танцы-шманцы в Москве надоели — толку-то от них, — ответил Сергуня неопределённо и вспомнил одноклассницу из слободы — Тамару Гришину, и то, как одно время ухлёстывал за ней. — Мам, я в наш клуб схожу.

Такой ответ Елену Николаевну не обрадовал:

— Ты хотя бы с Нинкой-то не водись — кручёная она. Успокой меня!

— Мам, нашла о ком говорить?!

— Вот и хорошо, — повеселела она. — А пока приведи корову.

Пригнал Сергуня корову с луговины на задах огорода, дождался, когда мама подоит её, потом они вместе поужинали, и без лишних слов отправился в клуб. Хотелось повидать кого-нибудь из сверстников, но у клуба бегала мелкота, из окон доносилась музыка, но взрослых не было, не появилась и Нина, и он отправился домой, решив пройтись мимо медпункта, где жила она. И, как оказалось, не зря. На крыльце он заметил темное пятно, но она хотя бы словечком обозначила себя.

Зато Сергуня не растерялся:

— Не скучно одной?

— А вы из цирка? Повеселить хотите?

Она делала вид, что Сергуня ей совсем не нужен, но он вскоре выпытал, что Нина в прошлом году окончила медицинское училище, что родом из соседнего райцентра Озерки и не чаёт перебраться поближе к родителям. Узнав «анкетные» данные, Сергуня вдруг поймал себя на несуразной мысли, что не знает, о чём говорить. Задумки у него получались

вроде бы складными, но говорил он сумбурно, с длинными паузами, и чувствовал, что и Нина волнуется.

И всё же с крыльца ушёл на рассвете. Хотя Нина закрыла дверь перед самым его носом, это Мышкалова не обидело. По опыту знал, что торопить события — конец всему. Домой Сергуня пошёл не сразу и, поддавшись настроению, незаметно оказался за околицей.

Удивительное чувство овладело им в этот ранний час. Взглянув со стороны, не всякий бы и догадался, кто этот странный человек, идущий навстречу солнцу. Он размахивал руками, поддевал росную траву, а в мелком овражке, спугнув с лёжки зайца-русака, пустился за ним. Но куда там! Длинноногий убежал, а запыхавшийся Сергуня разулся, подвернул джинсы и вприпрыжку зашагал по просёлку. К дому подошёл со стороны огородов. Проходя мимо картошки, наполовину окученной, он увидел приткнутую к ограде мотыгу, охапки повителю на грядке и невольно вспомнил, как выглядела мама, когда утром пришла с картошки. Первую грядку Сергуня окучил из интереса, как бы шути, потом скинул рубашку, джинсы, кроссовки и продолжил работать, наполняясь весельем, чувствуя ногами прохладную землю. Он слышал, как просыпалось село, как мама доила корову. Как раз в это время Сергуня завершил работу и передохнул, потёр нившую поясницу и направился к дому. Умылся, вымыл ноги, на веранде выдул полбанки молока и завалился спать.

Отогнав корову, Елена Николаевна собралась на огород. Ей очень хотелось в нынешнее утро разделаться с окучиванием: ботва-то на полметра вымахала! Но грядки оказались ухоженными, и она догадалась, что это Сергуня постарался. Радовалась помощи сына, но и жалела его одновременно, сокрушаясь, что пол-огорода он перевернул неизвестно когда. Давно так никто не помогал; старший сын редко навещался, Сергуня всегда транзитом сквозил, а муж на Севере теперь пропадает вахтами. В начале июля должен приехать, чтобы на сенокос успеть.

Оглушённая необычностью сегодняшнего утра, она вернулась в дом, заглянула на веранду и долго смотрела на спящего сына, как когда-то смотрела на мужа, когда тот спал, умотавшись на работе.

4

И потекли удивительные дни. Спать Сергуня ложился, когда над Пустошкой разгуливало солнышко, а просыпался за полдень, не обращая внимания на галок, вдруг ни с того ни с сего начинавших галдёж, будто им кто-то не понравил-

ся. Но летний день долгий, и Сергуня успевал расправиться с массой хозяйственных дел и делишек, а под вечер, сходяв на реку, усаживался ужинать с неторопливой степенностью рабочего человека. Услышав от Елены Николаевны, что пора начинать сенокос, зная, что приедет брат, отбил косы. Сергуне было приятно видеть, что мама с ним считается и гордится. В разговоре с соседями она не забудет рассказать, как сынок вокруг бахчей новую изгородь поставил, а теперь думает сараем заняться. Пусть все знают, что сын её не ветренный, как считают некоторые, не чурается никакой работы. И не Лель-бездельник он и гулёна, а хозяйственный и заботливый.

Заметил Сергуня и то, что мать не так ревностно, как в первые дни, наблюдает, как он собирается на свидание. То, что её сын «гуляет» с Ниной, знало всё село. Ну и пусть. Это лучше, чем ходить в слободу, где, говорят на днях драка случилась. А о Нине в селе никто не скажет ничего плохого: скромная, уважительная, да и сыновье дело молодое. Елена Николаевна стала иного побаиваться: как бы сын не натворил глупостей, отчего ей потом будет стыдно на людях показаться. Но свои переживания не могла, стеснялась высказать взрослому сыну.

Как-то Сергуню разбудили грубо и бесцеремонно, чуть ли с кровати не стащили. Разлепил он глаза, а это брат Александр белозубо улыбается и сразу с претензией:

— Сколько можно дрыхнуть?! А ну — подъём! Когда сообщил, что уволился, я не поверил, хотя тебе не привыкать.

Мышкалов свесил ноги с кровати, потянулся, весело сказал:

— А у нас свобода! Где хочу, там и живу! Теперь вот здесь! — и широченно размахнулся руками.

В этот момент из сеней донёсся короткий звяк опрокинутого ведра, и братья повернули головы — догадались, что их разговор слышала мама.

Сергуня встал с кровати, надел шорты и, пройдя в сенях мимо неё — она что-то собирала на полу — вышел во двор. Когда вернулся умытый и посвежевший, понял, что мать и брат успели переговорить и теперь смотрели на него выжидаючи.

— Серёженька, это правда? — спросила Елена Николаевна.

— А кого побаиваться. Пойду к Митрофанову. Он, говорят, широко развернулся: землю арендует, поля восстанавливает, ферму построил.

— Ма, — встрепенулся Александр, — собирай на стол, а то я с голодухи помру. — Да и некогда раскочиваться — на три дня только приехал. А ещё надо косы отбить, то да сё...

Пока Елена Николаевна хлопотала в кухне, чернобровый, румяный Александр — весь в мать — делился с братом:

— Представляешь, — горячась и оттого капельку заикаясь, говорил он, — мы с тобой теперь таких чёрно-пегих гонцов заведём?! Не собаки, а звери будут! Ни один заяц не уйдёт. А ещё фокстерьера, чтобы лисиц в норах брал.

Александр долго бы объяснял раскрасневшемуся после умывания Сергуне о щенятах, ружьях, о том, где лучше поставить конуру, но приглушённое всхлипывание, донёсшиеся из кухни, остановили его.

— Ма, ты чего? — заглянув за перегородку, удивился Александр, ведь радоваться надо, что Серёга будет с вами жить, а ты слезу гонишь!

Оставив кухонные дела и на ходу вытирая о передник руки, Елена Николаевна подошла к столу, устало опустилась на стул и пристально принялась рассматривать старшего сына. От необычного взгляда, тому стало не по себе, и он попросил:

— Ма, успокойся, ничего же не случилось особенного!

— Тебе что, ты свою жизнь устроил, — укорила она сына. — Ты теперь ишь каким умным стал. Тебе этого... стерьера заведи, конуру ему поставь. Как и слова-то такие говорить младшему брату не стыдно. Ты ему за отца почти всю жизнь был, а чему сейчас учишь? Не совестно будет, если он начнёт коровам хвосты крутить, он разве хуже других у нас?

— Теперь, ма, такая тенденция: где есть работа, там и жить надо.

— Что же ты этой тенденции не поддаёшься. Женился на городской и думать ни о чём не желаешь!

— Сама же знаешь, ма, что прежде, чем жениться, я пять лет по общежитиям скитался да углы снимал. И потому не хочу, чтобы и он, — Александр кивнул на Сергуню, — хлебнул такой жизни. Кто ему мешал подыскать подходящую москвичку? Не смог, не получилось — винить некого!

Торжественного обеда не получилось. Братья малость выпили, перекусили, а потом собрались на реку. Когда спускались к воде, из-за поворота выскочила обшарпанная красная «Нива», остановилась, и из неё выбрался пучеглазый фермер Иван Митрофанов, которого называли за круглолицесть Персиком. Он подошёл, поздоровался, спросил:

— Купаться собрались? Что ж, дело хорошее. Речка речкой, но и о деле забывать не стоит. Правильно говорю, Сергей? Помнишь наш разговор? «Кировец» новый в лизинг взяли. В скором времени доставят. Трактор с кондиционером и со всеми прибабасами. Что скажешь?

— Через недельку приду, а сейчас надо с сенокосом разобраться. Вот брат приехал. Не отпускать же его просто так, пока отец на Севере!

— Лады. Телефон у тебя мой есть — звони.

Когда Митрофанов уехал, Александр ухмыльнулся:

— Вот видишь, без работы не останешься.

— Да уж. Была бы шея — хомут найдётся...

— Так что, братуха, долго загорать не будем. Искупнёмся — и назад, косы налаживать. Сегодня же пойдём косить, пока погода установилась. Вот-вот и Наташка подъедет — будет кому сено ворошить.

Искупавшись в омуте, братья вышли на берег. Увидев перевёрнутую лодку, Александр остановился, сказал:

— Вот чем тебе надо заняться. Осенью острогой будем шук бить. А так без дела гниёт.

— До осени ещё далеко, — отговорился Сергуня.

Когда вернулись с реки, Александр первым делом спросил:

— Косы подготовил?

— Отбил...

— Надо проверить!

Когда проверили, Александру не понравилась его работа, даже анекдот вставил:

— Как любовник ни старайся, а муж всё равно по-своему постарается! — слышал такую притчу? Так что придётся самому довести косы до ума. Не зря же отец когда-то учил. Где «бабка»?

Сергуня вынес из сарая лавочку с вбитым металлическим конусом — «бабкой» для отбивания косы, а брат, окорячив лавочку, положил на «бабку» косу и начал аккуратно стучать молотком по жалу. «Отбив» полотно, приступил к другому. Когда закончил, поторопил:

— Ну что? Хотя солнце пока высоко, надо собираться. Пока дойдём — посвежее станет. Можно даже на машине подъехать.

— Был бы джип — можно бы, а так в траве увязнем — по пояс её ныне.

Прихватив сумку с водой, брусками, братья собрались в луга, и Елена Николаевна их благословила, перекрестив на дорожку, хотя и идти-то всего лишь до ближайшей лощины. Это в прежние годы, когда почти в каждой семье были коровы да овцы, могли и за пять, и за семь километров затопиться, лишь бы настричь возок-другой. Теперь же не только луга заросли, но и многие поля покрылись берёзами да осинником. Те, кто пока держали коров, хотя и мало таких осталось,

имели «свои» делянки и косили на них траву из года в год. Иначе нельзя. Год не покоси, и луговина зарастёт чапыжником, а на нём, когда он высохнет, только косы рвать. А если косишь каждый год, то и косить легче, и трава самая едовая.

Ближняя лощина всего в километре от села. Поднялись за домом на увал, спустились с него — вот и лощина с окантовкой из терновника и одиноким дубом, под которым, бывало, спасались от жары. Александр начал первый прокос с левой стороны, чтобы под руку. Добив рядок, сдвоил его встречным проходом, а потом они друг за другом косили рядок за рядком. Сперва было жарковато, но незаметно солнце скатилось за увал, и косить стало легче, и оводьёв поубавилось.

В какой-то момент Александр остановился, вздохнул:

— Эх, Сергуня-Сергуня! Была прежде жизнь, хотя и тяжёлая, но своя, привычная. А теперь все разбежались из сёл да деревень, и мы в том числе, а душа всё равно не желает отпустить. А ты молодец! Поживи пока дома, в общагу-то всегда успеешь вернуться. Подругу подыщи, хотя их теперь нет особенно, если только какая залётная, тогда и жизнь у тебя окончательно наладится, чтобы не быть перекаати-поле. Ладно, учить тебя уму-разуму бесполезно, своя голова есть. Так что думай, мужик, думай!

Косили до поздних сумерек, благо дни июньские позволяли. А когда, почти затемно, пришли домой — Наташка встретила на крыльце!

— Вот и сеструха прибыла! — обрадовался Александр, и обнял её, поцеловал в щёку, а Сергуня лишь приобнял.

Наташа и Александр уродились в мать: чернобровые, смугло-румяные, темноглазые, а Сергуня — весь в отца: пшеничные с кудрявинкой волосы, голубые, подёрнутые лёгкой дымкой глаза. У него и прозвище из-за них — Лель, будто у древнего загадочного славянина.

— Сессию сдала? — спросил Александр.

— Да, почти всё на отлично! Теперь до сентября свободна.

— Вот и прекрасно! Завтра отсыпайся, а в обед будем рядки ворошить.

К ним вышла Елена Николаевна, позвала:

— Пошли, ребята, ужинать, пока все собрались.

Три дня от утренней зари до вечерней Мышкаловой потели на покосе. Сена заготовили столько, что на две коровы хватит. Три стожка стояло на выкошенной, словно вылизанной луговине. Могли бы и четвёртый поставить, но лишь сбили спелое сено в валок, зная, что Сергуня договорился с Митрофановым о тракторе. Позвонил ему, а тот не стал набивать цену:

— Некого мне тебе дать. Приходи на машинный двор и бери «Беларусь» с телегой, охраннику я позвоню.

Перевезли сено в тот же день за два рейса, торопились, пока стояла ядрёная погода. Более всех суетился Александр, договорившийся со своим начальством об отгуле сверх выходных. Когда сеном набили сарай и поставили в сторонке два стожка, он спустился к речке: смыл пот и сенную труху. Александр спешил: быстренько перекусил, попрощался, уселся за руль «Ларгуса» и, как ни уговаривала мать остаться до утра, уехал в ночь. Сергуня отогнал «Беларусь». Вернувшись, побарахтался в речке. Пока плескался в омуте, вспомнил слова охранника: «Митрофанов просил утром позвонить!» Сергуня догадывался, о чём будет разговор. Так и вышло: позвонил, а тот сразу в штыки:

— Приходи поговорить. И книжку трудовую возьми.

Пока Сергуня собирался, сестра собралась уезжать, а мать чуть ли не в слёзы.

— Куда это?

— На сборы?

— Какие такие сборы? Чего собирать надумала?

— На спортивные. Я же всё-таки чемпионка области на стометровке. Поэтому включили в команду университета по лёгкой атлетике. Если хорошо буду выступать, то переведут с платного на бюджетное обучение. Разве плохо? Папе не надо будет мотаться на Север.

— И когда же приедешь? — вздохнула Елена Николаевна.

— Думаю, на недельку перед занятиями загляну. Так что, мамуль, не переживай. Я папе звонила, он знает.

— Папа твой тоже хорош. Ждали его к сенокосу, а он ещё на одну вахту остался. Теперь четыре месяца не увидим.

Сергуня слушал-слушал слезливый разговор и сказал на прощание Наталье:

— Деньги будут — высылай! — и отправился к Митрофанову.

Нашёл его, а тот без разбега:

— Пора, дружок, на работу выходить! Месяц уж, наверное, болтаешься по селу?! Не передумал?

— Нет, конечно. А что, «Кировец» пригнали?

— «Кировца» к осени подкатят, тогда будем поднимать зябь. Несколько их поступит в район по лизингу. А пока поработаешь на дэтэшке. И учти, все у меня, по возможности, подменяют друг друга: сегодня ты тракторист, послезавтра на ферме работаешь. Сразу скажу о зарплате. Не будешь нарушать дисциплину, то заработки достойные. Если нет водительских прав, за зиму можно выучиться на водителя. Учёбу

я оплачу. Если два года не отработаешь — деньги вернёшь. Но от меня мало кто уходит. Люди не жалуются. Всё лучше, чем на вахты мотаться.

5

Трактор получил Мышкалов подержанный, хотя на новый и не замахивался, хотя новый был всего один — белорусский. Главное, машина на ходу. За один день он освоился с подзабытой техникой, вспомнил точки смазки, и «дэтэшка», почувствовав руку нового хозяина, послушно подчинился. Неделю Сергуня потел на вспомогательных работах и наладил отношения с мамой, сперва огорчавшейся, что он остался в селе. Зато отец радовался. Как ни позвонит, сплошное одобрение. Сергуне этого и надо, и постепенно привык к мысли, что теперь он вновь сельский житель.

Вскоре Сергуня нацепил на трактор «лопату» и стал мотаться за два километра на заросшее березняком поле — на корчёвку. Уезжал на весь день и набирал с собой еды и воды пятилитровый баллон. Вечером возвращался пыльным, потным, с пакетом грибов, собранных во время «перекуров», и притащив на тросе костёр берёзовых хлыстов. Вскоре полудлицы ими загородил. Мама сперва радовалась, а потом охладил:

— В переулке оставляй, корова чуть вымя не напоролла. Да и газ у нас имеется.

— Запас карман не тянет. На несколько лет для бани дров заготовлю! Как батя говорит, надо ковать железо, пока оно горячо. Берёзы на полях не вечно стоять будут, а пока можно забесплатно запастись! — настоял Сергуня.

Поэтому он особо не слушал Елену Николаевну, зная, что надо делать. Накупавшись в реке и, поужинав, отправлялся к Нине в медпункт. Их свидания стали привычным делом. В первые дни они лишь болтали, потом начали целоваться, но это занятие, хотя и приятное, не особенно устраивало его. Ему хотелось большего, но Нина — ни в какую! Только и растаяла, когда узнала, что Сергуня «сдался» Митрофанову. И после этого другое настроение пришло, даже в какой-то момент собрался перебраться к ней жить. Сказал об этом маме — та и слушать не пожелала. Даже отругала:

— Что это такое?! Чтобы ночевать домой приходил!

Он не сердился, нет, понимая, что Елена Николаевна судит о сегодняшних отношениях молодых по своей жизни, о том, как было у них с отцом, и понимал её. Даже внутренне радовался, ведь оставайся он у Нины — ни сна не будет, ни покоя. А так всё успевал и со свежей головой ехал на расчи-

стку. Поработает, наберёт подберёзовиков да подосиновиков, сфотографирует и отошлёт фото Наташке. А та слюнями исходит в спортивном лагере, начинает ныть: «Мне оставьте!»

Хотя и жарко, но работать можно. Это не на пахоте пыль глотать. Работа простая: наклонил берёзу «лопатой», а потом с корнем выдрал из земли. Оттягал в сторону, и к новой берёзе. И так весь день. Невольно задумываешься, а задуматься есть над чем. Ведь не он один выковыривает деревья, а всю страну захватило весёлое занятие. Вот и вздыхает: «Это надо так запустить поля! Или всегда так: сперва всё ломаем и доведём до раздрая, а потом спохватываемся и начинаем жилы из себя тянуть. Разве нельзя было подумать о полях 10-15 лет назад, когда ушлые люди скупали крестьянские паи и потом сидели на них, как мыши на крупе, дожидаясь удобного случая, чтобы перепродать и нажиться. И ведь дождались, когда цены на зерно повысились и урожаи стали отменными, а сельское хозяйство вдруг сделалось привлекательным, стали сдавать землю в аренду. Будь по-иному, какого арендатора заставишь вкладывать деньги в раскорчёвку и обработку земли. Или всему своё время. Ну хотя бы одумались, пусть и с опозданием, и то хорошо».

А как-то разволновался о комбайнах, вспомнив, как одно лето работал у отца штурвальным. И теперь мечтал поработать на уборке, спросил у Митрофанова, почему комбайн не ремонтируется, а тот лишь усмехнулся:

— Какой же ты, Сергуня, заботливый, а того не понимаешь или не знаешь, что комбайны содержать невыгодно. Теперь в нашей местности многие используют комбайны со стороны. Обмолотили они хлеба на Кубани, с комбайнов снимают жатки, грузят на трейлеры и везут, например, в Воронеж, где хлеба созревают позже. У них убрали — к нам перебираются. Вот и весь расклад. А забота твоя радует.

— Всё равно это неправильно. А коснись экстремальная ситуация. Что будем делать? До снега ждать комбайны со стороны?

— Об этом теперь никто не думает — всем интересна прибыль сегодня и сейчас.

— Это-то и плохо...

— Может, и плохо, но у меня есть договор с владельцами! Вовремя комбайны не пришлют, не выполнят обязательств — засужу. А суд в данном случае будет всегда на нашей стороне. Так что по этому поводу переживать не надо.

В какой-то из дней, когда Сергуня продолжал мечтать о переустройстве сельского хозяйства, оборвалась гусеница, и он успел затормозить. Трактор оказался наполовину «разу-

тым», но хорошо, что катки не сошли с гусеницы. Неприятность. Даже, можно сказать, авария. Сергуня начал ремонт — «палец» из трака выбить не может. Хотел позвонить бригадирю, чтобы прислал кого-нибудь на помощь, но вовремя одумался. «Вот так, скажут, специалист появился — с ерундой справиться не может!» Ведь засмеют потом. Когда немного остыл, принялся за починку с ясной головой: ослабил натяжение направляющего колеса, выбил «палец», укоротил гусеницу на один трак, и через час трактор вновь был на ходу. Правда, Сергуня сорвал кожу на собственном пальце, но всё равно остался в хорошем настроении: «Нина подлечит и до свадьбы заживёт!»

Вечером, пригнав трактор, Сергуня схватил шампунь и мочалку и побежал на речку. Под душем хорошо, но искупаться в омуте — это то, что нужно после жаркого дня. Правда, на речке не валандался. Торопливо помылся, окунулся в прохладной, освежающей воде, и сразу задышалось легче, и по коже мурашки побежали вереницей. Когда вернулся, Елена Николаевна, посматривая на сына, шутила:

— Вот как присушила она тебя. Вот так девка, вот так молодец. Хотя бы сказал, когда расписываться думаете? А то соседки уши прожужжали — ждут не дождутся свадьбы в Пустошке. Дарья гуся в подарок готовит, откармливает отменно — помнит, как ты от гибели спасал!

Сергуня слушал, но вида не подавал, отнекивался:

— Спешить мне некуда, я молодой пока!

— Я те дам — молодой! У твоих одноклассников дети в школу бегают, а ты только пыль в глаза людям пускаешь.

— Мам, тебя не поймёшь. Пойду я.

На крыльце Сергуня наткнулся на Подсевата.

— Привет, дед, какие новости? — спросил Мышкалов, пожимая вялую руку.

— Бабка запилила. Городьба на задах заваливается. Может, посмотришь?! Сына ждал, да он позвонил нынче и сообщил, что не отпускают пока. Он ведь в науке крупный специалист. В Академгородке живёт!

— Всё понял. Сейчас на корчёвке работаю, так уж и быть жердей наготовлю, а уж о столбах сам договаривайся с лесником или ещё с кем-то. Как выдастся выходной, помогу.

Подсеват заулыбался, а Сергуня, торопливо поужинав, заторопился вдоль порядка. Не успел появиться у Нины, как она увидела его перебинтованную руку.

— Что случилось? Иди за мной!

Сергуня прошёл за Ниной, присел на кушетку и начал разглядывать помещение, будто попал в него впервые. Скольз-

нул глазами по шкафчику с бумагами, по круглой этажерке с лекарствами, посмотрел на потрет хирурга Пирогова, помещённого в прорезке. Мышкалов остановил взгляд на зашторенной двери, за которой спала Нина и где он не раз бывал, но в пылу чувств ничего не замечал. Пока осматривался по сторонам, подошла Нина, взяла его руку, спросила:

— Почему повязка мокрая?

— Так купался же недавно!

— Ну кто же рану мочит! Ты хотя бы обрабатывал её?

— Йодом облил и забинтовал.

— За такое разгильдяйство, укол от столбняка тебе сделаю!

Она сняла повязку, осмотрела рану, обстригла часть кожи, промыла перекисью водорода. Затем наложила тампон с пахучей мазью и начала бинтовать. Бинтовала нежно-нежно, как показалось Сергуню, а когда обрезала кончики бинта, ласково посмотрела на Мышкалова, будто спросила: «Хорошо я перевязала? Ведь правда не больно?»

Но ласковый взгляд не спас Сергуню от укола. Она залепила место уколола пластырем и попросила:

— А теперь поцелуй!

Забота Нины, её мягкость и нежность заставили Сергуню по-иному смотреть на неё. Показалось, что даже укол она сделала так необычно, что он не почувствовал боли. От всего этого Сергуня смешался, взял в свои руки её узкую ладонь, захотел сказать что-то ласковое и нежное, но лишь прижал Нину к себе и долго молчал, словно проникался её настроением, оказавшимся схожим, и даже знал, о чём думала она в эти минуты.

И это походило на правду. Нина не понимала, что случилось с ней в это лето. До знакомства с Сергуней она не задумывалась о замужестве и не понимала, что в нём хорошего, не считая, конечно, детишек. А теперь словно кто-то нашёптывал: «Замуж, замуж, замуж!» Стыдясь саму себя, Нина обдумывала, где будут они жить, как она будет готовить его любимое блюдо — яичницу с мелко порезанной ветчиной. Думала и том, сколько будет у них детей. Сперва ей хотелось, чтобы первой была девочка, но потом решила, что если родится мальчик, то это даже лучше — Серёжа будет доволен. Вроде бы ничего особенного сегодня не произошло, но именно с этого момента Нина прониклась настоящими чувствами. Теперь ни на минуту ей не хотелось оставлять его одного. Поэтому, перебинтовав руку, попросила остаться. И как-то сам собой возник вопрос о женитьбе, когда он спросил:

— Может, нам расписаться? А то меня мать запелила?!

— А ты сам-то этого хочешь?

— Конечно!

— Тогда я согласная. Надо только сперва с моими родителями поговорить.

— Вот и съезди.

— Ну что же я одна? Вместе поедем!

Чтобы не затягивать событие, они в очередной выходной собрались к родителям Нины. Добираться недалеко — в соседний райцентр Озерки. Попали к обеду. Нина принялась помогать собирать на стол, шутила, обращаясь к маме и отцу — похожих друг на друга из-за худобы и настороженных из-за внезапного появления дочери, да не одной. Особенно, когда она сказала:

— Мы знаем, когда приезжать!

Нина улыбалась, без умолку тараторила, но отец первым уловил: что-то дочь замалчивает. Спросил:

— Ловко говоришь, но не договариваешь!

— Могу и договорить! — бодро ответила Нина и, потупившись, тихо добавила: — Мы с Сергеем заявление собираемся подать!

Пятнадцатилетняя пухленькая Вера, взглянув на старшую сестру, восторженно захлопала в ладоши, а мама, безвольно сложив на груди руки, вздохнула:

— Оте-ец!

Сергуня, познакомившись с родителями, долго говорил после обеда с Нининым отцом. Рассказал ему о себе. Более говорил о том, как помотался по стране, посмотрел жизнь и теперь вернулся в родное село, чтобы не бросать родителей одних. С Ниной познакомился. Встречаются уже несколько месяцев, друг без друга жить не могут, поэтому решили пожениться. Нинин отец одобрил его рассказ, пожал руку и сказал:

— Женщины, конечно, есть женщины, но ты не обижай Нину. Она добрая, отзывчивая. Сейчас редко такую встретишь.

Попив чаю, они вернулись в Пустошку другими людьми: более взрослыми, ответственными, даже говорить стали по-иному. Прежде через слово шутки-прибаутки проскальзывали, а теперь посерьёзнили. Елене Николаевне всё рассказали, а у неё сразу вопрос:

— А как же наш отец? Что же это за свадьба без него?!

— Мы сейчас позвоним ему! — не растерялся Сергуня.

Сам поговорил, потом передал трубку маме. Та прослезилась, начала вздыхать от слов мужа, и вернула трубку.

— Серёж, ты парень взрослый — решай сам! — сказал Евгений Иванович. — Понятно, что хотелось бы быть с вами,

но я прибуду через три месяца. Вы с ума сойдёте за это время. Спроси у мамы, долго мы ждали? Заявку подали, а через неделю расписались. Так что я вполне понимаю вас. Действуйте! — напутствовал отец Сергуню.

Правильно сказал Евгений Иванович, но не всё: да, они с Еленой Николаевной расписались через неделю после подачи заявления, а перед этим встречались два года.

6

Поездка в Озерки никак не повлияла на Сергуню и ничего в нём не изменила. Ему казалось, что они лишь побывали с Ниной в гостях, познакомились с родителями. И что из того? Сразу, что ли, хомут на шею вешать, по одной половине перед женой начинать ходить? Это-то к чему? Ну, встречались бы и встречались, а то скорее жениться! Он и предложение-то сделал Нине шутки ради, чтобы проверить её чувства, а она сразу: «Тогда я согласная». Вот удивила, так уж удивила. Как всё легко и просто у неё! Не успели познакомиться — скорее расписываться. Нет, не так представлял Мышкалов свою дальнейшую жизнь, когда уезжал из Москвы, обжегшись на москвичке. В мечтах хотелось свободной жизни, когда никому ничем не обязан, никто не будет стоять над душой и что-то просить, а хуже того — требовать. Поэтому и расстался с будущей тёщей и тестем совершенно без настроения, словно спасался бегством.

Видно, из-за этого и гостей на свадьбу собралось меньше, чем ожидалось: без радости приглашал он людей на свадьбу, словно по принуждению. Ну, понятно, Наташка на день примчалась, брат Александр с семьёй прибыл из Тамбова; с Нининой стороны на двух машинах приехали, соседи пришли. Заглянул Митрофанов, подарил набор ключей из добротной стали. Поздравил и улыбнулся со значением:

— Чтобы гайки ловчее крутил в семейной жизни, но не перекручивал! Резьбу сорвёшь — пиши пропало!

Худо ли, бедно ли, а два дня гулял народ: в субботу собрались, а в воскресенье после обеда разъехались. Нина переехала жить к Сергею и начала привыкать к новой семье; заняли они пристройку, чтобы не мешаться Елене Николаевне. Если ранее, встречаясь со свекровью на селе, лишь здоровалась, то теперь не уставала обо всём говорить, словно за год, прожитый в медпункте, она соскучилась по домашним беседам и уюту. Ей, провинциальной жительнице, было легко с Еленой Николаевной. Нина могла и корову подоить, и варенье сварить, и хрюшку, если нужно, покормить.

У Сергуни свои заботы: начал по утрам ездить в Ополье на краткосрочную стажировку, где дюжина таких же механизаторов, как он, знакомилась с «Кировцами» новой модели. Трактор, конечно, красавец и по внешнему виду, и по удобству. Сидишь в нём, будто в самолёте: дисплеи, кондиционер, звукоизоляция отличная, руль лёгкий — только работать.

Три дня пролетели незаметно, а через неделю их повезли в соседний район на станцию принимать трактора. Приехав, разобрали документы, прогрели моторы, послушали, как работают, и колонной двинулись в свой район. По прибытии их ждал представитель гостехнадзора, сразу оформивший техосмотр каждой машины, выдал номера, и, подцепив новый поворотный плуг, доставленный ранее, Сергуня в сопровождении Митрофанова отбыл с базы в Пустошку. Трактор оставили на охраняемой стоянке, и он возвышался рядом с «дэтэшками» и «Беларусями» словно дворец среди сараев.

— И впредь здесь ставь! — сказал Митрофанов Сергуне. — Техника дорогая, а дураков хватает — из вредности стёкла побьют.

— Машина, конечно, классная. Пятьдесят километров проехал и ещё столько же могу.

— Успеешь накататься. Освойся и через денёк-другой цепляй дискатор и пройдишь по новому полю, где недавно берёзы корчевал. Там уж и трава поднялась, и отдельные кусты взбодрились. Надо их причесать под зиму. Скоро вегетация закончится, и до весны земля поспеет. Потом дальше поле обработай, до тебя его корчевали. Как это сделаешь, начнём озимые сеять, а отсеемся — будем зябь поднимать. Вот такой план. Так что работы хватит. Этот сезон уж один работай, а на следующий подышу тебе сменщика, чтобы трактор использовать по максимуму — не зря же за лизинг плачу.

— Я бы и сейчас был не против.

— Нету такого, кому можно дорогую технику доверить. Вроде нормальные у меня мужики: опытные, работающие, но стоит заложить за воротник, могут и неделю прогулять, и трактор в бучило загнать или столб-другой снести.

— А я, значит, надёжный?

— До конца, конечно, не знаю, но справки наводил, интересовался тобой. Это уж, извини, моя забота.

— Скоро батя с Северов вернётся!

— Новость. Спасибо, обрадовал. Он же у меня ранее работал. С превеликим удовольствием вновь возьму. Вот тебе и сменщик будет!

Через неделю-другую воздух по-осеннему застекленел, уплотнился, пришло дивное время, когда забот в хозяйстве поубавилось, над селом стояло неяркое солнце, стелился запах яблок из садов, из огородов — пожухшей повители, и природа, казалось, отдыхала от летней жары. В эти дни Сергуня поднимал зябь — готовил пашню к яровым будущего года. Кому-то эта работа кажется нудной, а для него самая подходящая. Никто не суетится под рукой, не командует, не просит ни о чём. Сам себе хозяин. В обед Сергуня остановил двигатель, уселся в лесопосадке пообедать. Налил из термоса в крышку бульона, ломоть ржаного хлеба прихватил: удовольствие и только — похлебать горячего на свежем ветерке. Потом смолотил утиную грудку, а яблоки оставил на потом. Не жизнь, а сплошное удовольствие. С этим ощущением и работал. И день, и два — сколько нужно.

Когда подняли зябь на своих полях, Митрофанов не успокоился и отправил Сергуню на помощь знакомому фермеру. Сперва Мышкалов не понял, что за нужда помогать чужому «дяде», и удивлённо спросил:

— Конкурентов пестуем?!

— Так ведь не за красивые глаза! Лизинг-то надо окупать. Денежки из кармана и без того рекой текут. К тому же это мой брат двоюродный!

— Ну, если брательник, — святое дело! — согласился Сергуня.

Ему не очень хотелось мотаться бог знает куда, хотя, по словам Персика, там всего-то 80 гектаров. За неделю вполне можно управиться. Вот только придётся ездить за девять километров по просёлкам, что проблематично с плугом. Поэтому Сергуня «взбунтовался» после первого же дня, и брат Митрофанова, похожий на него самого, только уж очень суетливый, устроил его на постой к одинокой старушке. Это вроде бы хорошо, но как объяснить Нине, где он пропадает, в какой такой «командировке»?! Но только ночь он провёл на чужом диване — коротком и скрипучем — а потом впрягся по-настоящему. Почти двое суток не вылезал из кабины, работая и днём, и ночью, и поспал за это время лишь часа два: в кабине, дожидаясь, когда привезут в поле еды и воды.

После такой экстремальной командировки Митрофанов восхитился:

— Ну ты зверь! Тебе только бы пахать и пахать. Это природное, в крови!

Сергуня понял, что Митрофанов доволен его работой, но ёрничать-то зачем? А то ведь в следующий раз он попросит

заплатить командировочные. Но кипятиться не стал, отмахнулся от похвалы:

— Пустяки, проехали...

Мало-помалу полевые работы завершились, Сергуня законсервировал «Кировец», загнал его под навес, и он сверкал краской, как на выставке. В какой-то из дней проходя за огородами, Сергуня увидел нетронутым костёр берёзовых жердей за усадьбой Подсевата. Заглянул к нему, напомнил:

— Городьбу передумал менять?

— Сына жду...

— К Рождеству дождёшься ты своего «академика»! Столбушков наготовил?

— Ребята из лесничества привезли, в саду лежат. Давно ошкурил.

— Вот и хорошо. Можно сейчас приступить. Настроение имеется?

— Да как же... Чего же ждать-то — зимы?!

Сходил Сергуня домой, переоделся, прихватил топор, лопату, ножовку да гвоздей жменю и вернулся к Подсевату, командовал:

— Выходи строиться!

Перетаскал он дубовые столбы за огород, выкопал ямы для них, закопал, утрамбовал и начал шкурить берёзовые жерди.

— Да руки-то не оббивай. И так сойдёт!

— Эх, дед ты дед — сто лет тебе в обед, а того не понимаешь, что не ошкуренная берёза за год сопреет, а ошкуришь её — как кость станет.

— А ты молодец! Понимаешь, что к чему.

Часа три провозились они у изгороди, а когда всё сделали, Подсеват устало улыбнулся:

— Вот теперь буду спать спокойно — скотина в огород не заберётся!

— Да где ты увидел скотину-то, если в селе коров почти не осталось. Так, для порядка изгородь поставили. Мужики мы с тобой или нет?!

Пока они стучали за огородом, Дарья сходила в магазин за бутылкой и, как только они завершили дело, потащила за стол — выпить. А Сергуня сразу вздыбился конём:

— Я разве из-за бутылки старался? Обижаете!

— А как же быть-то? Так полагается!

— Сейчас всё по-иному. А бутылку к приезду сына берегите.

Старики стеснительно повздыхали, поохали, а Сергуня заторопился домой. Пришёл, а Елена Николаевна сразу с претензией:

— У катуха дверь на одной петле висит, а ты добрых людей обихаживаешь!

— Вот именно, что добрых! Жалко ведь стариков... Сейчас и дверь укреплю, так что не переживай.

Дальнейшего ворчания удалось избежать, зато и радость на душе двойная: и себе что-то сделал и людям помог.

Он бы и далее так помогал, но у Митрофанова вновь нашлась работа. Когда он оформил в аренду очередное заброшенное поле, то сказал Мышкалову:

— Расслабляться тебе рано. Бери ДТ, навешивай «лопату» и вперёд, на борьбу с берёзами. Дело тебе знакомое. Заодно и дров наготовишь.

— Летом уж наготовил. Пилить — не перепилить!

— Запас карман не тянет.

Вновь Сергуня среди осиротевших без золотистого наряда берёз: вперёд-назад, вперёд-назад. И так весь день. Испытание, конечно, хотя бодрился перед Персиком. Это не зябь поднимать на уютном «Кировце». К тому же всё ближе была зима, и налетел первый зазимок. Работать стало зябко, неуютно, но деваться некуда. Зато Митрофанов успокаивал:

— Потерпи — немного осталось, а с весны только на «Кировце» будешь работать. Время пролетит — не заметишь!

«Это уж точно, — подумал Сергуня. — Летит оно, летит!» Он успел прожить с Ниной два месяца и, хочешь, не хочешь, вполне освоился с ролью мужа, да и Нина привыкла к свекрови, называла её «мамой». После свадьбы Нина ещё более похудела, глаза словно провалились, а губы, наоборот, разбухли. Ранними сумерками предзимья, придя с работы, она помогала свекрови по хозяйству и ждала Сергуню. Услышав его топанье на крыльце, Нина накидывала шаль свекрови и выбегала в холодную веранду встречать мужа. Как-то выскочила с такой поспешностью, что и о шали забыла. Обняв и прижавшись к Сергуне, горячо задышала в ухо:

— У нас ребёночек будет!

7

После Покрова Иван Митрофанов собрался в Ополе за подарками для работников, решив отметить в хозяйстве закрытие полевого сезона. И Сергуню взял с собой. Сперва то Мышкалов заупрямился, сослался на Иванушкина, весной демобилизовавшегося, но Митрофанов и слушать не стал:

— У этого Иванушкина лишь девки на уме. А ты человек семейный, значит, надёжный. И в столице жил!

Заранее договорившись, в субботу они отправились.

Подарки для женщин купили в торговом центре «Плаза» быстро — семь комплектов постельного белья. Это без проблем. А чем мужчин осчастливить — головоломка! Митрофанов спросил у Сергуни, что бы он хотел себе, но тот усмехнулся:

— Это смотря, какой суммой распоряжаться?!

— А что, если всем по набору инструментов, а тебе бензопилу?!

— Не, я не согласен. Зависть пойдёт, разговоры. Да и дорого — разоришься!

— Набор ключей я тебе дарил. Тогда всем по электрочайнику!

— Можно и так, только потом нас вполне могут называть твоими «чайниками»!

Митрофанов рассмеялся:

— А ведь не зря взял тебя с собой. Маракуешь! Ну что, говори?!

— Во! — указал Сергуня на стеллаж. — Электродрели недорогие есть! Всегда в хозяйстве пригодятся, а чайники уж пусть жёны покупают! Ну, что берём?

— А давай! — согласился Митрофанов и попросил продавца: — Пять дрелей берем!

Сложили они покупки в сумки и пакеты, вышли на свежий воздух, и Митрофанов напомнил:

— Сейчас мимо автовокзала поедем, а там в буфете отличные чебуреки. Ты сбегашь, а я добро постерегу. Вот деньги.

Остановились недалеко от входа. Сергуня взял пакет и пошёл в вокзал. Купив чебуреков, он возвращался к выходу, когда чуть не столкнулся с молодой женщиной. Глянул на неё и рот раскрыл: Гришина! Одноклассница из слободы! Он подскочил к ней, окликнул:

— Тамар, узнаёшь?

Опрятная молодая женщина окинула усталым взглядом и удивлённо заморгала:

— Серёжа!

— Каким ветром занесло? — спросил Сергуня, разглядывая серые глаза, прямой нос, бледные губы и светлую завитую волос, выглядывавшую из-под светло-коричневого берета.

— По делам была, — вздохнула она и расстегнула верхнюю пуговицу тёмно-бордового пальто, словно ей сделалось жарко. — А ты как здесь оказался?

— С нашим фермером приехал. Я же в Пустошку вернулся.

— Это хорошо, что вернулся! Женился?

— Да нет...

— Всё-таки «да» или «нет»?

— Молодой пока для такого серьёзного шага, — неожиданно соврал Сергуня.

— А я из дома возвращаюсь, — печально сказала Тамара и прижала к себе мальчика лет шести. — Это — Серёжа, — подсказала она.

— О как? Тёзки, значит! — удивился Сергуня и посмотрел на скулсившуюся Тамару. — Что с тобой?

— Это же твой... сын, Мышкалов! — сказала она и тяжело вздохнула, а его как током обожгло:

— Тамар, объясни толком?!

— А ты уже забыл? — укорила она. — Как быстро забыл то лето?!

— Да уж сколько времени-то прошло... — замялся Сергуня.

— Значит, помнишь!

Тамара ещё что-то говорила, но Мышкалов почти не слышал её. Он смотрел на стоящего рядом с ней светленького мальчика — бледного, хрупкого, не веря, что это его сын, а сам он давно отец! Вспомнив свои детские фотографии, обнаружил явное сходство. И сразу всплыло в памяти то лето, когда, отслужив, он вернулся домой. Как-то вечером пошёл в слободу на танцы, где встретил Тамару Гришину, уже студентку, приехавшую из Питера на каникулы. Тогдашние дни прошли для Сергуни как во сне. Уж такая у него любовь получилась с Тамарой, засматривавшейся на него класса с седьмого. Правда, он в ответ всякие каверзы подстраивал: то лягушку ей в рюкзак положит, то к стулу жвачку прилепит. А в девятом классе перестал обращать внимания на Гришину. Тем удивительнее было, когда на выпускном вечере она пригласила его на «белый» танец. Но этим всё и закончилось. Мышкалова вскоре призвали в армию, и лишь когда он демобилизовался, их пути сошлись на две недели. Всего две недели, а запомнились навсегда, хотя были слёзы расставания и отъезд Мышкалова в Сибирь, куда он завербовался с товарищем по службе. «Я буду ждать тебя! — сказала Тамара на прощание: — Звони!» Сергуня несколько раз позвонил, но их общение закончилось, когда он утопил телефон, а номер на память не помнил. Года два спустя, приезжал домой, была мысль зайти в слободу к её матери, но не зашёл. Зачем набиваться, если на Гришиной свет клином не сошёлся.

— Что же не сообщила, что родился Серёжка? — спросил Сергуня. — Что же молчала?!

— Где тебя искать? Да и зачем? Была бы нужна — сам нашёл.

-
- А я тогда телефон утопил.
 - Откуда же мне знать.
 - Но ведь Серёжке отец нужен!
 - Да, нужен, но не будем сейчас об этом.

Мышкалов вдруг понял, что в эту минуту с ним случилось, наверное, самое важное в жизни. Он испугался, что они могут расстаться, не поговорив. Нельзя им так.

— Тамара, подожди — пойду Персику скажу, фермеру нашему, чтобы не ждал.

— Иди, конечно.

— Слушай, Иван, — подбежав к Митрофанову, выдохнул Сергуня. — Вот чебуреки — без меня езжай. Друга армейского встретил, надо пообщаться, а я позже на автобусе прикачу.

— Тебе видней! Долго-то не гуляй — твоя молодая заскучает.

— Нине я позвоню и всё объясню. Она понятливая.

Когда Сергуня вернулся к Тамаре, она что-то говорила сыну, а тот, увидев Мышкалова, стеснительно спросил:

— Ты мой папа?

Сергуня замялся на секунду, но сразу же налился радостью:

— Так и есть! Такой же Лель, как и ты! — и опустил перед ним на корточки: обнял, поцеловал и прижал к себе.

Тамара собралась купить билет, но он уговорил повременить с отъездом. Вышли из вокзала и пошли по улице. Куда? Зачем? Оба не думали об этом: она случайно встретила человека, которого когда-то любила, а он забыл обо всём, узнав, что у него есть сын. Рассказывали друг другу о своей жизни. Говорила в основном Тамара и всё более о маленьком Серёжке, потому что большой Сергуня вопросами одолел. Всё-то ему интересно: ходит ли сын в садик, читает или нет, хорошо ли ест... В какой-то момент замолчал, а после паузы спросил:

— Вот не пойму, почему не нашла меня, не позвонила, на худой конец сообщила бы моей маме?! Ты же её знаешь! Помнишь, приходила ко мне в гости? Мы катались на лодке, собирали на лугу клубнику, а потом мама накормила нас обедом.

— Об этом сейчас легко говорить, а тогда во мне жила обида. Потом привыкла, хотя и трудно было привыкнуть. Когда родила Серёжку, то почти сразу отвезла его к маме. Только в прошлом году забрала, когда мамы не стало, а мне дали комнату в семейном общежитии аспирантов и место в садике. Пока училась, всегда на каникулы приезжала домой, так что Серёжка знал, что у него есть мама... — Она посмотрела на сына, внимательно слушавшего её, и добавила: — А теперь и

папа приехал из путешествия. — Сынишка улыбнулся, посмотрел на Сергуню, прижался к нему, а у того мурашки по телу.

Подмёрзнув, они зашли в торговый центр, но Сергуня, заметив на противоположной стороне гостиницу, предложил:

— А давайте наберём еды и спокойно посидим час-другой, а может, и переночуем.

— Да ты что, Серёж?! Я так не могу. Да и ни к чему всё это. Что было, то прошло.

— Ладно, у нас прошло, а у Серёжки, может, только начинается.

— Нет, Мышкалов, разные мы.

— Не могу вас отпустить, не поговорив! Может, я всю жизнь ждал сегодняшнего дня!

— Давай поговорим, но недолго.

— Скажи, а чего это сына-то сделала моим тёзкой?

Она улыбнулась:

— А тебе разве не нравится? Мне кажется, что ты всегда со мной, как посмотрю на малыша, позову: «Сер-гу-ня!» — и на душе легче становится. Тебя ведь, кажется, именно так дома зовут?!

— Да, зовут... Только тяжело тебе одной.

— Привыкла. Даже не заметила, как окончила университет, в аспирантуру взяли, в следующем году окончу, работать пойду — легче будет. А ты после армии, помнится, в Сибирь уехал?

— Да. На реку Лену. До конца сезона пробыл там со старателями, а потом по стране меня закружило. Надоело кружиться — вернулся к родителям. Они вот-вот на пенсию уйдут, здоровье никудышнее — кто поможет, если старший брат живёт в соседней области, а младшая сестра в университете учится, не хуже тебя, да ещё спортом занимается — тоже дома не дождёшься.

— Серёж, вот говорю с тобой, а у самой душа беспокойная. Нам ехать пора!

— Зачем спешишь-то? — спросил Мышкалов.

— Нужно до вечера в Москву попасть и пораньше сесть на питерский поезд, а то в понедельник у меня утром занятия, а Серёжку надо успеть в садик собрать.

— Тогда хотя бы куплю ему кое-чего.

По-хозяйски расхаживая по торговому центру, Сергуня с подсказки Тамары купил сыну тёплую куртку и зимние ботинки на меху. Денег не жалел. Сам ему примеривал, оглядывал со всех сторон. Тамара в эти минуты так благодарно смотрела на Сергуню, что он слегка смутился, спросил:

— Надо бы и тебе что-нибудь купить. Подскажи что?
— У меня всё есть... — застеснялась она. — Пошли на вокзал.

— Не, сперва еды на дорогу купим! А то маленький Сергуня совсем бледный в вашем Питере.

Зашли в гастрономический отдел. Сергуня накопил сыра, сладких плюшек, йогуртов, воды минеральной. В овощном — мандаринов, орехов, гранатов и отправились на вокзал. Пока шли, Сергуня вспоминал злой и пристальный взгляд молодухи, обжегший в торговом центре. Сразу не вспомнил, где мог видеть её, а потом как кольнуло: «Она же на свадьбе была! Подруга Нины!» Он даже незаметно оглянулся, словно она могла идти за ними, но, на счастье, более не увидел её и быстро забыл.

Вскоре Мышкалов и Тамара были на месте. Он взял ей билет, детский — Серёжке. Она робко отказывалась, но он и слушать не стал. Дожидаясь отправления автобуса, они стояли в сторонке, и, как часто бывает, не знали о чём говорить. Когда автобус подошёл, Сергуня поцеловал сына и задохнулся от нехватки воздуха, когда он спросил:

— Пап, опять долго не найдёшься?

Тамара молчала, словно окаменела. Они поднялись в салон, Серёжка сразу уткнулся в окно. Сергуня махнул ему, думал, и Тамара выглянет, но нет, не дождался этого. Сперва пожалел об этом, но вдруг решил, что и хорошо, что ни о чём не договорились, не обменялись телефонами. Была встреча, и нет её. Уж лучше бы совсем не было. Когда автобус отчалил, он ушёл с вокзала понурый и расстроенный. Зашел в кафе неподалёку, взял выпить, закусить. За столиком вспомнил о жене, позвонил ей:

— Нинуль, Персик уехал, а я задержусь. Однополчанина встретил, вот сидим отмечаем встречу — сама понимаешь. Столько лет не виделись. К вечеру появлюсь.

От недавних переживаний, от обидно короткой встречи с сыном он не на шутку разгулялся. Захмелев, сделал замечание двум парням, попросил их не бузить, когда те начали выяснять отношения. В результате они наградили увесистым ударом в челюсть; не успев защититься, Сергуня вырубился. По-настоящему пришёл в себя от вопросов полицейских, доставивших в отдел, и покорно подчинился, когда его подтолкнули в одиночную камеру.

— Это тебе награда за примерное поведение! — «обрадовали» полицейские, отобравшие документы, телефон и продержавшие до следующего дня. Выпустили лишь после обеда. Вместо того, чтобы сразу позвонить Нине и отправиться в

Пустошку, он, будучи злым на весь белый свет, зашёл в пивной зал и торчал в нём, не спеша никуда идти.

8

Лишь к вечеру Сергуня добрался до села, до дна разорив в пивной заначку. Он знал, что ему предстояло оправдываться, рассказывая, где провёл ночь. Полпути шёл не по шоссе, а напрямую — ложиной, и вспоминал встречу с Тamarой, сожалел, что ничего у них не завязалось, и теперь всё более думал о Нине. Увидев затеплившиеся огоньки села, представил, как она будет ругаться, и усмехнулся: «Так мне и надо, ослу кучерявому!»

На своей улице спустился к речке, присел на разбитую временем лодку и долго сидел, сравнивая себя с ней. Хотя сравнение не очень сильное, но всё равно что-то виделось такое, что напоминало о самом себе. Мол, не сберег лодку и вскоре от неё останется древесная труха. С лодкой связана его давняя любовь к Тамаре, хотя вчерашняя встреча с ней, а более — с сыном, ничего особенно не изменила. Даже тяжелее на душе сделалось от мыслей, от желания найти хоть какой-то выход из нечаянной ситуации. Долго он сидел у реки, а когда подмёрз, то поднялся, подумав, столкнул лодку в воду, словно прощался со всем, что было когда-то. Лодку подхватило течением, она почти сразу затонула и унесла с собой воспоминания о днях минувших. Сергуня посмотрел вслед и постарался успокоить мысли.

Когда Елена Николаевна открыла дверь, то ничего не сказала и молча прошла в дом. Сергуня следом. Тишина.

— Где Нина? — громко спросил он и заглянул в пристройку, словно жена пряталась.

— Ушла. Утром. Чего натворил-то в городе? Она весь вечер ждала тебя, а потом ей кто-то позвонил, и наболтал, что тебя видели в магазине с какой-то женщиной, а при ней был ребёнок, очень на тебя похожий, и ты ему покупал одежду! Так и было?

— Да ничего такого... Я же звонил Нине, предупредил, что встретил однополчанина, что приеду позже.

— А сам когда появился? Где пропадал-то?

— В полиции ночь просидел.

— Чем же отличился-то?

— Дебош устроили в кафе... Ну, нас под белы руки и — в кутузку.

— А почему не позвонил?

— Сперва телефон отобрали, а когда выпустили, не до этого было — зашли к другу домой. Посидели, пива попили.

— Молодцы... Вот иди и жене всё это Расскажи. Может, поверит.

— Значит, говоришь, ушла Нинка? — переспросил Сергуня. — Сейчас как миленькая прибежит.

Он развернулся к двери, а Елена Николаевна испуганно предупредила:

— Только по-хорошему говори, без скандала. Не срамись!

Огонёк в медпункте был виден от дома, и Сергуня подумал: «А ведь ждёт, думает, в ножки упаду! Сейчас я тебя угощу, чтобы в следующий раз не бегала!» — Сергуня снял брючную ремень и затолкал его в карман куртки под правую руку.

Он так треснул кулаком по раме, что едва стёкла не выскочили. Нина отдёрнула беленькую занавеску и, увидев Сергуню, пошла к двери. Вышла в коридор и нарочно громко спросила:

— Кто?

— Уже и мужа не узнаёшь? — спросил Сергуня и приготовил ремень. — Открывай, чего копаешься?!

— Это вы, Мышкалов?! — притворно уточнила Нина, встав на пороге. — Такой внимательный сегодня. Это хорошо. Вы и детишек чужих любите. Подарки им покупаете. Или мальчик был не чужой?

— Ты что, — вспыхнул Сергуня, — совсем обнаглела?! Какой такой мальчик?

— Обыкновенный. На вас похожий. Подруга сообщила, что видела вас в «Плазе». Так что не кричите на меня. Приходите завтра, а сегодня приёмный день закончился. Если же вы с острой болью, то вызывайте из Ополя «скорую»!

«Когда же успела бабьей стервозности нахвататься?» — удивился он, возвращаясь домой. В одном месте поскользнулся, не удержался и встал враскаряку, еле поднялся. Придя, начал отмывать руки, застирывать куртку и джинсы, мама хотела помочь, но он непривычно грубо отпугнул:

— Иди ты...

Уснул Сергуня не сразу — всё думал и думал и проснулся рано: Елена Николаевна покамест не встала, а он уж ворочался в постели. Потом пошёл к Нине, решив привести её домой по-тёмному, чтобы не мозолить соседям глаза. За ночь он немного поостыл, ругал себя за вчерашнее желание отстегать Нину ремнём. «Ей ведь нельзя сейчас нервничать, — думал он.

Нина пока спала, и Сергей не решился сразу будить её. Посидел на крыльце, но, замёрзнув, всё-таки осторожно постучал. Она долго не открывала: зажгла свет, ходила по медпункту туда-сюда, а он терпеливо ждал. Наконец, из-за двери в коридор раздался её голос:

— У вас что-то личное или вы заболели? — спросила Нина.

— По личному вопросу!

— Тогда приходите позже, — остудила Нина. — Приём населения начинается в девять.

— Ну-ну... — скрипнул зубами Мышкалов.

Он развернулся и пошёл прочь. Когда уж подходил к дому, ему вдруг подумалось: «Чего я её упрашиваю?! У меня Тамара есть, Серёжка маленький! Жаль только, что не узнал их телефон. Действительно осёл!» — подумал Сергуня сам о себе. Но всё равно сдаваться не хотелось. Решил сейчас же пойти в слободу. Он хорошо помнил, где жила Тамара, хотя мать у ней умерла, как она говорила, но есть же соседи, у них вполне можно узнать Тамарины координаты. Через полчаса Сергуня оказался у дома с заколоченными окнами. «Так и есть...» — подумал он. Постучал к соседям. Дверь открыла невысокая, поленькая женщина в опорках. Выслушав Сергуню, подсказала:

— Вам надо идти дальше. Тамарина тётя живёт сразу за магазином, а мать Тамары уже год как померла. Недавно годы были. Дочка с сынишкой приезжала. — Женщина посмотрела на Мышкалова и спросила: — А мальчик-то очень на вас похож. Вы — родня ему?

— Дядя... — грубовато ответил Сергуня, поняв, что женщина не успокоится, пока всё не выведаёт.

Вскоре Сергуня постучал в другой дом. Открыли быстро. Из сеней выглянула сухая старушка, миниатюрнее давешней любопытной тётки, и тоже в опорках. «Мал мала меньше, — подумал Мышкалов, взглянув на хозяйку, — а в опорках ходить — мода слободская!» Когда он спросил о Тамаре Гришиной, старушка полюбопытствовала:

— А вы по какому же вопросу?

— В одном классе учились. Я из Пустошки. Хочу телефон её спросить.

— А работаешь-то где?

— Механизатором у местного фермера.

— Значит, телефон её спрашиваешь? А чего же она сама не оставила? Ведь недавно приезжала.

— Разминулись...

Старушка подозрительно смотрела на упревшего Сергуню и зябко поёжилась.

— Говоришь, механизатором работаешь? — переспросила она, немного отступив. — А Тамара-то университет окончила и далее учиться определилась. Она у нас птица высокого полёта. Так что, мил-человек, не обессудь. Без её согласия ничем не могу помочь.

Дверь перед Сергуней захлопнулась, и он был готов вышибить её. С минутку постоял на крыльце, не зная, что делать, а потом побрёл вдоль серых, намокших под дождями заборов. Мысли о Тамаре и сыне, о своей с Ниной семье, о родителях — всклень заполнили душу. И получалось, что он перед всеми виноват, перед всеми предстоит оправдываться, принимать какие-то решения, тем более что вскоре возвратится отец и, получается, будто специально он приготовил для него подарок. Если брат и сестра поймут, то с родителями предстоит тяжёлые объяснения.

9

Несколько дней Сергуня с матерью почти не разговаривал, зная, чуть заговори, она сразу вспомнит о Нине, а он о ней слышать не хотел. И это состояние могло длиться бесконечно. Сергуня по привычке ходил на машинный двор, работы было немного — ремонтировали трактора в тёплом боксе. И всё-таки по просьбе матери, зачавшей в эти дни в церковь, Мышкалов попытался ещё раз наладить отношения с Ниной, но та оказалась категоричной, как бритвой полосонула:

— Зря стараешься! И вообще я на днях увольняюсь и уезжаю к родителям. Буду в Озерках работать в районной больнице!

— А как же наш ребёнок?!

— Его уже нет... Да и зачем тебе второй? Поэтому можешь смело подавать на развод!

— Ты всё обдумала?

— Возможно, и не всё, но я не прощаю измены. Кому покупал вещи — с теми и живи. Флаг в руки! И ко мне более не подходи — бесполезно!

— Вот ты какая дерзкая-то! Правильно говорят, что все девки хорошие, откуда только жёны-стервы берутся!

Хотя и ругнулся, но Сергуня ушёл оплётанным в очередной раз и дал себе слово, никогда более не унижаться перед этой соплёй, возмнившей о себе бог знает что.

С этого дня, когда всё до конца прояснилось, он немного успокоился, подзабыл нервотрёпку последних дней и даже радовался, что Нина избавилась от беременности. Зачем она, если их совместная жизнь не заладилась с самого начала. И далее нервы трепать? Уж лучше сразу перемолоть создавшийся конфуз и жить, как жил до этого. Плохо ли, хорошо ли, но ведь как-то жил. И не особенно тужил. А женщин на его век хватит. Обязательно найдётся такая, которая не станет фыркать при первой размолвке.

И всё бы ничего, но в самом конце октября позвонил отец и сообщил о своём возвращении. Говорил радостно, но радости Сергуне его слова не прибавили. Ведь с его приездом обязательно зайдёт разговор о Нине. Начнутся недомолвки, скандалы, а их в последнее время и без этого хватало. Пока отец ничего не знал, поэтому и говорил спокойно, желая обрадовать:

— Серёг, могу доложить, что вахты мои закончились. Сегодня в ночь вылетаю из Надыма. Если всё удачно сложится, то завтра к вечеру доберусь до дома. Так что готовьтесь. Маме скажи, чтобы пирогов с грибами напекла.

— Сам и скажи! — Сергуня передал трубку матери, а она сразу полыхнула румянцем.

— Наконец-то, Жень! — ойкнула Елена Николаевна в трубку. — Когда ждать? Завтра? К вечеру? Обязательно напеку. И шей с уткой наварю. Приезжай скорей! Заждалась!

Она передала трубку Сергуне, а тот спросил:

— Пузырёк готовить? Хорошо... Договорились.

На следующий день Сергуня пораньше отпросился у Митрофанова, чтобы встретить отца. Как-никак соскучился, если почти три года не виделись. Есть о чём поговорить. Вот только разговора-то особенного не получится. Особенно в первый день, когда отец спросит о Нине. И что ему сказать, как сказать, чтобы он не гневался, а постарался понять?..

Всё так и произошло, когда Сергуня дождался отца на крыльце, зная, что он приедет из Ополя на такси. Сам позвонил и упредил. Видимо, ему хотелось, чтобы его встретили всей семьёй, а когда увидел лишь Сергуню, то, обнявшись и расцеловавшись, спросил:

— А где женский взвод?

— Кто где... — уклончиво ответил Сергуня, понимая, что в спешке рассказать о Нине не удастся. Он рассматривал похудевшего и постаревшего отца, смотрел на его осунувшееся лицо, выцветшие серые глаза — и не узнавал, зная, каким он был крепким и молодцеватым.

Расцеловав жену, разместившись с дороги и побывав под душем, Евгений Иванович вышел к столу раскрасневшимся, улыбающимся и сразу помолодевшим, даже изрядно поседевшие пепельные виски не портили впечатления, а лишь оттеняли общий соломенный цвет копны волос, потемневших от воды. Отец удивился:

— Полгода не был дома, а сколько перемен! Сын вернулся, жениться успел!

Сергуня и Елена Николаевна промолчали, а отец спросил у сына:

— Ну что, сноху будем ждать или без неё за стол сядем?

— Да чего ждать, она, может, на вызов ушла. Потом подойдёт — познакомитесь.

Сергуня откупорил бутылку, налил всем по рюмочке. Выпили за встречу.

— Эх, ребята, хорошо же дома! Вы не представляете, как надоедает жить в балках, летом спасаться от мошки и ходить в резиновых сапогах, зимой преть в сырых валенках, а у нас и воздух другой. Сегодня сошёл с автобуса в Ополе и вздохнул во всю грудь: своя земля! Это понимаешь, лишь пожив на краю света. И хорошо, что позвонить можно, послушать голоса родных. Вроде и далеко находишься, а всё знаешь о семье. А без телефона — беда. Вот кто меня удивляет, так это наша Наташка! Ведь перевели её всё-таки на бюджетное обучение. Как только узнала об этом, то стала мне названивать: мол, и дня более не позволю тебе жить в тундре. Рассчитывайся и возвращайся домой, а то мама одна надрывается! За такую дочь можно только порадоваться.

— Балуешь Наташку, — завистливо хмыкнул Сергуня, вспомнив студентку из Москвы и Тамару-аспирантку. — Студентки — ненадёжный народ, себе на уме.

Евгений Иванович замолчал, посмотрел на Сергуню:

— А кого баловать. Тебя? Какой ты будешь мужик после этого. Жене позвони, попроси не задерживаться.

Сергуня промолчал, а Елена Николаевна потупилась.

— Чего это вы? — удивился отец.

— Позвонить-то, конечно, можно, да только Нина уехала к родителям. Сказала Сергуне, чтобы он разводился... — доложила жена.

Отец посмотрел на сына, нахмурился:

— Из-за чего?

— Да хрен её знает. Поругались. Кто-то ей наговорил, что видели меня в Ополе с женщиной и мальчиком, и будто мальчик — мой сын, и я покупал ему одежду.

— А как было на самом деле?

— Никак... Наговоры!

— Почему она тогда уехала? Ведь неспроста же! Что-то ты не договариваешь. Поэтому завтра езжай за ней и привези назад. Извинись, если надо, попроси прощения!

— Никуда не поеду!

— Поедешь!

— Ладно, пока поговорите, а я пойду в клуб, чтобы вам не мешать! — выскочил из-за стола Сергуня.

Отец хотел ещё что-то сказать, но отмахнулся, вздохнул, а Сергуня обулся, схватил кепку, куртку — и на выход. В клуб

он не пошёл, потому что стыдно появиться без Нины, да и не принято женатым толкаться со старшеклассниками. Какой с ними разговор, о чём, если некоторые из них называют при встрече дядей Серёжей. Поэтому он побродил по сельским улицам, распалая собак, пока не подмёрз, и вернулся домой. На кухне быстро перекусил и, стараясь не тревожить родителей, ушёл в пристройку и долго не мог заснуть, обдумывая предстоящие заботы.

10

Разоспался он только под утро, но ещё затемно был разбужен отцом.

— Хватит дрыхнуть! — властно сказал Евгений Иванович. — Собирайся и езжай за Ниной. С Митрофановым я ещё вчера договорился, чтобы отпустил тебя.

— Зачем это?!

— Замокни и делай, что говорят. Вот тебе деньги, можешь на такси привезти её, если будет упрямитесь. Езжай, встань на колени и попроси прощения! А иначе не возвращайся!

Сергуня не проронил более ни слова. Собрался, взял деньги и вышел из дому до рассвета. Сразу направился на большак, зная, что вскоре должен идти автобус до райцентра. Рассчитал верно и вскоре был на автовокзале, но никуда не собирался ехать. Сил не осталось унижаться перед Ниной, что-то говорить ей, её родителям. Сколько можно? Ведь он тоже человек и достоин человеческого к себе отношения.

Он решил проболтаться в Ополе, а потом вернуться и сказать родителям, что Нина так и не поехала, сколько ни упрашивал её. Надо лишь найти место, где провести несколько часов, и удачно вспомнил о районной библиотеке. А что: тихое, уютное и тёплое место. Он знал, где она находится, но когда подошёл, то увидел, что до открытия оставалось полчаса. Делать нечего — прогулялся до парка, побродил по нему, а потом вернулся. Теперь библиотека была открыта, и он зашёл, огляделся.

— Вы хотели записаться? — спросила библиотекарь и поднялась навстречу, поправив очки.

Мышкалов ответил прямо:

— Пока этого в планах нет. А газеты и журналы полистать хотелось бы. Ведь можно?

— Пожалуйста! Если есть паспорт, можем записать вас. Вы местный?

— Из Пустошки.

— Тем более. Из вашего села несколько человек записаны.

— Тогда и меня запишите для, так сказать, охвата населения!

Сергуня отдал паспорт и прошёл в читальный зал, решив, что проторчит здесь пару часов, а потом отправится в пивную. Редко Сергуня читал газеты, листал журналы, и теперь это показалось неожиданным занятием и даже интересным. Особенно понравился детский журнал о муравьях да птичках. Он, помнится, в детстве тоже любил наблюдать за ними, даже ловил в кустах у Калиновки, держал в клетке, а потом, когда однажды синичка у него погибла, Елена Николаевна отругала, выбросила сетку и пригрозила: «Только попробуй ещё кого-нибудь поймай!» Вспомнив ту историю, Сергуня усмехнулся: перестав ловить птичек и повзрослев, начал охотиться за другими «птичками». Они все оставались живы-здоровы, но «пёрышки» он им успевал потрепать перед расставанием. Не хотел этого, но почему-то всегда получалось именно так.

Насмотревшись картинок, он распрощался с библиотекарями, пожелал удачи в их нелёгком казённом труде и отбыл в известном направлении, вдруг ощутив сильный голод. На полпути позвонил брат, и сразу без приветствия:

— Как вы там? Как отец? Разговаривал с ним — не понравился. Слова из него не вытянешь. Раньше таким не был.

— Устал. Попробуй в тундре покантуйся!

— Ну, это полбеды: отлежится, отоспится. Я-то подумал, уж не заболел ли? Ты-то как?

— Нормально.

— Слушай, мысль есть...

— Говори!

— Лодку бы надо починить. Отец поможет. Там и дел-то — доску заменить. Ну и заново просмолить. Гудрон в сарае лежит, добавь к нему немного масла-отработки — станет вязким, будет лучше держаться. Я бы тогда мог через недельку приехать. Самое время с острогой по омутам прокатиться.

«Ну почему все у меня что-то просят, чем-то озадачивают, нагружают заботами. Почему я ни у кого ничего не прошу, не надоедаю, не учу?! Ну что за жизнь такая!» — подумал Сергуня и замолк.

— Ты где пропал-то? — всполошился Александр.

— Да здесь я, здесь. Понял тебя. Как лодку починим — позвоню.

— Тогда всем привет! — повеселел Александр. — Не затягивайте!

«Спешу и падаю!» — отключив телефон, ухмыльнулся Сергуня. — Где только теперь нашу лодку искать?»

Пока шёл в пивную, почему-то казалось, что вот-вот позвонит сестра. Но, понятно, не прозвонила, и Мышкалов съехидничал: «И правильно! Чего с меня взять!»

В пивной, для солидности названной в Ополе по-иностранному «Раб», он заказал сосисок с тушёной капустой, кружку пива, креветок и охотно перекусил. Вскоре взял ещё кружку и креветок, не особенно жалея отцовских денег. Посетителей оказалось мало, никто не отвлекал, и он неторопливо шелушил креветки и поглядывал на молодую буфетчицу, нет-нет да косившуюся в его сторону и не скрывавшую интереса. Сергуня никогда не был в настоящих пабах, но вид белокурой буфетчицы, её белоснежная блузка, короткий клетчатый фартучек с маленькими карманами вполне соответствовал образу, сложившемуся по картинкам из интернета.

Да и просто было приятно посмотреть на неё саму и её гибкие руки. Он мог бесконечно переглядываться, догадавшись, что она прониклась им, а у него от её улыбок потеплело на душе. И очень не хотелось уходить. Но надо было — родители ждут, хотя и тяжело возвращаться одному, но в душе он не переживал из-за этого. Отцу скажет, что зря мотался в Озерки. Даже придумал, что сказать, мол: «Деньги на ветер выбросил, а результата — ноль. Не согласилась жена возвращаться, сколько ни уговаривал. Только на колени перед ней не встал, за это уж извините, дорогие родители, и у нас гордость имеется!»

Он поднялся, подошёл к буфетчице и поблагодарил:

— Вкусные у вас креветки! Спасибо!

— Сегодня привезли. Приходите ещё.

— Вы через день работаете?

— Именно так.

— Буду иметь в виду... Меня зовут Сергеем! А вас?

— Оля!

— Вот и прекрасно, Оленька! И вообще хотелось бы поближе познакомиться! Если вы любезно сообщите номер своего телефона, обязательно позвоню.

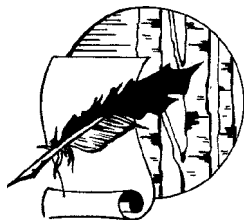
Он «забил» её номер в смартфон и загадочно улыбнулся на прощание. Радуюсь новому знакомству, вскоре взял такси и через десять минут прикатил в Пустошку. Но к дому не спешил, зная, как его встретят родители, а остановился у магазина, купил банку пива, собираясь спокойно посидеть у реки, подумать, как жить дальше.

Но сколько он ни думал, ничего дельного не высвечивалось, непонятные сполохи проскакивали в мыслях и уводили в сторону. И как ни пытался их направить в нужную колею, они норовисто выскальзывали, а то и вовсе пропадали, словно смеялись над ним, а у него не хватало сил остановить их и взнуздать.

Банку пива он так и не откупорил, понёс отцу. Когда проходил мимо церкви, галки, кружившиеся над ней, вдруг разом кинулись к нему, что-то тревожно крича. «Смейтесь, смейтесь — посмотрим, кто будет смеяться последним!» — подумал он. И от этой мысли, пусть пока до конца неясной, у него polegчало на душе. Сергуня вдруг понял, что не всё потеряно. Он молод, крепок, красив, поэтому и на его пустынной улице обязательно полыхнёт праздник.

Птицы гортанно «чемкали» и носились над головой, будто хотели заклевать. Он уж далеко ушёл от церкви, и она, невысокая, блестела вдали мокрым тёмно-синим куполом, и галки вроде отстали, но их противные крики продолжали теснить и гнать, словно он забрёл на чужую усадьбу. Когда Сергуня проходил мимо купы вётел, злой ветер сорвал с них оставшиеся острые листья, кинул в лицо, а ему показалось, что атаковала новая стая бесноватых галок, и все они, пикируя, отрывисто и ехидно кричали, будто смеялись над ним...

г. Москва

Владимир ХОМЯКОВ

РАВНЕНИЕ НА СЫНА

РОССИИ
(Триптих)

Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

А.С. Пушкин

1
Тебя я видел нищей, пьющей,
изнемогающей во лжи,
своих сынов за верность бьющей,
и песни скверные поющей,
и жизнь поднявшей на ножи.

Такую — проклял. Но отныне
ещё печальней возлюбил
твои разбитые твердыни,
твои заросшие пустыни
и ветер с дедовских могил.

Пусть канешь ты в дурмане тризны —
но разгляжу из темноты,
прорвав тенёга укоризны,
твои, твои — моей Отчизны —
неисказённые черты.

Отпрянь, отпрянь от горьких оргий,
прими призвание своё.
Да будет путь твой долгий-долгий,
да грянет свет, всезвёздный, зоркий,

да вознесёт святой Георгий
победоносное копьё...

2

Победный стяг, страна, воспой!
Отринь своих лжецов и трусов!
Полки собирает князь Донской,
ступает в стремя князь Кутузов.

Грозны Мамай, Наполеон
и дьявол нынешний под стать им.
Но ты кладёшь святой поклон —
и нет покоя супостатам.

Всевышней волею дыша, —
в деснице меч и щит у сердца, —
к плечу плечо, к душе душа
твои стоят единовверцы.

Не меркни, отчая земля,
яви пронзительное Слово!
Ещё шумят твои поля —
Бородино и Куликово.

3

На дальнем, на тревожном берегу —
на то и есть российские солдаты! —
твои поля, Отчизна, берегу,
храню твои рассветы и закаты.

Там, впереди, — чужая сторона,
чужие песни и слова чужие.
А за моей спиной — моя страна,
страна с высоким именем Россия.

...Туман встаёт над тёмною водой,
и ветер сник от бешеной погони.
И тихо, будто девичья ладонь,
осенний лист ложится на погоны.

Там, впереди, — чужая сторона,
чужие песни и поля чужие.
А за моей спиной — моя страна,
страна с высоким именем Россия!

Пусть скостят все мои прегрешенья —
вряд ли с неба сойдёт благодать.

...Красный лист обронила осина,
жёлтый лист на берёзе горит.
И держать мне равненье на сына —
так мне сердце моё говорит.

Свет струится, то ясный, то зыбкий.
Вот и вновь, никого не кляня,
с чуть заметной солдатской улыбкой
сын

глядит и глядит на меня...

ОДУВАНЧИК

Кто там считает смерть спасеньем
и тут же ставит мне в вину
то, что взметённым днём осенним
я отдал сына на войну?

Спасеньем от чего, от жизни,
от зорких зорь, дарящих свет?
Тем, кто отраду видит в тризне,
смогу навряд ли дать ответ.

А за «вину» могу ответить,
скажу: «Уйди, покуда цел».
На тех, кто явно в судьбы метит,
смотреть мне, словно сквозь прицел.

Эксперты, тактики, стратеги —
неумолкающая «рать» —
готовят новые «телеги»,
кого б отправить умирать?

И вновь приняться за дебаты,
которых так «страшится» враг.
Да, мы погостами богаты:
почти над каждым — смертный флаг.

...Спит вечным сном мой горький мальчик.
Здесь тесно так. И — ни души.
Лишь одинокий одуванчик
цветёт в кладбищенской тиши...

ОРДЕН

...И снова —
 «в горле
 горе комом»...

И снова — подпись и печать.
Иду на встречу с военкомом
за сына орден получать.

Воспоминанья вновь взорвутся.
И чтоб уменьшить боль мою,
здесь, в зале, люди соберутся
почтить погибшего в бою.

Отдам поклон сердцам тревожным,
для земляков найду слова.
...Как год назад, над миром Божьим
плывёт высокая листва.

Она лишь только зарождалась,
когда мой сын на землю пал,
с собой унёс свою усталость
и в списки скорбные попал.

И орден Мужества приму я,
в родное небо вскину взор.
С душой сыновней напрямую
вести мне долгий разговор.

И под вселенскою защитой
мне жить, храня в раскате лет
весёлый голос незабытый,
геройский крест, навек отлитый,
осколком вражеским пробитый
военный —
 огненный —
 билет!..

Мне жить.
Мне русским жить поэтом.
Пусть память жжёт мои слова.
...Как год назад, над Божьим светом
плывёт осенняя листва.

ПОЛЕ

Вечер полон серебряной сини.
Молчаливое стынет жнивье.
...Словно светлая память о сыне,
снег ложится на сердце моё.

Пережить ли родную потерю?!
Пусть твердят мне, что я обречён,
только в светлое верил и верю,
от хмельной суеты отлучён.

Неизбывное русское поле...
Сын встаёт на защиту твою,
за тебя изнывает от боли,
за тебя погибает в бою.

Век за веком летит, но поныне
грусть-печаль нам твоя дорога.
...Словно вечная память о сыне,
мне на сердце ложатся снега.

ИМЯ ТВОЁ

Вот мы и встретились. Встретились снова.
Не одолела мне душу тоска.
Твёрдо звучит поминальное слово.
Мемориальная светит доска.

Что мне поведать? Пусть скажут другие
мне про тебя. Я пока помолчу.
Слышу я, слышу шаги дорогие,
будто ко мне ты идёшь по лучу.

Солнечный свет будет вечно со мною.
Видеть его, словно сердце возжечь.
Стала небесной судьба, не земною.
Только вот горе не скатится с плеч.

Горнее горе над Родиной древней.
И никому от него не спастись?
Городом стольным, селом ли, деревней
бредит, терзаясь, кровавая высь.

Ангелы нас прикрывают, крылаты.
«В вышних осанна!» — взывают они.
Блещут доспехи — надёжные латы,
чтоб защитить нас в крестовые дни.

Грозное время. Седая держава.
Русской Победы святое копьё.
Вещая память. Бессмертная слава.
Непокорённое имя твоё!

ВСЁ БУДЕТ ТАК

*Мой сын Антон Хомяков погиб в бою
27 марта 2023 года близ села Оборотновка
Сватовского района Луганской Народной
Республики*

Быть может, снова не по теме мы?
Но что сказать нам поновей?
Терзает время нас потерями,
уничтожая сыновей.

От Оборотновки до Сватова,
потом Ростов... Потом... Потом...
А мы всё ищем виноватого
на свете этом и на том.

Но помним мы из детства нашего:
в годину огненную ту
от рядового и до маршала —
все находились на посту.

О той, Отечественной, знаем мы,
как говорят, из первых уст.
...Стою под флагом или знаменем
и чую вдруг, что гроб твой пуст.

Что, может, где-то ты скитаешься,
что вновь услышу голос твой,
что ты, пусть досыта намаешься,
придёшь побитый, но — живой.

И сколько лет пройдёт, не ведаю,
но будет темень, будет тишь:

придѣшь — с победой, с непобедою —
и в дверь устало постучишь.

А я её открою медленно,
хоть жду прихода твоего.
Блеснёт луны полоска медная —
и вновь в подъезде никого.

И в сердце вновь качнётся маятник —
и вздыбит горести волну.
Всѣ будет так, как в фильмах памятных,
как в горьких песнях про войну.

ОТЕЦ И СЫН

В горле — ком,
и в сердце — ком,
слѣз не удержать.
На погосте городском
рядом нам лежать.

Но пока ещё стою
на родной тропе.
Но пока ещё пою,
сын мой, о тебе.

...Сталь летит над головой,
и свистит свинец.
Сын уходит в смертный бой,
чтобы жил отец.

ГОДОВЩИНА

Год прошёл.
Ты теперь не придѣшь,
пусть я ждать тебя не перестану.
Тщетно веря в счастливую ложь,
пред беду свою предстану.

В бой уйдя, в огнедышащий дым,
ты армейской не предал присяги.
Над последним приютом твоим
тихо льются российские стяги.

Помню я троекратный салют,
в честь твою прогремевший над миром.
...Снеги скоро надолго сойдут,
дав отмашку взволнованным лирам.

Только что мне сегодня воспеть,
если гулкой порой голубую
вновь тебя провожаю на смерть
и по следу бегу за тобою...

Подожди, подожди, оглянись
и ладонь подними на прощанье.
Что ж не дрогнет всесильная высь,
коль не в силах сдержать обещанье?!

— Возвращайся! — тебе я кричал.
— Возвращайтесь живыми, ребята!
Крик исчез.
Пуст дворовый причал,
где с тобой расставались когда-то.

Март свой путь завершает уже.
Но не кончился скрежет металла.
И на грозном, святом рубеже
кровь твою мать-землица впитала.

Будет петь всепобедная медь
над ликующей вешней толпою!
...Я тебя провожаю на смерть.
И не глядя иду за тобою.

ПОЗЫВНОЙ

Клюв кровавый стального осколка.
И агония смертного дня.
... Там мы свидимся: пусть ненадолго
в Рай из Ада отпустят меня:

— Кто-то жив, кто-то ранен, а кто-то...
Ты беде улыбнёшься назло:
— У солдата — такая работа,
значит, меньше других повезло.

...Всё, а больше ни слова, ни звука.
Нет, не стоит мне в землю спешить:
пусть протянется эта разлука,
надо здесь мне дела довершить.

Всё, что можно, собрать по лоскуткам
надо здесь, надо в жизни земной.
...Всё брожу по твоим перепутьям.
Всё кричит во мне твой позывной.

ЗВОН

Мне жизнь и поныне желанна.
Но снова почудится звон.
И в звоне том памятном — Анна.
И в звоне том вечном — Антон.

И эти высокие звуки
вдруг сердца коснутся легко.
И холода нет, и разлуки,
и смерть далеко-далеко.

И вновь вдохновенье вернётся,
и клином вдруг выбьется клин.
И дочь мне моя улыбнётся,
и шуткой порадует сын.

Но тут же мгновенно затихнут.
И я огорчённо замру.
И звёзды студёные вспыхнут,
чтоб нежно растаять к утру.

Гонимый словесной отвагой,
мол, давний ещё футурист,
склонюсь я над белой бумагой,
но чистым останется лист.

...Писать бы о праздничном свете,
о радостной жизни земной.
Да только — ушедшие дети
упрёком стоят предо мной...

9 МАЯ 2024 ГОДА

...И затаились плач и смех,
но ветровая пела лютня.
И в ночь Победы выпал снег —
и не растаял до полудня.

Снег будто б нас предостерёт
от слишком ранней встречи с летом,
и на деревья он возлёт,
и слился с яблоневым цветом.

Пусть были улицы тихи,
но в сердце, памятью отпеты,
звучали давние стихи
о тех, ушедших, Днях Победы.

Где солнце в мой приокский край
струило ясные потоки,
и веселился русский май,
и пели ратников потомки.

А нынче — пой или не пой,
но в сердце счастья не пребудет.
Дымит, гремит кромешный бой,
и кто теперь его остудит?

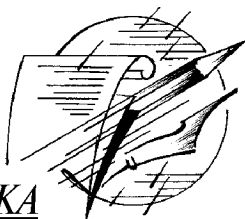
Не оттого ль лютует век,
чтоб не забыли мы об этом?
И майский снег, неожиданный снег
летит, сливаясь с белым цветом...

г. Сасово Рязанской обл.

ВТОРОЙ ФРОНТ РОССИИ

Тема нерегулируемой и опасной для страны миграции в последнее время обсуждается общественными организациями, информагенствами и государственными деятелями, стоящими на государственно-патриотических позициях. К сожалению, последних оказалось в нашей стране не так много.

Особенно громко она зазвучала после выступления руководителя Следственного комитета А.И. Бастрыкина на Международном юридическом форуме в конце июня 2024 года. Глава СК РФ обладает достаточной информацией и озвучил удручающие итоги миграционной политики за последние десятилетия, в частности: *«По среднестатистическим данным, в России сейчас находится 14,5—16,5 млн. мигрантов. Каждый десятый житель — иностранец. В Москву завезли 1,2 млн. мигрантов, в Подмоскovie — 880 тыс., в Петербург — 860 тыс. И только 13% мигрантов работают на стройках, остальные — в такси, развозке продуктов и на рынках. Всего в России требуется 400 тысяч мигрантов. Все остальные — лишние... В 2023 году мигранты совершили почти 39 тысяч преступлений. И в эту статистику не входят преступ-*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ники, которые уже успели получить гражданство России. Количество особо тяжких преступлений среди мигрантов выросло на 32%, связанных с наркотиками — на 27%, экстремистского характера — на 147%».

А сколько мигрантов, получивших гражданство России, не желают адаптироваться к нашим традициям, нормам жизни, уклоняются от службы в Вооружённых Силах, не платят налоги и пр.? И какова польза от них?

Сайт «Комсомольской правды», материал от 5.10.2023 года: «Многие мигранты, принявшие российское гражданство, не спешат вливаться в наше общество. При этом деньги на них тратятся немалые: как подсчитали в Ульяновской области, семья «новых россиян» может обходиться казне в сумму от 700 тысяч до 2,5 млн. рублей». Это за год. Так какие средства тратит госбюджет на нежелающих вливаться в российское общество «новых россиян»? И чего от них больше — дохода или убытка?

По данным РБК, российское гражданство в 2022 году получили: граждане Таджикистана 174 тыс. человек, Армении — 45 тыс., Казахстана — 42 тыс., Узбекистана — 27 тыс., Азербайджана — 23 тыс.

Итого 311 тыс. человек. Берём семью мигрантов в 5 человек, немалая семья. И скромное содержание семьи из госказны в 1 млн. руб. в год. Это более 60 тыс. семей и более 60 млрд. руб. в год из госбюджета на «новых россиян» из Средней Азии и Закавказья, ставших гражданами России только в 2022 году. А сколько таких получило гражданство в иные годы? Не приближается ли эта цифра к 1 трлн. руб. в год на получивших гражданство за десять лет? Конечно, расчёты примерные... Но и они показывают, какие громадные средства тратит Россия на «вновь прибывших». И на кого тратятся средства, на людей, нежелающих признавать наши традиции и враждебно настроенных к местному населению? Это и есть — искусственное взращивание взрывоопасной ситуации, причем с политической верхотуры.

Миграция в России — это ещё и огромный канал утечки из страны капитала, который мог бы работать на российскую экономику. Сайт Сибкрай.ру 2.05.2023 года сообщает об итогах 2022 года: «25 миллиардов долларов было вывезено из России в соседние страны мигрантами — Узбекистан, Таджикистан, Киргизию. В значительной мере Россия пополнила бюджеты Казахстана, Армении, Грузии, обеспечив рост их экономик. При этом ВВП в самой России упал на 2,7%... Для некоторых стран, как, например, для Таджикистана, переводы из России составляют основу национальной экономики. ...Два года назад денежные переводы из России (в Тад-

жикистан. — Авт.) составили 1,8 млрд. долларов. По некоторым оценкам, в 2022 году этот поток увеличился до 4 миллиардов, а вся таджикская экономика «стоит» 12 миллиардов долларов. Таким образом, поступления из России обеспечили 33% ВВП Таджикистана».

Возникает вопрос, до каких пор руководство России будет обеспечивать экономики и граждан зарубежных стран? В ущерб благополучию наших граждан.

Адепты антинародной миграционной политики, проводимой в России, прикрываются «экономическими интересами». Хотя тут же возникает вопрос: а как же интересы граждан своей страны и безопасность самой страны? Ведь экономика должна работать во благо своих граждан. Обеспечивать их рабочими местами, способствовать развитию территорий — городских и сельских, подъёму благосостояния жителей этих территорий. А иностранцы должны быть придатком экономических интересов России. Так было в советское время.

Главное для правового и социального государства — обеспечить интересы народа, а не народ сделать прикладным средством к экономике. Но при капитализме, как видим, государство таковым не является. И обеспечивает интересы кучки нуворишей, 1-2% от населения страны, захвативших значительную часть средств производства. При этом прикрывающихся красивыми словами об «интересах российской экономики».

Конечно, беря на работу мигранта, можно с ним обращаться, как с холопом. Писать в зарплатной ведомости за месяц, к примеру, 50 тыс. руб., а на руки давать 20 тыс. А то и платить «в серую». Для капиталиста — главное прибыль, а как она получена, дело десятое.

К тому же миграционный поток — это и колоссальная сфера коррупции. В 2024 году были арестованы руководители МВД, которые в Петербурге помогли незаконно легализоваться 120 тыс. мигрантам. И сколько таких случаев по всей стране?

А сколько средств тратится на пресечение преступности со стороны мигрантов? Этому тоже можно дать оценку. Но не оценить горе, которое они несут коренным жителям страны своими противоправными действиями — убийствами, изнасилованиями, грабежами и пр. Трагедия в «Крокус Сити», убийства наших соотечественников во многих регионах страны. В Москве трое мигрантов-узбеков ночью изнасиловали ведущую телеканала «Матч ТВ». Целые районы в Москве и в Питербурге страдают от беспредела мигрантов. Люди боятся

выходить на улицы в своём родном городе, посёлке, деревне. В своей стране они не могут чувствовать себя защищёнными от произвола приезжих. Возникает деструктивная обстановка в школах. Подобное создаёт социальную напряжённость. А где власти?

Немало случаев, когда российские правоохранительные органы изымали оружие у мигрантов, пресекали готовившиеся ими теракты. Но сколько в стране «спящих террористических ячеек», готовых проявиться в час «икс»? Мигранты порой прямо провоцируют местное население, демонстративно проявляют неуважение к местным традициям и правилам поведения, прикрываясь при этом якобы религиозными нормами. Одни попытки ношения никабов, которые запрещены во многих мусульманских странах, чего стоят.

Правильно говорит Александр Бастрыкин: «Наши парни в окопах, а мигранты открыли второй фронт». И этот второй фронт может оказаться погибельным для страны.

Наплыв мигрантов обусловлен действиями государственного аппарата России, чиновниками, создающими вместе с олигархическими верхами благоприятные условия для приезжих. Президент много говорит о необходимости импортозамещения. Но необходимо решать вопросы с импортозамещением трудовых ресурсов. Однако сегодня вместо импортозамещения иностранной рабочей силы госаппарат и бизнесмены, наоборот, активно завозят трудовых мигрантов, замещая ими граждан России. Но разве можно в этих условиях говорить о суверенитете страны, если Россия становится зависимой от иностранной рабочей силы?

При таком наплыве трудовых мигрантов из Азии местное население постепенно будет утрачивать производственные навыки. В строительной сфере точно. И при замещении коренных жителей кто будет работать в оборонном комплексе, мигранты? Трудно представить. Кто будет модернизировать и строить оборонные предприятия? Тоже мигранты? Но в такой ситуации сможет ли Россия постоять за себя? А как с призывом в армию и флот? Что, новоиспечённые граждане России из мигрантов будут защищать нашу страну? Да они уже сейчас всякими правдами и неправдами уклоняются от воинского призыва. Так что если взвесить все «за» и «против», то никакого экономического эффекта для страны нет. А скорее всего по совокупности этих проблем мы уйдём в глубокий минус.

После выступления Александра Бастрыкина по мигрантскому вопросу депутат Госдумы, доктор политических наук Сергей Обухов в комментарии на сайте «Царьграда» утверждал: кардинальное изменение миграционной политики —

условие выживания страны! *«Фиаско миграционной (да и национальной!) государственной политики связано, например, с соглашением России с Международной организацией миграции (МОМ), которое предусматривает ввоз мигрантов для ликвидации бедности в странах Средней Азии. В соответствии с этим соглашением мы обязаны массово, структурно, за счет наших же ресурсов завозить в страну людей, находящихся вне поля русской, советской культуры! Вы понимаете: мы до сих пор действуем в интересах неких глобалистских структур, деятельность которых координируется из Лондона и Вашингтона!»*, — подчеркнул депутат.

Кроме того, Обухов пояснил, что он сам и другие депутаты вносили на рассмотрение Госдумы законопроекты по предотвращению неконтролируемой миграции. Однако большинство Думы в лице депутатов от «Единой России» блокировало эти инициативы.

«Смею утверждать, что условия приема мигрантов являются показателем готовности местных элит следовать так называемому глобалистскому тренду на «замещение населения». В России этот тренд работает против русского и всех других коренных народов страны, — прямо сказал Сергей Обухов. *— Долгое время такое замещение осуществлялось при согласии большей части российской олигархической «элиты», которая платила за возможность стать «частью Европы» вымиранием нашего народа и потерей государственного суверенитета. Кроме того, в замещении были заинтересованы (да и сейчас ничего в этом плане не изменилось) разного рода толстосумы, в том числе из строительного лобби».* Получается, что думское большинство активно противодействует пресечению повальной миграции и защите прав граждан России.

С.П. Обухов не зря упомянул о соглашении России с Международной организацией миграции (МОМ) и действиях «российской элиты» в интересах глобалистских структур, управляемых из Лондона и Вашингтона. Россия является участницей ряда международных договоров и соглашений в сфере трудовой миграции. К примеру, требования Международного валютного фонда до сих пор выполняются правительством страны. Парадокс, на всех уровнях говорится о жёстком противостоянии с США и странами ЕС, а МВФ, руководимый США и имеющий представительство в Москве, МОМ, ВОЗ и пр. определяют в немалой степени действия российского правительства.

Вредоносная миграционная политика проводится в России давно и порой чересчур рьяно осуществляется региональными властями. Сайт «Четвёртая власть» сообщал ещё

5.07.2013 года: «Нехватку мужского населения в Саратовской области компенсируют за счет иностранцев. Такой аспект предусмотрен в концепции миграционной политики региона до 2025 года, сообщила министр занятости, труда и миграции Наталья Соколова. ...Она сообщила, что в связи с диспропорцией населения после 30 лет количество женщин на 30,3% больше числа мужчин. Компенсировать такую диспропорцию региональные власти намерены за счет мигрантов».

Вот так... Не создание условий для повышения рождаемости, для заботы о детстве и материнстве и для здоровья граждан, а завоз мигрантов. Замещение ими мужского населения. И разве действия властей иных российских регионов отличаются от саратовских новаций?

Хотя согласно «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», утверждённой Указом президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351, решение задачи по привлечению мигрантов включало, прежде всего, привлечение квалифицированных иностранных специалистов. Саратовская же власть решила не углубляться в такие детали. Какие специалисты?.. Просто завезли мужчин-иностранцев, и точка. Только лишь не обязали местных женщин замуж за них выходить... И подобных новаторов немало во властных структурах.

Но стоит оценить действия реализаторов завоза мигрантов с правовой точки зрения. Возьмём Конституцию РФ, первая глава «Основы Конституционного строя». Ст. 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Т.е. признание, соблюдение и защита прав и свобод граждан России — обязанность госаппарата. Читаем далее: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

А вот глава 2 Конституции, «Права и свободы человека и гражданина»: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Ст. 18: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Вот так, права и свободы

граждан России определяют деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. А на деле?..

Разве можно в условиях осуществляемой нерегулируемой миграции говорить о соблюдении указанных положений Конституции в отношении граждан страны? Считаю, что категорически нет. И действия лиц, принимающих нормативные акты и реализующих такую миграцию, **необходимо признать неконституционными, посягающими на основы конституционного строя, безопасность и суверенитет России со всеми вытекающими последствиями.**

А ведь позитивные примеры регулирования миграции есть, и ходить за ними далеко не надо. Стоит посмотреть на соседнюю Беларусь. Многократно бывал там, изездил все регионы. Там практически нет трудовых мигрантов. Привлекаются только высококлассные специалисты. И Белоруссия справляется, не жалуется на нехватку рабочей силы. Хотя заводов, фабрик, частных компаний, сельхозпредприятий там достаточно. Везде работают местные жители. Почти ничего не развалили с советских времён, а только улучшили.

В Белоруссии существуют строгие правила при приглашении иностранных рабочих и при получении мигрантами белорусского гражданства. Налицо позитивная роль государства: трудовые места для местных, а перед получением гражданства мигрант должен зарекомендовать себя с положительной стороны.

Или посмотрим на ставшие редкостью отечественные народные предприятия. К примеру, совхоз им. В.И. Ленина под Москвой. Там работают только местные жители и справляются, выполняют запланированное. Да и средняя зарплата около 90 тыс. руб. в месяц. Так что положительный опыт есть, надо его распространять по всей стране.

Показательный факт. Высказывания главы важного государственного ведомства А.И. Бастрыкина, связанные с обеспечением безопасности, суверенитета и будущего страны, проигнорировали государственные теле- и радиоканалы. Сочли неактуальным. Но, уверен, причины в другом. Многие российские СМИ, как я считаю, не являются патриотическими и не ориентируются на национальные интересы.

А сколько работников СМИ имеют двойное-тройное гражданство, вид на жительство за рубежом. Сайт «Бюро эксклюзивных новостей» в материале от 30.11.2018 года среди таковых называл Сергея Брылёва, Владимира Познера, Константина Эрнста, Екатерину Андрееву.. Все — граждане государств НАТО. Думаю, этот список далеко не полон. В него могли бы войти и депутаты Госдумы из агрессивно послуш-

ного большинства, отвергающие здравые инициативы по регулированию миграции.

Читаю сайт VisaSam.ru, оказывающий услуги мигрантам в получении гражданства РФ: «Что особенного в договоре между Таджикистаном и Россией? Между Россией и Республикой Таджикистан подписан договор о том, что граждане одной и другой страны имеют законное право использовать 2 паспорта — таджикский и российский, т.е. быть гражданами 2-х стран одновременно. Это очень удобно тем, что не нужно отказываться от всех прав и возможностей, которое даёт родное государство, одновременно с этим получая преимущества от полноправного нахождения во второй стране». Т.е., как можно понимать, одновременно получаешь преимущества и льготы в России и Таджикистане. Конечно, очень удобно. Не строил, не создавал блага России, а получил гражданство РФ, льготы и преимущества имеешь. И одновременно в Таджикистане их сохраняешь.

Но всё же подумал, как-то очень гладко для таджиков-россиян, может быть, здесь какая-то неточность. Решил посмотреть «Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства (Москва, 7 сентября 1995 г.)». Читаю: «Статья 3. Социальное обеспечение, образование, медицинское обслуживание лиц, состоящих в гражданстве обеих Сторон, производится в соответствии с законодательством Стороны, на территории которой они постоянно проживают, если иное не предусмотрено соответствующими соглашениями между Сторонами. Положения настоящего пункта не наносят ущерба праву любой Стороны предоставлять права и льготы в области социального обеспечения лицам, являющимся гражданами обеих Сторон и проживающим на территории другой Стороны (сайт МУ МВД России «Волгодонское»).

С правами и льготами понятно. А как с обязанностями? Сайт «Клерк.ру»: «В отдельных случаях не должны подлежать призыву граждане, отслужившие в своей стране, при наличии международного договора с РФ. Например, граждане Таджикистана, имеющие российское гражданство». Это относится, полагаю, к молодым людям призывного возраста до 30 лет. Так, гражданство получил, а воинские навыки по защите приобретённого Отечества на основе российского опыта, приобретать не надо.

Это предусматривает п. «г» ч. 1 ст. 23 Закона Ф3-53 «О воинской обязанности и военной службе» — «не подлежат воинскому призыву прошедшие военную службу в другом государстве в случаях, предусмотренных международными

договорами Российской Федерации». Ещё одна льгота «новым россиянам». А как с условиями мобилизации? Тоже не подлежат мобилизации как не прошедшие в России военную службу? Какие добрые российские власти к иностранцам за счёт коренного населения!

Сегодня много говорится о суверенитете России, президент страны часто упоминает о необходимости укрепления суверенитета. Но о каком суверенитете страны можно говорить, если она всё более и более зависит от пришлой рабочей силы, вытесняющей местное население из целых отраслей экономики?!

Если говорим о миграции, то стоит знать, что в апреле 2021 года Россия вступила в Международную организацию для миграции (МОМ). В феврале 2021 года президент РФ Владимир Путин внес устав организации на рассмотрение Госдумы. В пояснительной записке отмечалось, что вступление в МОМ «позволит доводить до иностранных партнеров национальные подходы к решению ключевых миграционных вызовов современности, даст позитивный импульс к укреплению международного статуса России в сфере регулирования миграции, предоставит возможность использовать потенциал МОМ для продвижения российских интересов в указанной сфере» (ИТАР-ТАСС от 19.04.2021).

В МОМ входит 174 страны, это глобалистская организация, в значительной мере подотчётная коллективному Западу. Разве это не было известно руководству России?

Вот что сообщает «РИА Катюша» 1.10.2023 в статье «Кто пишет методички по миграции для Хуснуллиных, Собяниных и прочих лоббистов такого заселения России»: «Говоря простым разговорным языком, МОМ управляет миграционными потоками, возможно, создавая их, и координирует миграционный трафик через написание методичек, обязательных к исполнению правительствами стран-членов. Но самое главное, именно через эту международную организацию идут огромные деньги от частных спонсоров — фондов, корпораций и некоммерческих организаций, абсолютно недружественных России. ...Становится понятным, **кто именно** под легендой МОМ управляет миграцией из стран Центральной Азии в Россию. Это британское правительство через свой фонд UKAID и М-6 — английская разведка. Понятно, что ничего хорошего наш извечный враг России пожелать не может. В условиях СВО такая контролируемая извне миграционная политика — мина замедленного действия, часовой механизм которой уже запущен».

С октября 2023 года МОМ возглавила американка Эми Поуп, с октября 2021 года исполняла обязанности замести-

теля гендиректора МОМ по вопросам управления и реформ. При режиме Обамы, будучи экспертом в политике, она занимала должности: заместитель начальника штаба Министерства юстиции, заместитель помощника президента, заместитель советника по внутренней безопасности, специальный помощник президента, директор по трансграничной безопасности (2010—2016). Во время правления Трампа была партнёром в юридической фирме UK Schillings, ассоциированным научным сотрудником в британском аналитическом центре Chatham House и внештатным старшим научным сотрудником в Atlantic Council (2017—2020). Затем в администрации Джо Байдена в 2021 году занимала пост старшего советника по миграции. Добросовестный влиятельный глобалист. Если она избиралась МОМ в 2023 году, то, интересно, как голосовал представитель России?

Чьи интересы отстаивает Поуп, полагаю, понятно. Среди её высказываний можно отметить следующие — «мигранты приносят много пользы принимающим их странам», «миграция является мощной силой, способствующей сокращению бедности». Однако если миграция и способствует сокращению бедности, то, полагаю, не в России.

Да и прежние руководители МОМ шли в фарватере коллективного Запада. В 2008—2018 годах МОМ возглавлял известный американский дипломат, верно служивший интересам США, Уильям Лейси Свинг, в 2018—2023 португалец Виторино Антонино. Так чего ждали от этой глобалистской структуры руководители России? «Укрепления международного статуса России в сфере регулирования миграции»?

Мировая политика миграционного процесса, в русле которой идёт сегодня и Россия, считаю, имеет целью замещение европейского населения, в том числе русского, татарского, башкирского, других народов России пришельцами с Юга, в частности, из Средней Азии. Замена более образованного и культурного населения малограмотными «новыми» жителями Европы и Северной Америки, легко управляемыми глобалисткой шушерой — часть замысла глобалистов по созданию «служебного человека» и «управляемого человечества». Но нам-то зачем идти по пути этих античеловеческих замыслов?

Россия обладает богатейшими ресурсами, трудолюбивым и талантливым народом. Нам по силам самостоятельно двигаться вперёд, не взирая на трудности. Надо только руководству страны проявить политическую волю. Правда, на это способны только сильные и мудрые личности, любящие и ценящие собственный народ.

ЕРОХИНЫ

РАССКАЗ

Лето в том военном году выдалось жарким. Это даже нельзя назвать жарой. Пекло стояло. Окопы словно паутиной опутали степи и редкие перелески с пологими холмами. Соединялись и снова расходились в разные стороны, чтобы опять где-нибудь пересечься. И окопы-то неглубокие. Земля словно камень. Лопата не берет, а нужно вгрызаться, чтобы хоть немного укрыться, чтобы бой дать фашистам, хоть немного задержать эту сволоту, которая лавиной перла по нашей земле и, казалось, ее не остановить...

Марево над землей. Присмотришься, воздух словно плавится. И не поймешь, вверх поднимается или стекает наземь от нещадного солнца, не давая покоя солдатам. Хотелось выглянуть из окопа, чтобы осмотреться, но опасно. Где-то там устроились снайперы и никому не дают поднять голову. Были храбрецы, которые ничего не боялись, а теперь в земле лежат. Тут выдержка нужна, а не дурная храбрость, из-за которой можно пулю получить в башку. И приходилось терпеть, ожидая, когда наши снайперы с ними справятся, но все рав-

ПРОЗА

но нужно было осторожничать, чтобы зазря не подставляться под пули...

Ни ветерка. Пекло, аж дышать нечем. С утра уже воздух дрожит над округой. Даже в редких перелесках от пекла не спрячешься. Наоборот, там еще жарче. Да и фашисты беспокоят куда чаще, чем в степи. Знают, гады, что здесь окопались, и садят по перелескам из минометов и орудий. Но и нашим солдатам полегче, когда они в атаку идут. Поближе подпускают, а там из пулеметов косят фашистов. Едва атаку отобьют, тут же немецкая артиллерия начинает стрелять. Бесятся, сволочи, что не удалось прорвать нашу оборону. И так до следующей атаки...

Николай Ерохин сидел на дне окопа. Обнял винтовку и устался в желто-коричневатую земляную стенку. Не земля, а будто сплошной камень, замешанный из глины и песка. Местных повстречали. Они говорят, тут уже два года стоит засуха. И зимы бесснежные, а с весны начиная, сушь наваливалась. К лету словно на сковородке сидишь. Одно спасение — ночь, но и та не особо помогает. Чуток становится попрохладнее, а утром начинается пекло.

Он сидел, прислушиваясь к редким выстрелам и очередям со стороны фашистов. Как Егор Ромашов сказал, мол, заботятся, суки рваные, чтобы мы не уснули. Вот покоя и не дают. Ну и ладно. Нам еще лучше. У них меньше патронов останется, а мы свои побережем. Нам они еще пригодятся, когда в наступление пойдем.

— Роман Петрович, а когда пойдем-то? Всё задом и задом... Пора бы упереться да дать этим фашистам дрозда, чтобы бежали до самого Берлина, а то и дальше.

— Не бойсь, Васька, мы долго запрягаем, а уж запряжем, так и рванем. Но видать, упряжь не подберут, ежли пятимся и пятимся. А фашисты пытаются нам на нервы действовать этими выстрелами. Да тока забыли, у нас не нервы, а канаты. Ничего, мы еще отыграемся на них.

А пока фашисты даже из пушек да минометов постреливают. От этой стрельбы никакого толка нет, а вот снайперы достают. Охотились снайперы. Сволочи, не дают голову поднять. Так недолго приучиться на полусогнутых ходить, и взгляд в землю. Чуть поднимешь башку, тут же выстрел. Ладно, если успел скрыться, а так чмокнет, и нет солдата, зато есть свежий холмик с табличкой, на которой имя и фамилия, год рождения, да место рождения, если знали, а не знали, так писали, что лежит тут Василий Иванов, родом из Ивановки, что под Курском стоит, и всё на этом...

Николая не брали на войну. Трех сыновей забрали. Двух близнецов и поскребышка, как называли младшенького. Жена умерла после родов. Все беспокоилась перед смертью, как он будет на ноги ставить мальцов. Всё же три сына. Он как бы посмеивался: о чем говоришь, Надюха? Какая смерть? Ты отлежишься и поднимешься. Мало ли хвори в жизни бывает. И эту одолеешь. Но, видать, правду говорят, что человек чует свою смерть. И Надежда знала, что помрет. Всё заставляла его приготовить смертную одежду. Бабку Ани-сью покликала. С ней шепталась. А та только головой кивала и уходила, взглянула на Николая и покачала головой, то ли жалела, то ли думала, как с мальцами управится. Недели не прошло. Надюха померла. При нем померла. В сознании была. Обо всем говорили, а тут она замолчала. Взглянула на него, аж внутри огнем запольхала, а потом говорит:

— Пойдем со мной, Коленька... Там лучше...

— Куда пойдем? — он оглянулся на замерзшее окно. — Там же метель недуром завывает, а ты — лучше...

— Не хочешь со мной пойти, тогда одна уйду...

Сказала и затихла.

Николай сидел возле нее. Думал, уснула. Руку поглаживал. Прислушивался к ветру за окном. А потом взглянул на нее, а она не дышит. Так и ушла — тихо и незаметно...

Едва началась война, сыновей забрали на фронт. В первые же месяцы войны пришли казенные бумаги, что двое сыновей пропали без вести, а поскребышек, Алешенька, погиб смертью храбрых на поле боя. И письмо потом принесли от командира, что Алешенька будучи раненым, остался прикрывать отход своих товарищей. До последнего патрона сражался с ненавистным врагом и погиб, как герой, подорвав себя и фашистов гранатой. И мелко приписано, что его представили к награде, а к какой — непонятно, уголок стерся. Жальче всего было Алешку. Всегда жалеют последнего, а он еще на жену был похож, как лицом, так и характером. И не сберег. А с другой стороны, что он мог сделать? На фронт не отпустить? Землянку выкопать и чтобы всю оставшуюся жизнь прятался там? Так не должно быть! Среди Ерохиных не было трусов и предателей. И не будет!..

— О чем задумался, Николай? — пригнувшись, подошел усатый Кузьмич, даже постарше его будет, а гляди же ты, не хуже других воюет. — О чем думаешь, Кольша? Давай закурим. Одному не курится. А вдвоем все веселее даже эту заразу смолить.

Сказал, достал кисет, и они принялись сворачивать цигарки.

— У меня думка одна — это сынки мои, — попыхав сигаркой, сказал Николай Ерохин. — Жальче всех младшенького, Алешку. Геройски погиб, как командир написал. А ведь Алешке всего двадцатый год шел. Он же добровольцем ушел на войну. Вот откуда в нем столько храбрости — не понимаю... Раненый остался товарищей прикрывать, да еще себя и этих сволочуг подорвал гранатой. И могилку не найдешь. Может, фашисты втоптали в грязь, что осталось от него, а может, дикие звери порасташили косточки. И не найти его. Ночами ко мне приходит. Стоит и улыбается, а сам светлый такой, аж светится. И жинку вижу рядом с Алешкой. Встретились мамка и сын. А вот старшие сынки ни разу не приснились. Без вести пропали. Может, они живые, как думаешь Семен Кузьмич?

И взглянул на пожилого усатого солдата.

— Может, и живы они, — закричал Кузьмич, и рукой принялся разгонять густой дым, а то, не дай бог, немцы пальнут мину, и каюк обоим. — Сам знаешь, что творилось в первые месяцы войны. Неразбериха была. Никто не знал, куда двигаться. Один кричит в ту сторону, а другой, нет, вон туда, а третий вообще говорит, что сдаваться нужно. Ну, таких — третьих, быстро к стенке ставили, если попадали в руки. Но сынки могли в плен попасть. Раненые, без памяти или в окружение попали, и их взяли в плен, а может, к партизанам прибились и воюют с немчурой. Кто знает... Ведь их же среди убитых не было. А значит, есть надежда, что они живы. Время придет, и они объявятся. А ты верь в это, Николай. Человек без веры — это не человек, а скотинка безмозглая. Вот и верь!..

Он затынулся, зашелся в кашле. Сплюнул на сухую землю и замолчал, о чем-то думая.

В стороне раздалась канонада. Фашисты били. Видать, что-то заметили и принялись лупить почему зря. А наши молчали. Ни одного выстрела в ответ. Следом заработали минометы. Николай взглянул на серое небо и поправил каску. Далеко от них. Можно не опасаться. И опять мысли о войне...

Он прибил к отступающим частям еще в первый год войны. Не усидел дома, когда пришли бумаги на сыновей. Огнем полыхнуло в груди, когда читал бумаги и чуял, пеплом подергивается душа. Отмирает все в ней. Напрочь отмирает! Николай не видел смысла оставаться в избе, где живым духом не пахнет. Сначала жена ушла, а теперь еще и сыновья. Для чего жить? Ради кого жить, если остался один, как перст в этом мире? Не осталось родных душ. Никого не осталось. Один в жизни. Позади была настоящая жизнь, где были де-тишки и жинка, а впереди тьма-тьмушная и ничего более. Всё,

закончилась она — его жизнь, и лучше погибнуть, чем сидеть в четырех стенах и ждать, когда фашисты проклятушие появятся и начнут изгаляться над ними. Нет, этого не должно быть. Ждать, пока тебя, как какую животину, поведут на бойню? Такого не будет...

И Николай собрал котомку, где лежала пара чистого белья, половина каравая хлеба, пара луковиц да с десяток картошек, и всё на этом. Подремонтировал сапоги. На всякий случай сунул за пояс топор. Закрывл ставни. Подпер дверь и калитку и зашагал к дороге, не отвечая на вопросы сельчан, хотя многие и так понимали, куда он направился. Сам видел, что по ней почти каждый день шли измотанные солдаты. Часто проезжали санитарные машины, реже орудия везли, танки, ни разу не видел, но слышал вдалеке рев моторов. Да редкий раз над головами сельчан пролетали самолеты. Вот Николай и шел туда, надеясь, что присоединится к солдатам, а в каких войсках воевать — ему было все равно...

Он шагал по обочине, не мешая солдатам, которые двигались в обоих направлениях. По новенькой форме сразу видно необстрелянных солдат, а навстречу им едва топали уставшие солдаты, с изможденными лицами. Некоторые были ранены, но все равно шли. Николай останавливался, пропуская их. Измотанные боями, они хмуро посматривали под ноги, стараясь не встречаться со взглядами женщин и детей, которые выходили к дороге и молча всматривались в каждого солдата, надеясь, что повстречают своего отца или мужа или сына. Они надеялись, а солдатам казалось, что они смотрят осуждающе: что же вы, дорогие защитники наши, бежите от фрица проклятого? Да неужели не можете с ним справиться? Когда же вы наконец-то остановитесь? И всё в таком духе...

Но потрепанные боями солдаты шли на восток, а у самих словно тяжелые гири привязали к ногам. И хотелось остановиться, развернуться и дать фашистам от всей души, чтобы до самого Берлина летели и кувыркались...

— Батя, есть курево? — хрипло сказал солдат неопределенных лет, потому что весь был покрыт пылью. Он зашелся в кашле, потом сплюнул коричневый сгусток. — О, зараза, одна пыль. Угости табачком, батя...

Николай приостановился. Развязал вещмешок, достал оттуда огромный кисет и развязал его.

— Угощайтесь, братцы, — сказал он, протягивая кисет солдатам, что проходили мимо него. — Берите-берите!..

Одни молчком запускали руку в кисет, прихватывали горсточку самосада и ссыпали в карман, а другие пытались на

ходу свернуть сигарку и прикурить, но у некоторых не получалось и самосад оказывался под ногами идущих.

— О, ешкин кот, — накурился! — один воскликнул. — Слышь, Ерофеич, оставь курнуть. Хотя бы одну затяжечку...

— Перекур пять минут, — откуда-то донесся зычный голос, и солдаты сразу же окружили Николая и отошли с дороги, чтобы не мешать другим. — Я чуток возьму, батя. Братцы, дайте прикурить...

— У фрицев попроси, — сказали в толпе. — Как нам дали вчера прикурить, так до сих пор отступаем...

— Никшни, Золотухин! — опять раздался зычный голос. — Дождешься, отрежут твой поганый язык...

— А ты куда путь держишь? — сказал усатый пожилой солдат, затянулся, гулко закашлялся, аж слезы выступили. — Ну и горлодер! До кишок достал! Так куда идешь, говорю?

Он вытер лицо. Лишь пыль размазал по нему и опять затянулся.

— Даже не знаю, куда идти, — помолчав, сказал Николай. — Не могу в четырех стенах сидеть и всё тут! Один в этой жизни остался. Жинку схоронил, когда сыновья еще в пацанах бегали. Сам на ноги ставил. Не хотел чужую бабу в дом приводить, который вместе с жинкой ставили. А выросли сыновья, тут война проклятушая. Близняшек сразу забрали, а поскребыша, Алешку, попозже взяли. Он добровольцем пошел. Молодой еще, мог бы и остаться, но уперся. Пойду и всё тут. И ушел. А вскоре пришла казенная бумага на близняшек, что пропали без вести. Ну, без вести — это еще не убитые. Можно понадеяться на что-то. А месяц-другой проходит, и приносят похоронку на поскребыша, на Алешеньку. Мол, погиб смертью храбрых. Потом письмо пришло. Командир прислал. Рассказал, как раненый Алешка гранатой себя и фрицев подорвал. Аж в глазах померкло. Была семья и никого не осталось. Как жить, братцы, после этого? — Николай оглядел солдат, которые стояли возле него, а в глазах тягучая боль. — Мыкался из угла в угол, а потом решил, что пойду, куда глаза глядят. Пойду на фронт. Коль суждено умереть, так и умру, а нет, тогда буду за сынков своих мстить. Знаю, не потушить огонь в душе, и облегчения не будет, но буду убивать фашистов, голыми руками рвать, зубами грызть, но за каждого отплачу с лихвой...

Он замолчал и заскрипел зубами — громко, протяжно-больно.

И солдаты молчали. Знали, словами горю не поможешь. Слишком много смертей видели на своем пути. И придет вре-

мя, повернут они обратно и тогда погонят поганой метлой этих фашистов с нашей земли-матушки. И будут гнать, пока последнего не прикончат...

— А документы какие-никакие есть у тебя? — за спиной раздался зычный голос. Николай повернулся и увидел перед собой невысокого шуплого командира с перевязанной головой. — Покажи...

И протянул руку.

Николай покопался в вещмешке и достал оттуда сверточек.

Командир долго рассматривал каждый документ. Даже на свет посмотрел печати. Видать, опасался немецких шпионов. Потом аккуратно сложил и вернул Николаю.

— Что делать собираешься? — сказал командир. — Куда лыжи наострил, Николай Ерохин?

— На фронт иду, — спокойно так, словно в гости собрался, сказал Николай. — Кто примет меня, у того и останусь. Не подведу. Оружие знаю. Еще в гражданскую воевал. Не думал, что снова придется, да еще так, мстить за сыновей...

Он снова заскрипел зубами и принялся укладывать документы в вещмешок.

— Ну, здесь таких много, — забасил командир. — Любого возьми — мститель. Кто за родителей или детей, кто за сожженные деревни, а если подумать, все мстят за нашу землю русскую. Ну, ежели не раздумал, можешь с нами отправляться. Мы на отдых вышли да пополнение должно прибыть, а потом снова в бой. Пристраивайся рядом с Кузьмичом и шагай. Потом разберемся, куда тебя определить...

Так Николай попал в пехоту-матушку...

— Что молчишь? — ткнул в бок Кузьмич. — Говорю с ним, говорю, а он усталился в стенку и молчок. Я хотел поглубже окоп сделать, а то неудобно воевать, но куда там — земля, словно камень. Лопатка только скребет по ней, и всё на этом. А в нашем краю чернозем чуть ли не в метр толщиной. Палку ткни и вырастет. А если навоз пораскидать, так три урожая за лето снимешь. Ну, ежели погода позволит...

Николай усмехнулся. Кузьмич приврет — дорого не возьмет. Ну и пусть брешет себе на здоровье, а нам на развлечение.

— Видел ваш чернозем, когда в гражданскую воевал, — отмахнулся Николай. — Если засушливый год, как сейчас, ни одна лопата не возьмет.

...Да, вот уже год, как Николай попал на фронт. Всяко было. И замерзали, и голодали, и воды не было, и не в жару, а в пекло ходили в атаку, и эти бои казались пеклом, не небес-

ным, а военным. И отступали. Сердце заходило, когда с боями отходили на восток. Никто не знал точно, куда идти. На восток и всё! Отступали, но огрызались так, что фрицам тошно становилось. А повстречаются местные жители, и сердце сжималось от взглядов. Женщины всё высматривали мужей да сыновей, а детишки стояли и молча смотрели на солдат. А взгляд такой, что... Николай передернул плечами. Эти детские взгляды не забудешь. До последнего твоего часа будут обжигать душу. И Николай шагал, стараясь не встречаться с ними — с этими не по возрасту взрослыми взглядами ребятишек.

Что ни говори, а всё выдержали. Многих потеряли, но оставшиеся только злее становились. Правильно командир говорил, что каждый солдат — мститель. Так и есть...

Николай у всех встречных расспрашивал про своих сыновей, но все пожимали плечами. Нет, не видели, отец. Сам понимаешь — это война, а не прогулка с барышней. И с каждым ответом Николай мрачнел всё больше и больше. Если подумать, что были в окружении и вышли, так тропки-дорожки всяко бы пересеклись. А тут, как ушли на фронт и пропали. Уж почти два года, как пропали. И где найти да и получится ли разыскать — Николай не знал...

Николай быстро прижился в отделении. Что ни говори, а какой-никакой опыт имелся. Пристроился рядом с Кузьмичом, и так и шагали вместе. Даже окопы отрывали рядышком, чтобы на помощь друг к другу прийти.

Нет, они не бежали на восток. Отходили. Медленно, с тяжелыми боями, за каждую пядь дрались, и каждый из них остался бы стоять до конца, но приходил приказ, и никуда от него не денешься. Командиры знали, с какой целью отступают. И заманивают, и изматывают фрицев, а потом дождутся нужного момента и упрутся. Упрутся для того, чтобы оттолкнуться посильнее и гнать врагов с нашей земли-матушки. Гнать так, чтобы на века вечные запомнили, что нас никто не победит. Многие пытались завоевать нашу страну, и ни у кого не вышло, потому что никаких сил не хватило бы, чтобы сломить русский дух...

Николая озноб охватывал, когда вспоминал переправу. Спасибо Кузьмичу, что помог переправиться на другой берег, а был бы один, тогда точно бы хана пришла. Николай сызмальства не умел плавать. Воды боялся, как огня. И речка была под боком, и парни бегали купаться, он увязывался с ними. Побарахтается на мелководье и ладно. А одного парня дернуло пошутить над ним. Взял и столкнул с обрыва, а там стремнина проходила и не успели глазом моргнуть, как Ни-

колая понесло течением, только головенка то появлялась, то исчезала под водой. Парни кинулись спасать, да куда им! Николай бы утоп, но повезло. Деревенский мужик увидел, что парни заматались по берегу и понял, что пришла беда. Он и заметил среди волн головенку Николая и, как был в одежке, так и кинулся наперерез. Поймал. Вытащил на берег. Откачал его. Подхватил на руки и быстрее домой. В тот вечер многие парни отведали кнута и вожжей. Даже Николаю досталось, чтобы не бегал на речку. Вот с той поры у него была боязнь к воде...

Николай вздохнул. Да, была деревня и спалили. Были люди и никого не осталось. Когда он ушел из деревни, вскоре ее заняли фашисты. Даже не заняли, а окружили ее и подожгли, а кто пытался спастись, того расстреливали. А потом пошли дальше. Так, будто на перекур останавливались, когда горела деревня и гибли жители. Это рассказал Карпов Иван — односельчанин, который чудом спасся. Огородами добрался до речки и оттуда наблюдал, а когда фашисты ушли, кинулся, а деревни нет. Одни трубы торчат. Кого смог — схоронил, а потом подался к нашим. Батальон выходил из окружения, а он помог им. И с ними остался...

Они в тот день сколотили подобие плота. Даже не сколотили, а связали. Кузьмич надрал лыка. Скрутил его. Нашли два бревна. И к ним привязал поперечины. Николай принялся крепко стягивать, а Кузьмич запретил. Всё должно быть словно на шарнирах. Если попадет снаряд рядом, не перевернет плотик, он будет как бы качаться на волнах, а мы вместе с ним. Николай с сомнением глянул на хлипкую с виду конструкцию, но доверился товарищу.

И вот батальон стал переправляться на другую сторону, чтобы закрепиться на высоком берегу и дать отпор фрицам, задержать их. Вещмешки привязали к поперечинам. Сами легли на бревна. В руках обрезки досок. И они поплыли. Сказать, что было страшно — это ничего не сказать. Жутко, когда над рекой взлетали столбы воды вперемешку с остатками плотов и наших солдат. Чем ближе был противоположный берег, тем меньше оставалось плотов на воде. Страх подгонял, а еще ненависть, что ли... Если его убьют, кто отомстит за сыновей? И поэтому Николай греб, вжимаясь щекой в бревно, и всё ждал, когда они пристанут к берегу. И дернулся, когда неожиданно уткнулись в высокий берег, по краю заросший камышом. И они с остатками батальона бросились карабкаться на крутой берег, чтобы задержать фашистов...

Рядом с головой чмокнула шальная пуля, брызнули кушочки глины, перемешанной с песчаником. Николай чертых-

нулся и немного отодвинулся. И снова взгляд в стенку мелкого окопа.

— Что отодвигаешься? — хохотнул Егор Фомин, сидевший неподалеку. — Пуля в одно место, как и снаряд, дважды не попадает.

И осклабился, выставив редкие желтоватые зубы.

— Это снаряд не попадает, потому что артиллеристы мази-лы, а пуля — не дура, и снайпер тем более не дурак, — буркнул солдат, обнимая винтовку, потом достал флягу, потряс ее, прислушиваясь к бульканью, хотел было открыть, но раздумал и снова убрал. — Маловато воды. А жарыща, что готов бочку выпить. Залез бы внутрь, окунулся бы с головой и пил, пока бы она не опустела.

Он облизнул сухие губы и мечтательно почмокал. Хотел было сплюнуть и не получилось.

— Братцы, кто знает, когда воду подвезут? — над окопом разнесся протяжный голос. — Пить хочца, аж кишки слиплися.

— Терпите, бойцы, терпите, — в окопе появился лейтенант и, пригибаясь, стал пробираться к блиндажу, такому же низкому, как и окопы. — Сообщили, полевая кухня на подходе, а с ней две водовозки едут. Вдосталь напьетесь, и про запас наберете. И еще... Немцы готовятся к атаке. Хотят прорвать нашу оборону. За танками пехота двинется. Но сначала артподготовка, как обычно. Нам нужно удержать их. Бронебойщики подтянулись. Пулеметы выставим, чтобы пехоту отсекали. Сказали, артиллерия поможет. В посадке орудия стоят. Сейчас всем разнесут гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Боеприпасов маловато, но постараемся всех обеспечить. Тяжело будет, бойцы. Но удержаться нужно. Хватит отступать...

Сказал и скрылся в блиндаже.

— Правда, пора бы уж упереться, — протяжно вздохнул солдат, снял каску, на которой был толстый слой пыли, стряхнул ее и прислушался к далекому шуму. — Палят и палят. Нашу оборону прощупывают. Братцы, а страшно против танков стоять? Я впервые на танковую атаку попал. Слушаю рев моторов, и на душе беспокойно становится...

Он передернул плечами и осмотрел солдат, что были в окопе.

— Не-а, не страшно, — осклабился солдат Егор Зозуля. — Это, как в поле стоишь, а мимо тебя тракторы едут. Шум, гам — страсть! Они рычат, а у тебя сердце сжимается, того и гляди на тебя наедут. А потом привыкаешь. Едет танк на тебя, ну и пусть едет. А ты гранатой его — раз! И он перестал ехать. Тока

одна куча металла осталась, и фрицы разбегаются, тока голыми задами сверкают. — И повторил. — Нет, не страшно...

Сказал, а у самого взгляд хмурый, задумчивый. Хотел было выглянуть, как тут же вжикнула пуля возле головы и воткнулась в стенку окопа.

— От, зараза! — чертыхнулся Николай. — Головы не дает поднять. Садит и садит. А атака начнется, как быть?

— Ползком, по-пластунски, одолеем этих сволочей! — закрипел зубами Кузьмич. — Ты, Петруха, не слушай Зозулю. В бою всегда страшно. Тока дураки ничего не боятся, наподобие нашего Зозули. У него контузия была. Мозги стряхнулись, а на место не встали. Как увидит танки, так и норовит первым броситься в атаку. И ведь ни одна пуля в него не попала за годы войны. У фашистов руки трясутся, когда эту громадину видят, да еще с гранатами, да еще так заревет, что орудия не слышно, как матюгается. Он обвешается гранатами, да еще в обеих руках по связке, и прет на танки. Фрицы от одного вида разбегаются, когда Зозулю видят. Велика фигура, да дура.

Сказал и махнул рукой.

Зозуля хохотнул. И правда, боженька ростом не обидел, а уж гранат было, куда больше, чем у других.

Следом засмеялись остальные, не думая, что вскоре почти никого не останется из них.

...Николай Ерохин вспоминал, как тяжело было в первые месяцы, когда он ушел с солдатами. Затяжные бои выматывают, да и боеприпасов не хватало. И приходилось огрызаться, а потом снова шагали на восток, где были основные силы. Так говорил командир. Соединиться со своими, а там уж можно и повоевать, а пока нужно беречь боеприпасы, но особенно — бойцов.

Однажды завязалась перестрелка, когда они наткнулись на фашистов. Заухали немецкие орудия. Затарахтели пулеметы. Там и сям разрывались мины. А у наших винтовки и пара пулеметов, и всё на этом. Командир приказал отходить. Отстреливаясь, рота медленно отходила, пока не наткнулась на старый заросший овраг. И по нему быстро направилась в сторону реки, то и дело огрызаясь выстрелами. Медленно, но всё же удалось оторваться.

Остатки роты долго шли по оврагу, пока не услышали в стороне гул самолетов, потом стрельбу и разрывы бом. Они выбрались возле лесопосадки и увидели, что по дороге растянулась длинная колонна беженцев, которая при звуках самолетов бросилась врассыпную, бросая на дороге тележки, на которых везли скарб, а кто был на подводах, срывая голо-

са, хлестали лошадей, пытаюсь скрыться от самолетов. Другие бежали, пытаюсь спастись, но самолеты пикировали на них, и были видны фонтанчики от длинных очередей. А вскоре всё закончилось. Самолеты улетели, и наступила звенящая тишина. Тишина, если это можно было так назвать, когда уши закладывало от разрывов бомб, длинных очередей и надсадного рева двигателей...

— Суки! — один из бойцов упал на землю и принялся стучать кулаком по земле. — Суки, безоружных расстреливали. И мы ничего не смогли сделать. Сволочи!

Солдат застонал. И, обхватив голову руками, уткнулся в заросший склон.

— Что сопли распустили? — рявкнул Николай и оглянулся на солдат, которые рассыпались по склону оврага. — Братцы, подмогнуть бы беженцам. Сами видели, сколько фрицы покосили. Живых бы собрать, да погибших схоронить.

— Правильно советуешь, Ерохин, — со стороны донесся голос командира роты. — Нужно помочь беднягам. Иначе, фашисты уничтожат, если вернуться. Бойцы, подъем! Поможем, и дальше двинемся. У Ивановки должны быть наши части. Всё, торопитесь!

Он вскочил, выбрался на край обрыва, махнул рукой и, не оглядываясь, заторопился к лесопосадке, откуда доносились стоны, плач и приглушенные голоса.

Вроде торопились, а время ушло, пока живых подсчитали и вещи забрали с дороги. Пока общую могилу выкопали и собрали документы всех погибших, чтобы передать родственникам. Терпко пахло травой и сырой землей, кислым запахом пороха и гарью — вдалеке горела степь.

У Николая сердце сжалось, когда подняли молодую женщину, а под ней была маленькая девчонка, которая смотрела на них открытыми мертвыми глазами, в которых было удивление, боль и еще что-то, от чего душа заныла и хотелось завывать — громко, протяжно и больно. Мать, у которой не смогли разжать руки. Одним осколком и сразу две жизни сгубили. Так и схоронили мать и дочку вместе...

Николай заелозил в окопе, устраиваясь поудобнее. Да, до конца дней своих будешь вспоминать эту проклятушую войну. И до последнего своего часа будут приходиться по ночам погибшие ребята. И будешь подниматься в атаку вместе с ними, и в который раз будешь смотреть, как они погибают. Погибают, чтобы ты, Николай Ерохин, остался живым. И Николай заскрипел зубами, замотал головой и застонал протяжно и знобко.

Николай пошевелил сухим языком. Пить хотелось. Обещали воду подвезти, а что-то до сей поры не торопятся. Он

прислушался. Со стороны фрицев слышен рев танков. Правда, видать, первыми танки пойдут. Посмотреть бы, да не выглянешь. Снайпер быстро в лоб чмокнет. Наши охотились на них. Вроде всех постреляли, ан нет, снова повылезали и на каждое движение стреляют и стреляют. Только и слышно, как пули посвистывают. А бывало, рывкнешь — «Ура!», да еще так протяжно — фрицы тут же открывали огонь. Кто во что горазд — стреляли. А наши разведчики сидят и крестики рисуют на картах, где и что у тех находится. А потом уж наши артиллеристы начинали стрельбу.

— Танки гудят, — кивнул он и ткнул пальцем, а потом вытер лицо, размазывая пыль по нему. — Видать, пойдут на прорыв. Командир сказал, что хватит отступать, пора упереться. Вроде пополнение должно прийти. Значит, будем драться до последнего. Правда, против танков с винтовкой не погрешь. Эх, гранаток бы побольше да пушечек, тогда бы посмотрели, чья возьмет...

Николай вздохнул и нахмурился. Неподалеку в бруствер окопа чмокнула пуля. Снайпер. Видать, где-то на холме укрывлся и садит, покоя не дает. Ничего, и до них доберемся.

— Ну, драться — не рюмки за столом опрокидывать, — разглаживая усы, сказал Кузьмич. — Это от рюмок можно упасть, а нашего брата попробуй свали в драке. Посмотрим, кто кому холку намылит. Не они первые, кто совался к нам, и всем досталось на орехи. И с этими справимся, когда время придет...

Он вытащил кисет, развязал, заглянул и сокрушенно покачал головой — маловато табачку осталось.

Николай достал свой кисет. Ткнул локтем Кузьмича и протянул ему. Тут же к кисету потянулись солдаты, сидевшие с ними. С куревом было туго, а Николаю повезло, когда они проходили деревню. Какая-то сердобольная старуха, стоявшая возле дороги, всматривалась в лица солдат, словно искала мужа или сыновей, и неожиданно протянула Николаю туго набитый кисет, перекрестила его и, опираясь на клюку, потихонечку зашагала в сторону околицы.

— Ну хватит, хватит, — заворчал Кузьмич. — Руки загребушие! Свой бы так не крутили, а тут дармовой достался. И норовят в палец толщиной скрутить.

И принялся быстро завязывать кисет.

— Пусть курят, — вздохнул Николай. — Может, в последний раз сигарку крутят. Слышите, танки в лесополосе? Наверное, к атаке готовятся. День и ночь ревут и ревут. Всё больше и больше подходят. Готовятся, сволочи! Ничего, и мы не

лыком шиты! Долго запрягаем, да быстро помчимся. Понукать не придется, сами пойдем, пока всех не...

Он замолчал и сплюнул под ноги. А плевков сухой. Словно комок грязи шлепнулся на дно окопа.

— На-кась, Микола, глотни чуток, — протянули флягу. — Смочи горло.

Николай глотнул и, не глядя, вернул фляжку, в которой на доньшке булькала вода.

...Ближе к вечеру вернулись разведчики. Уставшие и грязные, они съехали в окоп и стащили в него немецкого языка — офицера.

— Сука фашисткая, едва доперли, — прохрипел солдат. — Здорово были, славяне! Где штаб? Этого срочно нужно на допрос. — И кулаком ткнул немца в спину. — Что-то затевается, братцы. Видать, жарко будет. Даже не жарко, а в самое пекло попадем. Ничего, не из таких передрыг выбирались и из этой выберемся. Еще неизвестно, кто кому хребет ломает. Шагай, сволота, пока не пристрелил!

И он сильно ударил прикладом по спине фашиста. Тот охнул, прохрипел, но во рту мешался грязный кляп. И покорно побрел по окопу.

Чуть позже появился капитан. Склонившись, он прошелся по окопам, прислушиваясь к гулу вдалеке, потом остановился возле бойцов.

— Так, братцы, — он мельком оглядел всех. — К утру окопы должны быть в полный рост. Сейчас подвезут еду и воду. Ешьте и пейте впрок. Неизвестно, когда в следующий раз привезут харч. Потом получите патроны, гранаты и бутылки со смесью. Пополнение на марше. Ждем с минуты на минуту.

— Что, немцы попрут? — кто-то перебил капитана.

— Язык сказал, что хотят прорвать нашу оборону и выйти к реке, а там... — он помолчал и снова всех оглядел. — А там, сами знаете, что будет, если прорвутся. Будем стоять до победного. Готовьте окопы. Посмотрим, кто кого одолеет. Мы на своей земле стоим, за которую любому врагу горло перегрызем...

Он заскрипел зубами и, пригибаясь, зашпешил в блиндаж.

Солдаты провозились до темноты, углубляя окопы и делая ниши. На бруствере выложили комья земли, понатыкали траву и ветки, чтобы немного скрыть от снайперов, и во время атаки полегче будет стрелять по врагу. Мимо прошли бронебойщики. Чуть погодя подтащили пулеметы и установили в пулеметные гнезда. Замаскировали, чтобы фашисты заранее не обнаружили. Вроде успели подготовиться. После каши,

которую давали с добавком, еще и вода прибыла. И солдаты пили про запас, выстроившись цепочкой. И старались не греметь, чтобы не привлечь внимание врага.

Николай долго пил, отдуваясь. Останавливался. Отдышитесь и снова припадал к краю ведра. Пока он пил, Кузьмич набрал полные фляжки воды. Потряс, прислушиваясь к звукам. Опять добавил. Каждая капля воды на вес золота. Когда Николай отвалился, тот сунул ему в руки флягу и сам надолго припал к краю ведра, делая гулкие глотки. Оторвется. Осмотрит всех. Вытрет длинные усы и снова пьет. И пил, пока не зароптали за спиной. Мол, так всю бочку выпьешь, и другим не останется. И старались оттеснить его от водовозки.

— Уф, полный живот воды, — отфыркиваясь, пробормотал Кузьмич. — И наелись вдоволь, и напились всласть. Видать, правду сказал наш капитан, что еще неизвестно, когда придется поесть и попить. Слышь, друг Николай, может, еще пристроимся в конце очереди? Эх, жаль, всю кашу раздали, а то бы и ее не мешало бы поесть.

Он расправил густые усы и причмокнул.

— Не хочу, — сказал Николай, вытирая уставшее лицо. — Лишку съесть тоже вредно. Воевать тяжело будет. Вроде на душе веселее, а в атаку пойти тяжело — каша в пузе станет бултыхаться. Ничего, Кузьмич, я готов поголодать, лишь бы с фашистами справиться. Вон, послушай, сколько они техники нагнали. Ревет и ревет во тьме. Не иначе, как говорил капитан, пойдут на прорыв, чтобы одним ударом пробить брешь в нашей обороне, а там река, и за рекой... — Он помолчал и нахмурился. — Нет, друг Кузьмич, нам нельзя пропускать этих гадов к реке. Лучше костями лечь, чем дать прорваться.

Он замолчал и снова прислушался к далекому шуму моторов.

— Правду говоришь, Николай, — закивал головой старший Кузьмич. — Лучше костями лечь, но не пропустить немчуру к реке.

— Давай-ка, дружище, подремлем чуток, — кутаясь в шинель, сказал Николай Ерохин и улегся на дно окопа. — Завтра тяжелый день будет. На душе тревожно...

Он ткнул вещмешок под голову и затих, краем уха прислушиваясь к шуму.

— Правду говоришь, — заелозил на дне окопа Кузьмич, устраиваясь поудобнее. — Это молодым легко, хоть неделю не спи, а нам, старикам...

Он не договорил, всхрапнул и потихонечку засопел.

Под утро пришло пополнение. Николай Ерохин услышал чужие голоса. Потом донесся голос старшины, который зачертыхался, когда споткнулся о вещмешок, и чуть было не растянулся в окопе. Матюгнулся — солдаты тут же подобрали ноги и скарб, давая дорогу пополнению. Николай отвернулся к стенке окопа, но чуял, как мимо него шли солдаты в сторону блиндажа. Николай немного поелозил, поудобнее устроился и вскоре опять задремал.

А рано утром, едва небо окрасилось рассветными полосами, Николай очнулся от грохота.

— Растуды твою качель, началось! — сквозь непрерывный грохот разрывов снарядов донесся голос Кузьмича. — Фашисты начали артподготовку. Ну всё, пора готовиться...

Николай приподнялся. И тут же громынуло так, аж в голове зазвенело. Земля взметнулась над окопом и обрушилась на них. Они едва выбрались из-под завала. Видать снаряд рядом разорвался. Оба сидели и мотали головами. Стащили каски, стяхнули землю и снова надели. Заелозили по дну окопа, вытаскивая засыпанные землей вещмешки и боеприпасы.

И тут Николай заметил незнакомого молодого солдатика, который во весь рост мчался по окопу.

— Стой, растуды твою качель! — рывкнул Николай, вскочил на ноги, сбил солдатика на землю и навалился на него, не давая подняться. — Куда же ты, дурень, помчался? Это же верная смерть. Лежи и не шевелись. Сразу видно, что новобранец. Необстрелянный еще, пороху не понюхавший.

Сказал и еще крепче прижал к земле, когда рядом разорвался снаряд.

Он нахмурился, вспоминая своих сыновей. Такими же ушли. Алешка погиб, а близняшки без вести пропали. Может, сгинули. А может, в плен попали. Эх, жизнь!..

— Ты, малец, не трусь, — подобрался к ним Кузьмич. — Это попервоначалу страховито, а потом пообвыкнешься. Не все сразу героями рождаются. И мы боялись, и другие пугались, аж поджилки тряслись, а сейчас ничего — привыкли. Держись рядышком с нами. Подмогнем, коли что...

А бой уже начался. Орудия фашистов били, не переставая. Весь склон в разрывах и дыму. Едко пахло порохом и сырой землей. Земля содрогалась от разрывов. Там и сям взлетали в небо столбы земли и медленно опадали. Николай невольно взглянул в небо. Но кроме черных клубов дыма ничего не видно. Солнечные лучи не могли пробиться через эту завесу. Сколько времени продолжалась артподготовка — он не знал. Казалось, фашисты били из орудий беспрестанно, пытаясь

сравнять их с землей. Он прижимался ко дну окопа, прикрывая голову руками. Радовался, когда неподалеку слышал голос Кузьмича. Ага, жив, старый вояка! Значит, и он будет жить. Ему нельзя помирать. Он еще за сынков не расплатился сполна...

— Держитесь, бойцы, держитесь, — пригибаясь, возле них остановился капитан. — Пусть лупят. Нам не впервой стоять на защите нашей Родины. И всегда побеждали. И сейчас победим этих проклятущих врагов, — он с размаху ударил кулаком по колену. — Ничего, пора и упереться. Дальше ни шагу. Они пришли на чужую землю, а мы защищаем свою. Держитесь, бойцы. Нас не сломить!

Он окинул взглядом солдат, поправил каску и, пригибаясь, поспешил в сторону блиндажа.

И тут наступила тишина. Такая, аж в ушах зазвенело. Николай поднялся на карачки. Потряс головой. Земля осыпалась с каски. Он привалился к брустверу окопа. Протер глаза. Опять мотнул головой. В ушах словно вата. Кузьмич, который вскочил пораньше, осторожно выглянул из окопа и тут же съехал вниз. И принялся тыкать пальцем. Николай поднялся. Выглянул. Аж дух захватило, когда увидел танки, которые перли на них, а вслед за ними бежала пехота.

Наши молчали. Немецкие танки всё ближе и ближе подбирались к нашим окопам. И тут заговорила наша артиллерия и вслед за ней принялись за работу бронбойщики. Сколько длился бой — неизвестно. Но немцы дрогнули. Сначала один, другой и третий танк стал разворачиваться. Не успели они скрыться в лесополосе, как вновь заработала немецкая артиллерия. Николаю показалось, небо с землей смешалось. Били беспрестанно, не давая поднять головы.

— Воздух! — донесся голос Кузьмича, и Николай увидел, как в небе пикировали самолеты, скидывая бомбы и поливая из пулеметов. — Братцы, держ...

И не договорил Кузьмич. Замолчал, повалившись на дно окопа. Рядом по брустверу зачмокали пули, выбивая фонтанчики земли. И снова над головой пронзительный вой, от которого хотелось вскочить и помчаться, лишь бы спастись, лишь бы не слышать его — этот нестерпимый вой. И молодой солдат не выдержал. Вскинулся, чтобы бежать от него, от этих проклятущих самолетов, которые несли смерть. Вскинулся, но опять Николай навалился на него, не давая поднять головы. И тут раздался взрыв. Взметнулась земля. Боль резкая и жгучая. Он хотел было вскочить и не получилось. Еще один взрыв, и Николай закричал — громко и протяжно, как ему показалось, и его швырнуло на дно окопа,

засыпая землей. И последнее, что увидел Николай, было черное небо и самолет, который отваливал в сторону. А потом наступила тьма...

Николай очнулся от тишины. Сквозь пелену раздалось карканье, вроде кузнечик застрекотал... Откуда он взялся на поле боя?.. И почему стоит такая тишина? Он пошевелился, но едва попытался согнуть ноги в коленях, боль полыхнула вниз — резкая и долгая. И Николай опять потерял сознание...

— Вроде живой, — донесся голос, и кто-то затормошил его, откапывая из земли. — Потерпи чуток, солдат...

Его потянули наружу. Опять полыхнула боль и он застонал. Казалось, громко застонал, а на деле едва слышно.

— Терпи, солдат, сейчас ногу перетяну и потащу тебя, — опять девичий голос. — Не шевелись...

Он почувал, что девчонка стала возиться с ним. Больно. Очень больно. Он приходил в себя и снова терял сознание. Воду почувал, когда сунула фляжку. Едва заметный глоток, и всё — силы не хватило, чтобы в досталь напиток. Он попытался приподняться, и опять поплыла тьма перед глазами.

Николай очнулся на столе и невысокая женщина в белом халате, если можно его так назвать, перемазанном кровью, колдовала над ним. Он застонал. Пытался открыть глаза, но силы хватило всего лишь чуточку приоткрыть. И снова застонал.

— Терпи, солдат, — глухо донесся голос врача. — Радуйся, в живых остался. Говорят, все, кто рядом был, полегли. Ты да молоденький солдатик остались. Его уже отправили в тыл. Вот сейчас подлатаю тебя, и тоже в тыл поедешь. Для тебя война закончилась. Но главное, что фашистов не пропустили. Обломали они зубы, а теперь в обратную сторону погоним их. И в этом есть твоя заслуга, солдат!

Он вскинулся. Хотел было не сказать, а закричать: как закончилась его война, если я еще за своих сынков не рассчитался?! Но вновь тьма перед глазами, и он уже в который раз потерял сознание.

Потом был долгий путь в тыловой госпиталь, где лечили тяжелых, как говорил санитар, который с напарником поднял его в палату и переложили на свободную койку.

Николай Ерохин молчал. Хмурился, поглядывая на ноги. Одна целая, а от второй култышка торчит. Как ему жить с такой ногой, да еще в деревне? Он хотел после войны вернуться в родные места, чтобы восстановить деревню, которую сожгли фашисты. Как знакомый сказал, сожгли вместе с жителями, словно на перекур останавливались, а потом

дальше пошли. А теперь как ему жить — безногому в деревне? Ни копать, ни дом срубить, ни сено заготовить. Да лучше бы на поле боя остаться вместе со своим другом Кузьмичем, чем теперь мучиться. И он с силой ударил кулаком по стене, а потом по култышке и заплакал. Впервые за эти годы у него потекли слезы.

— Ты поплачь, солдат, поплачь, легче станет, — с соседней койки донесся голос. — Не стыдись слёз, солдат. Эй, сестричка, накапай ему в рюмашку. В себя стал приходиться. Накапай...

Он выпил из стакана какие-то вонючие капли и отвернулся к стене, вспоминая прошлую жизнь, войну проклятушую и сынков, которые там остались. И не заметил, как уснул...

Так началась его госпитальная жизнь. Он уже несколько месяцев находился тут. Одних выписывали, и путь у всех был в разные стороны. Одни опять отправлялись бить врага, а другие возвращались домой. И было видно по их лицам, с какой неохотой они уезжали, когда другие воюют, когда вовсе идет наступление, и враг бежит, а их списали вчистую, и вместо того, чтобы вернуться в родную часть, они едут домой. Но с другой стороны, если взглянуть, они возвращаются домой, где их ждут каждый день и каждую минутку, лишь бы они вернулись. Пусть искалеченные, без рук или ног, но живые — это главное...

Николай всегда хмурился, когда шла выписка. В душе-то радовался, что одни пойдут фашиста бить, а другие отправятся домой, и каждый из них показывал письма от жены и детей, от родителей и родственников, а у Николая, кроме похоронки и казенной бумаги, что близняши пропали без вести, больше ничего не осталось. У всех была своя дорога в жизни, а у него ни туда, ни сюда не было дороги. Безногим в атаку не побежишь, а домой ехать, так некуда же — пепелище вместо родной деревни. И в жизни один. Один на всем белом свете. Будут выписывать, и некуда ехать. Была семья. Была жена и сыновья. А теперь никого, даже родственников нет, а к знакомым... А где же они — эти знакомые? Он пожал плечами...

А утром сквозь сон почудился детский голосок. Да ну, показалось, он отмахнулся и отвернулся к стене. Но опять детский голос и хохот раненых. Николай развернулся и оторопел, когда увидел светловолосого мальчугана лет пяти-шести, который сидел на табуретке и что-то рассказывал раненым, а те покатывались со смеху. Мальчишка повернулся, у Николая аж сердце забарахлило, с перебоями заработало, того и гляди остановится. Перед ним был его Алешка, но еще

малец. Такие же черты лица, такие же глаза и взъерошенные волосы, даже картавил так же, как его Алешка.

— Алешка, сынок, — произвольно вскрикнул Николай.

Сердцем понимал, что такого не может быть, а душа хотела обратного.

Малец повернулся.глянул на него, словно огнем полыхнуло в груди, и подошел.

— А ты откуда знаешь, как меня зовут? — сказал он и взобрался на край кровати.

— Это же Алешка Ерохин! — наперебой захохотали раненные. — Он давно к госпиталю прибился. Сколько раз отправляли в детский дом и всегда сбегал. И сейчас смотался.

И опять хохот.

А Николай вздрогнул, когда услышал фамилию.

— Откуда же ты взялся, Алешка? — сказал он, заелозил, достал кусочек сахара и сунул его в ладошку мальчика. — Где же твои родители?

Хотя и так было понятно: скорее всего, родители погибли.

— Я не знаю, откуда взялся, — пожал плечами худенький Алешка. — И родителей не знаю. Наверное, я здешний — госпитальный. А как тебя зовут?

Николаю хотелось крикнуть, мол, сынок, не узнаешь родного тятку? Но едва сдержался.

— Зови, как твоя душа подскажет, — запнулся Николай.

И всё лежал на койке, стараясь удержать мальчика, и спрашивал его, расспрашивал...

— Его подобрали в начале войны, — присела на табуретку пожилая санитарка, когда Алешка умчался по своим делам. — Состав разбомбили фашисты. А он сидит возле насыпи и мамку зовет. Наверное, он один, кто спасся с того поезда. Никого из живых не нашли. Забрали его. Сначала с нами ездил, а потом сюда определили. Так и прижился. Сколько ни пытались в детский дом отправить, всегда сбегал. Маленький, а шустрый.

— А кто ему имя дал и фамилию? — сказал Николай.

— На подкладе курточки было вышито: А.Н. Ерохин. Ну и решили, что будем звать Алешенькой. А что ты переполошился так, солдатик?

— Сынок у меня был, Алешка Ерохин, — тихо сказал Николай. — Погиб на войне. А мальчика увидел и почудилось, как две капли воды похожи с моим Алешкой. Даже картавят одинаково. И лицом, и глазами...

Не договорил. Замолчал. И задумался.

Молчала и санитарка. А потом поднялась и потихонечку вышла...

— А что делаешь? — подбежал Алешка, когда Николай сидел во дворе госпиталя и вырезал из чурбака протез. — А для чего делаешь?

Он тараторил быстро и картавинки то и дело проскальзывали в разговоре.

— Ногу себе делаю, — покосился на него Николай. — Фашисты откромсали мне ногу, а я лучше старой сделаю. Видишь два сучка, словно два глаза смотрят? Они будут на дорогу глядеть, чтобы я не споткнулся. Так и буду ходить: скрип-шлёп, скрип-топ...

Алешка засмеялся.

С той поры, как Алешка сбежал из детдома и вернулся в госпиталь, они почти не расставались. Алешка прибегал к нему и начинал делиться новостями, а Николай слушал, наливал чай, и они вдвоем пили вприкуску. Пили долго, до пота. И Николай снова брался за протез, а Алешка вертелся рядышком. Знал, что ему будут рассказывать сказки. И когда Николай начинал, тот застывал, вслушиваясь в каждое слово, а бывало, что засыпал, притулившись к боку Николая...

— Вы, прямо, как родные, — проходя мимо, сказала санитарка. — С утра и до вечера воркуют. И не разгонишь...

— А может, мы и взаправду родные, — сказал Николай. — Он Ерохин и я тоже. Да, Алешка?

Он покосился на мальчика.

Алешка вскинулся. Хотел было обнять Николая, но не стал, а просто прижался к нему, взглянул снизу вверх, потом на санитарку.

— Правда, — не сказал, а выдохнул Алешка и еще сильнее прижался.

Николай закричал, опустив глаза, и неловко стал поглаживать Алешку по плечу.

— Ну, а что же вы, родственники, порознь живете? — взмахнула рукой санитарка. — Тебя же, Ерохин к выписке готовят, вот и...

Она не договорила и взглянула на Алешку. Замолчала. Пошла. Потом оглянулась на них. И покачала головой на то, как они сидели, обнявшись. И ушла.

Чуть погодя начался обход. Алешка хотел было убежать. Врач ругал, если он надоедал раненым. И Алешке не хотелось попадаться ему на глаза, а то обоим попадет. Но Николай придержал его. Так и сидели в обнимку, пока не зашел врач в сопровождении санитарки, которая держала в руках папки с бумагами на раненых. Врач мельком взглянул на них и принялся за обход, оставив Николая с Алешкой напоследок.

— Ну-с, что скажете, родственники? — поправляя круглые очки, дужка была замотана нитками, сказал врач и взглянул поверх них. — Что же молчали, что вы родня?

Спросил, а в глазах усмешка, но не злая, а добрая. Видать, санитарка рассказала ему.

— А что говорить-то? — закричал Николай и принялся покручивать седой ус. — Родня, и всё тут! Правда, Алешка?

— Дядька Коля правду говорит, — торопливо сказал малец и крепче прижался к нему. — Мы оба Ерохины, а значит, родня.

Алешка взглянул на врача и скрылся за спину Николая.

— А я хотел вас выписывать, — сказал врач, просматривая бумаги, потом оглядел обрубок ноги. — Вот и нога зажила. Болеть еще будет. Долго. Но ничего, потихонечку привыкнете. Я вижу, протез себе соорудили. Ну и как он?

Врач кивнул на протез, стоявший возле кровати.

— Не нога, конечно, но ходить можно, — сказал Николай и погладил Алешку. — Вот, Алешка помогает. За руку держит, когда хожу. Пробовал с костылем — неудобно. Я себе клюку смастерил. Всё лучше ходить.

— Ну, готовьтесь к выписке, — сказал врач. — Недельку понаблюдаю, документы справим, и домой. Отвоевались.

— А Алешка? — запнулся Николай. — Неужто здесь останется?

— Ну, как здесь... — врач сделал долгую паузу, переводя взгляд с одного на другого. — Вы же родня. Как я могу вас разлучить, тем более фамилия одинакова и даже отчество. Не то сынок, не то внучок...

Он замолчал и неопределенно покрутил в воздухе рукой.

— Главное, вместе будем, — обрадовался Николай. — А там разберемся, внучок или сынок. Да, Алешка?

Алешка выглянул из-за спины. Стрельнул глазами. Хихикнул. И кивнул головой.

— Алешка, не сбежишь, как из детдома? — раненые хохотнули и притихли, прислушиваясь к разговору. — А то не успевали отправить, он обратно появлялся.

— Нет, от батяньки не сбегу, — замотал головой Алешка, продолжая прятаться за спину Николая, а у того от услышанных слов, аж дыхание перехватило. — Я и сбежал, потому что знал, что папка приедет.

Раненые закричали, глядя на них. Одни отворачивались, украдкой вытирая глаза, а другие улыбались — широко и радостно. За них радовались, зная их тяжелые судьбы.

— А куда отправитесь? — спросил врач, взглянув поверх очков. — Слышал, вашу деревню фашисты сожгли. Как жить станете?

— Да, сожгли, — вздохнул Николай. — Но ничего, доберемся, а на месте определимся, чем заняться. Пока тепло, в шалаше поживем, а там землянку сделаем. Ничего, перезимуем! А на другой год избой займемся. Да, сынок? Глядишь, старшие сынки объявятся, что без вести пропали. Нам никак с Алешкой нельзя уезжать в другое место. Я буду сыновей ждать, а он братьев своих. Да, сынок?

Николай опять повторил и крепче прижал мальчика к себе.

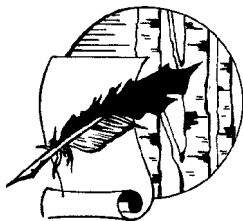
— Проживем, — кивнул головой Алешка. — Нам никак нельзя в другое место уезжать. Братовья мои должны вернуться.

Алешка посмотрел на врача, а взгляд серьезный, словно у взрослого.

— Ну, Ерохины, тогда готовьтесь к выписке, — сказал врач. — Всем миром соберем вас в дорогу.

А через неделю Ерохиных выписали. Одни вышли проводить на улицу, а другие смотрели в окна, на Николая с тяжелым вещмешком на плече, где были гостинцы, которые совали им раненые и медперсонал, и нельзя было отказать. Николай на протезе и с палкой в руках вышел на дорогу, а рядом с ним, держа его за руку, степенно шагал серьезный Алешка в маленькой шинельке, небольшой вещмешок за плечами, начищенные маленькие сапоги, невесть откуда смогли достать, и большеватая пилотка на голове. Они шагали по разбитой дороге: скрип-шлёп, топ-топ, скрип-шлёп, топ-топ...

Они возвращались домой, а впереди ждала мирная жизнь...

Диана КАН

СРЕДИ ЗВЁЗД...

* * *

И эта сирая сирень,
И хроменькая кошка.
И удручённо хмурый день,
Вселившийся в окошко,
И в палисаде лопухи,
Что градом злым побиты,
И непокорные стихи
Печального пиита.
И снежно-дождевая взвесь
Что по стеклу стекает...
Неужто это всё и есть
Ты, родина такая?
Но где же звон красивых фраз?
Куда девался пафос,
Которым так искусно нас
Веками водят за нос?
А нет его, но есть — сирень,
Есть хроменькая кошка.
И есть в меня влюблённый день,
Что влез в моё окошко.

* * *

Евгению Семичеву

У семи незадачливых нянек,
Что приставлены с детства ко мне,
Я тверда, как не съеденный пряник,
И собою довольна вполне.
Пусть вздыхают и пьют валерьянку,
Пусть в подушки ревут по ночам...

Не понять незадачливым нянькам —
Этот пряник им не по зубам.
Нянька-верность читает морали
(Мол, в кнуте, а не в прянике суть!)
Нянька-совесть уступит едва ли —
Не позволит и шагу шагнуть!
Нянька-мудрость в конфликте с любовью
Пребывают, друг друга кляня,
Но, моею повязаны кровью,
Дружат намертво против меня.
Даже та, что подругой мне стала
(А подругой мне тягостно стать!)
Тоном, родственным звону металла,
Обожает меня поучать.
Я кричу: «Поучись-ка, Надежда,
Кнут и пряники чередовать...
Одевай-ка поярче одежду
И пойдём-ка по крышам гулять!...»
«Что ты, что ты!» — руками замашет
И в испуге закроет мне рот!...
...Ёлки-палки, сбегу я однажды
И сам дьявол меня не найдёт.
Попривыкли они с поэтессой
Дверь плотней закрывать на засов!
А была б я поэтом-повесой,
Вот бы взвыли на семь голосов!
Не рождённая я пуританкой,
Чтоб прилично-умно рифмовать...
Ну вас всех, я с поэзией-нянькой
Убегаю по крышам гулять.
Там блуждает неведомый странник
Среди звёзд одиноко во тьме.
И заветный несъеденный пряник
У него в перемётной суме.

* * *

Кричу тебе: «Люпин, люпин...
Гляди — люпиновое поле...»
А слышится: «Любим... любим...
Любимая, чего же боле?...»
Жизнь безмятежна и светла,
Когда вскипает на просторе
Вокруг Хандрыкина села
Пурпурно-царственное море.

Ах, не доводит до добра
Обид ревнивых вереница!..
Но верю — русская хандра
Села Хандрыкино боится.
Насельник болдинских равнин,
Нас в плен возьмёт и не отпустит
Влюблённый в небеса люпин —
Целитель ревности и грусти.

* * *

Далёкая от жизни светской,
Я проживала на Одесской
И, начиная жизнь сначала,
Стихи печальные писала.
О чём? О нет, не о России!
Хотя спасибо, что спросили:
Патриотизм провинциальный
Всегда в России актуальный.
...Шептались душные сирени
Про запустенье и забвеньё,
Но, равнодушные к морали,
Мои стихи меня венчали.
Став одесситкой оренбургской,
Осталась поэтессой русской —
И непокорной, и упрямой —
Совсем как ты, Самара-мама!
Не покидая пьедестала,
Я о тебе всегда вздыхала,
Но Волга — ах, какая жалость! —
С Уралом не зарифмовалась.
Непокорённая ковидом,
Неподотчётная обидам
И злой реформе пенсионной,
Я плачу о любви бессонной.
Я по счетам плачу исправно
Стихами, коим нету равных:
Ведь даже здешние метели
Их заморозить не посмели!

* * *

Ну чем мы с тобою, ответь, виноваты?
Что мы родились, никого не спросили,

В России, где солнце не знает заката,
В божественной, Богом забытой России?..

Ответят пусть майские вешние грозы,
Осенние и златокудрые ветры.
Ответят крещенские злые морозы
И вьюга седая, чья песенка спета.

А, собственно, нам и ответа не надо,
Чтоб жить на земле этой, политой кровью
Отцов, что в бесчисленных войнах проклятых
Её защищали сыновней любовью.

И пусть то, что нами до боли любимо,
Порой проклинаям мы так вдохновенно,
Но кровь победителей непобедимо
Пульсирует в наших забывчивых венах.

УТОПИЯ

Обманут распахнутым настезь простором,
Устав от февральских ненастных забот,
В весеннее плаванье мартовский город
С утра отправляется, взяв нас на борт.

Попутного ветра, семь футов под килем...
Чего же ещё нам ему пожелать
Возвышенным лироэпическим стилем,
Что вольному вешнему ветру под стать?

Ты слышишь, ты слышишь?.. Всё выше и выше —
Вчера ещё спал кверху брюхом — и вот
Горланит с утра серенады на крыше
Внезапно влюбившийся мартовский кот.

Отважно трепещет бельё на верёвке,
Как парус, что шторму грядущему рад.
И серая наша старушка-хрущёвка
Похожа — точь-в-точь! — на старинный фрегат.

Рыдают сугробы и город наш топят
Слезами-ручьями, которых не жаль...
Слезующий с крыши влюбившийся котик
Утопией этой доволен едва ль!

Но мы, веря в мудрость утопий лукавых,
Сквозь слёзы смеёмся приходу весны.
Кто там усомнился, что люди неправы,
Во благо толкуя зловещие сны?

Мы, перечитавшие Томаса Мора,
С улыбкой глядим на окрестный бедлам,
Наивно не веря: нас топят и морят,
И море страданий распахнуто нам.

Ведь даже на всех парусах не умчатся
За светлой мечтой флибустьерской вдогон
От вирусов, что, не боясь вакцинаций,
При этом весьма признают самогон.

Но всё же в счастливое плаванье это
Мы верим, как верят штормам корабли.
Мы всё, что нам надо для иммунитета,
Вчера из «Горилки» едва донесли.

Виват, флибустьеры! Никак не иначе!
Пиратские песни летят в окоём...
За ветер добычи! За ветер удачи
Мы выпьем сегодня и снова нальём.

* * *

Он спросит: «Как дела на личном фронте?»
И я в который раз ему назло,
Как в том расхожем дамском анекдоте,
Отвечу: «Много ваших полегло!»

Явился и ничуть не запылится!
А я гадаю — с кем ты, где ты есть?
И как ты мог меня, свою царицу,
Какой-нибудь шалаве предпочесть?

Ну, раз пришёл, скажи, где прохладился?
Ну что не отвечаешь ничего?
Каким ты искушеньям подвергался?
И он ответит: «Был на СВО!»

Был на войне? Постой-постой, а я-то
Гадаю — с кем ты, где, такой-сякой!

Постой! А ты ушёл на фронт солдатом?
О, Господи, да ты ж совсем седой!

Да, я, конечно, ссорилась с тобою,
Но я не ожидала, милый мой,
Не став женой, стать горькою вдовою
И утешаться тем, что ты герой.

В той ссоре были оба мы неправы,
Но я тебе по-прежнему верна.
Так вот она — проклятая шалава,
Треклятая разлучница-война!

Такая пострашнее прочих будет —
С лихвой такая наградит тоской.
И безразлично ей, что скажут люди,
И в космы ведь не вцепишься такой!

А, впрочем, это всё теперь не важно.
Ты жив войне-разлучнице назло...
И он, обняв меня, печально скажет:
— Я жив, но много наших полегло!

* * *

В расхристанный денёк осенний
Я снова вспомню о тебе,
Лирический бунтарь Есенин —
Собрат по грусти и судьбе.

Моя осмеянная всеми
Неразделённая любовь —
Эпический блондин Есенин,
Что супишь бронзовую бровь?

Иду с красивой дочкой Настей
В Литинститут на семинар...
А ты обзираешь настезь
Распахнутый Тверской бульвар.

Вокруг владычествует осень,
А дочь моя — сама весна.
Она тебе цветы подносит...
Похоже, тоже влюблена!

И ты не выглядишь уставшим
В цветах поклонниц молодых —
Высоким памятником ставший,
В костюме одетый, как жених!

С улыбкой горько горделивой
Плядишь мне вслед через плечо...
И я кажусь тебе счастливой,
Хоть я не памятник ещё.

* * *

«Ты же девочка!..» — он говорил,
Самый лучший на свете мужчина,
Что меня беззаветно любил,
Хоть мечтал видеть первенцем сына.

Ты же девочка! Не забывай!
Ты надежда и звёздочка наша.
Знай за обе щеки уплетай
Ненавистную манную кашу.

Будь разумной и не прекословь!
Улыбаясь затравленно гордо,
Заломи артистически бровь
И долби день деньской септаккорды.

Ты же девочка! Я не пойму!
Ты должна быть послушной и милой...
Объясни-ка отцу, почему
На предплечье татуху набила?

Объясни, за какие грехи
Ты отчислена из института?..
Что? Какие-такие стихи?
Нет занятий приличней как будто!

Ты же девочка!.. Что за дурак
Держит два ваши паспорта?... Да уж!
Ты никак — так твою перетак! —
В пятый раз собираешься замуж?

...Милый папа... Мне слушать невмочь
Безответные эти вопросы...

Ты прости непутёвую дочь,
Что таскала твои папиросы!

Корень вечной проблемы узря,
Лишь о том сожалею порою,
Что о сыне мечтал ты не зря,
Жизнь считая забавной игрою.

В мир пришедшая майской грозой,
Дурью маюсь, стихами болею...
Папа милый, я стала большой
И навряд ли уже повзрослею!

г. Оренбург

МЕЩАНСКИЕ СКАЗЫ

ЛЯГУШКИ

Со скрипом захлопнулась дверь сарая. Мать уперлась в нее коленом, с придыхом причитала, от волнения и злости не могла воткнуть палку в скобу запора.

— Наказание мое! Хоть кол на голове теши, не может понять: нельзя к немцам лезть. Убьют, не то искалечат! Ему бы всё играть... Не пущу больше никуда... Батка неизвестно живой ли, и этот туда же... А того обормота, Веньку сопливого, чтоб больше не видела на дворе... Связался с дружкой...

Мне до слез было обидно, что мать заперла в сарае. Хныча, старался разжалобить ее. Канючил больше по привычке, не надеясь, что быстро выпустят. Я-то хорошо знал: часа два посидеть придется. Мать выпустит, отмякнет сердце, успокоится, влепит затрещину и отпустит.

Мы ничего такого с Венькой не сделали. Просто прокатились по деревне с немецким обозом. На задке телеги протряслись, а мать бог знает чего удумала. Нахлестала — зад до сих пор болит.

Мать устало присела на полусгнившее крыльцо. Отремонтировать его было некому. Подпиралось

ПРОЗА

да подбивалось самое-самое, без чего нельзя было жить. Раз ногу на крыльце никто не сломал, на него внимания не обращали. Очередь не дошла.

В щелку двери я заметил Веньку. Венька сначала крутился у окна, высматривая меня. Сестренка, видно, сказала, что меня посадили в сарай, так Венька обогнул дом, воровато озираясь, проскользнул под жердиной изгороди. Поддержнул штаны на ляжке, почесал одну об другую босые ноги. Давно не стриженная голова с кудлатыми, свалывшимися волосами неподвижна замерла. Венька суетливо бегал глазами. Остерегаясь матери, бочком пододвинулся к сараю.

Меня разбирала злость: сижу из-за него. Это он, Венька, вчера заспорил, что с немцами прокатится. Не побоится. Война шла третий год. Немцы часто ездили через нашу деревню. Наездом кто только не был. Месяца три назад на свороте к большаку в двух крайних домах, огороженных колючей проволокой, немцы пост свой наладили. Жило их там с десяток. У нас стояли мирные немцы, мать всегда так говорила, при этом крестилась.

Веньку заметила и мать. Привычно потянулась за голиком, настороженно поглядывая в его сторону.

Венька припал к двери, зашептал. Мне из темноты был виден его глаз.

— Петь, ты здесь?

— Чего тебе надо? Посадили меня, — едва сдерживая подступившие слезы, откликнулся я. Оно не было б так обидно, если б сидел вместе с Венькой. А то он ходит по улице, а я сижу.

— Петь, а немцы на лягух хлеб меняют... Вот ей бо! — побожился Венька, оглядываясь при этом. — Ребята говорили, сам слышал...

Венька пошмыгал носом, потрогал вставленную в пробой палку. Покачал ее, норовя вытащить.

— Я вот тебе! — вскинулась на крыльце мать. — Явился! Спущу штаны да крапивой... Чего припёрся? Всё, отгулялись, нервов моих больше нет. Раз не понимаете русских слов — всё, отдружили...

Венька отскочил в сторону. Сник. Какое-то мгновение решил, что делать. Одному идти менять лягушек на хлеб не позволяло чувство дружбы, и подставлять зад скорой на расправу матери не хотелось. Но Венька понял, что мать пригрозила на словах, не сделала даже движения, скорчил жалостливую мину.

— Теть Лен, теть Лен, а немцы на лягух хлеб меняют. Вот ей бо, право! — Венька проделал подобие креста где-то в районе

пупа. — Сенька-меченый полбуханки домой принес. Сам хвастал, я слышал. Говорил, обозник дал, что заворачивал на пост. Он и теперь там. У Сеньки всего-то три лягушки было, — Венька расставил три грязных пальца, показывая матери...

Мать задвигалась, заерзала. В шелку я видел, как она несколько раз провела рукой по лицу. Нас у нее было трое. Хлеба вечно нет. Есть все просят. Веньке верить, конечно, нельзя. Набрешет, а какой с малолетки спрос! А если рассудить, то поди, разберись, кого тут пригнали. Пол-Европы немец захватил. Может, принято там лягушек есть. В старых воронках лягух — черпай не вычерпаешь. Если правда, что немцы, — мать сплюнула брезгливо, — хлеб меняют, то хоть маленький кусочек не помешает. За спрос ничего не бывает...

— Открой этого арестанта, — кивнула мать Веньке. — Может, и правда дадут чего... Хлеб ведь дают...

Венька распахнул дверь. Я пулей вылетел во двор. Мать зашла в сарай, вынесла старое ведро. Помогла привязать к палке кусок тряпки вместо сачка. Из дыры под крыльцом я вытащил спрятанные рогатки. Набрали в карманы мелких камней.

За нашим огородом, в низине, среди ольховых кустов, находился старый пруд. У берегов он зарос ряской. Торчала щетина осоки. По всему пруду высывались лупоглазые бугорки, неслоь разноголосое: «Икра-к-какова, ик-р-р-рак-какова?» Меня брала злость: немцы их едят, а мы вечно голодные ходим!

— Покажем сейчас икру, — проговорил Венька, примеривая рогатку.

Венька стрелял, я сачком ловил подбитых лягушек. Скоро в ведре стало больше половины. Некоторые так и оставались полуживые, еле шевелились, другие старались выскочить. Приходилось их придерживать. По совету Веньки, прикрыл верх ведра лопухом.

Мы шумно поспорили, какое количество лягушек надо на буханку хлеба. Сошлись на том, что ведра на две буханки будет достаточно. Завязали ведро тряпкой.

Венька шёл впереди, посвистывал, я тащился сзади с ведром. Тряпка колыхалась. Меня Венька предупредил, чтобы никому не говорил, куда идем. Может, наши лягушки понравятся немцам, и они всё время у нас будут их брать. За хлеб чего не менять. Если взяться, так за день мешок поймать можно, вон сколько хлеба получим!

В воротах дома стоял часовой с винтовкой. Венька сбавил ход, взялся с другой стороны за дужку ведра. Остановились мы метрах в двух от немца. Венька, коверкая слова, стал объяснять, что нам надо.

— Ква-ква, — пыжился Венька, тыча пальцем в ведро, делая жест, что отдаст ведро немцу. — Хлеб, хлеб, — стучал себя в грудь кулаком...

Часовой внимательно смотрел, осторожно поднял тряпку. Пара лягушек выпрыгнула на землю. Остальные серой шевелящейся массой задвигались в ведре.

Немец брезгливо скривился, икнул. Расстегнул ворот мундира. Волоча винтовку, придерживаясь за живот, скорчившись, зашел в дом. Оттуда раздался хохот. Через какое-то время выскочил голый по пояс другой немец. Оглядел нас. Венька было сунулся к нему. Немец поддел ногой ведро. Лягушки заскакали по земле. Мы бросились бежать. Немец пинком свалил Веньку. Под ударом сапога Венька несколько раз перевернулся. Плача, подбежала мать, упала на колени.

Немец, ворча сердито, оглядываясь, ушел во двор. Венька поднялся, размазывая кровь из разбитого носа.

— Фашист, лягушатник, — всхлипывая, гнусавил он.

— Ироды, — толкала нас в спину мать. — В могилу загоните. Нет, всё. На привязь посажу. Наказание господнее, а не дети... Я, дура, поверила...

Я знал, что отсиживать в сарае нам теперь с Венькой придется вдвоем.

МУХА

В окно заглядывало солнце. Димыч, муж, еще затемно ушел ремонтировать машину, не то калымил, не то занарядился за спасибо. С него станет. Из-за этого Наталья поднялась несколько позже обычного. Готовить завтрак одной — больно чести много, обошлась чаем. Посидела в кухне, глядя в окно. На небе было одно облачко, похожее на перезревший сморчок.

Солнце было не летнее, протыкающее, хамоватое по натуре, мнившее, что ему всё позволено. Осенью солнце извинительное, похожее на деревенского чудака, впервые попавшего на городские улицы, оно хоть и заглядывает везде, но как-то подобострастно и всё сторожится. Уважительное солнце осенью. В опавших листьях копошится, паутину осветит, блестками росу зажжет.

Всё лето Наталья как-то не обращала внимания на оконные стекла. Может, недосуг было, с дачей запурхалась, может, летние блики скрывали пыль, а тут пригляделась, в косянких лучах всё стекло в разводах и потеках.

«Скоро света белого не разглядишь,— покачала осуждающе головой. — Руки хозяйке оторвать»...

Принесла тазик с водой, тряпку. Распахнула створки. На кухню залетели две ошалевшие осенние мухи. Суетливые, бестолковые, наглые. Прилипчивые до омерзения.

Одну Наталья прихлопнула сразу полотенцем, а вторую, сколько ни примерялась, не сумела извести. Плюнула, раздосадованная. Протерла стекла, полюбовалась своей работой. Вроде и веселее стало на кухне.

Не прошло и полчаса, как порывами налетел ветер, облако словно напоролось на макушку тополя, что рос на соседней улице, дернулось, заморосил ситничек, по стеклу поползли вертлявые струйки. Стоило окно мыть! Пропало настроение. Бабье настроение под стать бабьему лету.

А тут еще в замочной скважине ключом заскребли. По звуку Наталья сразу определила, что муж в подпитии. Ремонт, значит, ускоренный был, решила она. Нахлынуло такое безразличие, что не возникло желания ни ругать мужа, ни доказывать, что он гробит выпивками последнее здоровье, и всё закалымленное придется тратить на лекарства.

«Свое здоровье пропивает, — равнодушно-отстраненно подумала Наталья. — Хоть кол теши на его голове... Свой ум не вставишь... Что попусту язык мозолить, раз не понимает...»

Наталья частенько ворчала на мужа, да и чего не поворчать, раз позволяет, но долго сердиться не могла. Димыч, так она звала мужа, был сущим ребенком, наивным, добродушным, бестолковым в какой-то мере и совсем не злым. На такого злиться — себе дороже: раскричится, бывало, а потом невзначай посмотрит, как Димыч хлопает виновато ресницами, и лицо его, круглое, с уморительно задранными, изогнутыми, словно запятые, бровями, принимает выражение нашкодившего ученика, ее начинал разбирать смех. Смотреть на Димыча в эту минуту без смеха было нельзя, и чтобы дать ему почувствовать вину, Наталья уходила смеяться на балкон.

В этот раз Димыч не только был выпивший, но и принес с собой чекушку. Он сразу, с порога, развел руки, готовясь к потоку нравоучений: мол, ну, дурак, поругай, дали, так чего домой не принести, но, увидев, что жена не ругается, заулыбался.

— Смехунчиком закусывал? — только и сказала Наталья. — Как дурачок, лыбишься...

Наталья наскоро собрала на стол. Выставила две рюмки, рассудив, что Димычу одному бутылки будет много. Димыч сел за стол в майке. Налил. Выпили.

Вторая муха, то ли учуяла спиртное, то ли ее, как женщину, муха ведь женского рода, привлек запах Димыча, она села ему на плечо. Поползала, потеряла ножку об ножку. Димыч почувствовал то ли ее тяжесть, то ли шершавость ступни, хлопнул по плечу, согнал. Муха улетела, потом снова села ему на руку.

— Сидишь дома, понапускала мух, убить не можешь... Летает тут... Поесть спокойно не даст...

— Мне только и дело, что мух гонять, — отпарировала Наталья. — Стекла, вон, протерла, не заметил. Думаешь, я ее не гоняла? Гоняла, только никак... Может, это и не муха, раз такая умная, может, кто-то в нее превратился... Вот летает, всё слышит, всё видит... Сказать только не может... А ты тут бочку на нее катишь...

Димыч выслушал измышления жены. Поморгал. Морщинки собрались возле глаз. Лицо расплзлось в довольной улыбке.

— А кто может превратиться? Может, это мой папа?

Наталья удивленно посмотрела на мужа: ну, чудак-человек, всё за чистую монету принимает. Такого и обманывать неинтересно. Но игру продолжила.

— А что, может быть, и твой папа...

Муха к тому времени улетела. Димыч зачерпнул из тарелки борщ, не донес ложку ко рту, задумался. Так как запах Димыча был привлекателен, муха снова села ему на руку. Димыч осторожно положил ложку, подслеповато шурясь, наклонился к мухе и таким ласковым голосом, извинительно-просяще, проговорил:

— Ну чо ты, ну чо, ну чего?

И не хлопнул ее, не пугал, а вопросительно ждал, что муха ответит. И лицо его уморительно светилось улыбкой.

Наталья расхохоталась. Димыч сердито насупился. Допил остаток из чекушки и ушел спать. Наверное, ему приснился папа.

ШАПКА

Прямо неудобно. Женщину перестроечная дребедень в грех ввела. Дело так было. Сами понимаете, в нашей стране сплошь крайности, если что случилось, так или фарс, или трагедия! Началась эта перестройка — всё враз рухнуло: и зарплату перестали платить, и в магазинах очереди, и электричество отключили на улицах — темень, глаз коли. Автобусы редко ходить стали. Всё это нервозность породило, ос-

тервенение, злость. Оно и правда, из автобусной давки выберешься, словно тебя через мясорубку пропустили, мануальный массаж на ходу, да еще обдышат внутренним парфюмом.

Я обычно схожу возле кинотеатра, там магазинчик есть продуктовый, цены, конечно, выше, но чтобы, язык высунув, не бегать в центре по магазинам, а потом в автобусной давке с пакетами не толкаться, не отрывать руки, да если еще забудешь чего купить, так здесь, отовариваться удобно. Правда, потом до дому приходится тащиться через парк. Конечно, никакой это не парк, так мы зовем этот участок: с десяток сосен, еще какие-то кусты. Но всё равно зелень. Вот и натоптали тропинку. Фонарей, конечно, нет. Когда на небе луна светит, звезды видны, люди впереди идут — не страшно. Страх с перестройкой пришел. Теперь как, если кто собаку выгуливает, так и то остерегаешься: выскочит на тебя зверюга, зубищи, пасть открыта, намордника нет, думай, что у нее в голове, и в каком настроении хозяин. Даже если хозяин и успокаивает, мол, не кусается, и то опасаться... Всё до поры до времени... Все мы до поры до времени не кусаемся.

В обеденный перерыв успела я хапнуть суповые наборы в нашем буфете, еще чего-то от жадности отхватила, нас ведь не голод, жадность заставляет сумки полные таскать. Вот и у меня два пакета в руках, сумочка. Случай этот глубокой осенью произошел. Так что надето на меня пальто с капюшоном, шапка меховая. Летом все-таки свободнее себя чувствуешь. Залезла в автобус. Всё как всегда: сесть негде, место никто не уступает. Поднажали сзади, спереди уплотнились, сдавили. Шапка на глаза съехала. Поправить — руку не поднять, да и заняты руки. Стою, прижалась к креслу. Потом стала пробираться к выходу. Чувствую, кто-то мою шапку на голове тронул, совсем сдвинул. Тут еще мужчина стал выходить, по поручню рукой ведет, я голову поворачиваю — сделать ничего не могу. Стараюсь отпихнуть стоящего впереди, чтобы руку поднять, но, как на грех, сумочка зацепилась за сиденье. Сзади толкают: чего, мол, возишься, выходи. А где выходить, когда впереди затор. И этот мужчина, который лез всё вперед, вдруг как прилип ко мне. То ему некогда было, а тут притих. Чувствую, надавили сзади, и шапка начала сползать с головы. Пытаюсь вертеть головой, плечо поднимаю, да тут поднажали сзади и вынесли наружу. На голове шапки нет. А тот мужик, что пыхтел сзади, обогнал меня, и быстро стал удаляться в сторону парка. Меня что смутило, ни разу не оглянулся! Ведь как бывает: споткнешься обо что-

то, так обязательно оглянешься. А этот на автобус, в котором все бока измяли, не поглядел!

— Ах, гад, — думаю. — Шапку снял и убежать! Не на ту напал...

Пакеты в одну руку перехватила и бегом вдогонку. А мужик идет не оглядывается. Там, где тропинки расходились, догнала его и, не останавливаясь, сорвала с его головы шапку. Всё как-то машинально получилось. Шапку сорвала и дальше бегу. Бегу, потому что теперь убежать самой нужно. Задыхаюсь, чувствую, что всё, сил нет. Если тот надумал догонять, буду отбиваться, закричу.

Заскочила в свой подъезд, махом на третий этаж взлетела. Какое там открывать дверь ключом, стучу ногой в дверь, давлю на звонок. Боюсь оглянуться, всё кажется, что кто-то поднимается по лестнице. Наконец дверь открылась, я ввалилась в прихожую, захлопнула дверь, привалилась к ней.

Муж уставился на меня удивленно. Никогда такого не было. Я вроде не трусиха.

— Что с тобой?

Не могу говорить, трясет, и отчего-то смех стал разбирать. Нервы. Протягиваю мужскую шапку.

— Вот...

— Что вот?

— Трофей... Он с меня сорвал, а я с него... Баш на баш...

У мужа глаза совсем округлились. Ничего понять не может. Он, наверное, подумал, что я подшофе, вроде даже подошел ближе, принюхиваться стал. Он у меня вообще-то наивный немного. С поздним зажиганием.

— Маша, — говорит, — ты что, украла, что ли, шапку?

— Ну, украла, если хочешь! Надо же как-то учить таких... Если бы мне с неба шапки сыпались, я бы, может, и не переживала, а тут в кой раз новую шапку купила, и вот сняли в автобусе, этот вот и снял. А я в парке с его головы шапку стащила...

Понимаю по глазам мужа, по его взглядам, что что-то не так. Смотрит он куда-то за мою голову. Потом протянул ко мне руку и достает из капюшона мою шапку.

— А это что?

Я так и села. Представьте состояние мужчины: догоняет его в темном парке сумасшедшая женщина с сумками, срывает на ходу шапку, что-то кричит и убегает... Наверное, он, пока я бежала к дому, приходил в себя. А если он узнал меня? Стыдоба!

А и то! Им, мужикам, и карты в руки. Наводите порядок.

В этот год отпуск проводили в родной деревне. На юг ехать — не напасешься денег. Дорого. Да и беспокойно. Так что решение отдыхать у тетки в глуши, подальше от перестройки, пришло само собой.

Тетка проживала свой век в деревне Ботино. Там и я родился, хотя потом и увезли в город, но каждое лето после школы, на каникулах, я опять становился деревенским. Сын, наслушавшись, каких мы в детстве ловили раков в мелководной Велесе, напрочь забыл про юг, про горячее солнце и море.

В деревне было тихо, спокойно. Не верилось, что где-то кипели страсти, где-то делили власть, где-то лилась кровь. Осталось, правда, от некогда большой деревни всего с десяток изб, да и в этих домах жизнь оживала лишь с приездом отпускников. Магазин в деревне закрыли: торговать нечем, нет прибыли. За хлебом раз в два-три дня приходилось переться в другую деревню, поближе к большаку.

Вот и меряя эти километры, проходили мы с сыном мимо брошенных усадеб, разрушенных домов, затравеневших подворий. Избы с выбитыми окнами, сорванными дверями, кое-где схваченные огнем — проделки забредших варваров-туристов, вызывали не то чтобы тоску, даже не жалость, боль, что ли.

Я всегда тащился неторопливо сзади. Сын заскакивал в брошенные дома, отыскивал какие-то нужные ему железки, хвастался находками, попутно расспрашивал, кто и где здесь раньше жил.

В этот раз занесла его нелегкая в развалившийся дом по соседству с нами. Жила там когда-то бабка Настаха.

Любой брошенный дом живет запахами истлевшего дерева, шорохом ветра во взъерошенной дранке крыши, устойчивым духом когда-то топившейся печи. Этот мир ветхости, чужой жизни был поистине притягателен и таинственен.

Я стоял, курил, изредка окликал сына, чтобы не лез куда ни попадя. Кругом ржавые гвозди, обломки кирпича, проволока, стекло. Не дай бог, свалится в яму.

Слуховое окно с выбитыми стеклами, стянутое искусной вязью мохнатой от насевшей пыли паутины, скупо освещало остатки дома.

— Па, скрипка, — радостно возвестил сын, показавшись в оконном проеме. — Это мое, я нашел...

Скрученные, оборванные струны, вперемешку со стружкой, бумагой, грязной бородой свисали с пробитого корпуса.

— Пойдем-ка отсюда, — сказал я, и почему-то мурашки пробежали по телу. — Нельзя копаться в заброшенных домах, домовой накажет...

— Чья эта скрипка, — пристал сын. — Чья, ты помнишь? ...Помнил ли я эту скрипку? Конечно, помнил. И бабу Настаху знал, еще бы не знать. В деревне все друг друга знают. И Гришку до сих пор помню, и скрипку...

Давно заколотили дом Настахи. А ведь долго ждали, я помнил, когда родственники объявятся. С севера приедут. Этот дом первым в деревне умер. С окнами, забитыми, словно наложенные пятаки на глаза умершего, с заросшим крапивой и лопухами подворьем, скользким от зеленого мха плесени крыльцом, он, как бельмо, был виден из нашего окна.

Я не знаю, откуда баба Настаха привезла Гришку. Поговаривали, что это сын ее непутевой дочери, что устраивала свою жизнь где-то на северах. Я мал в то время был, не больно разбирался еще, кто путевый, кто верченый, только с Гришкой дружили мы.

Раз, доедая утром картошку с постным маслом, я услышал, как мать, вздыхая, проговорила:

— Мальца Настаха привезла. Сама на ладан дышит и тот доходяга... Рахитик, что ли?.. Худющий... Вот деточки пошли: нагуляла, подбросила больной бабке, а та — водись...

— Мам, кого подбросили? — встрял я в разговор.

— А ты не слушай старших, поменьше бы уши вострили — больше толку было б... Затычки в разговоре... Поговорить нельзя...

Я хорошо знал эту сначала незлобивую скороговорку матери, обычно кончавшуюся хорошим подзатыльником, и быстро, поддернув лямки штанов, юркнул за дверь. Засунул за пазуху краюху хлеба, приплясывая от ощущения свободы и длинного начинающегося дня, я услышал равномерный стук и звонкие выкрики песни. На улице я всех знал: стучать и петь с утра было некому. Припомнил вздохи матери, решил, что это поет тот, кого подбросили. По картофельной борозде добрался до забора, отгораживавшего двор Настахи. На крыльце сидел мальчишка и, самозабвенно выколачивая из перевернутого ящика мелодию, пел. Рядом стояла бабка и уговаривала мальчика, называя его Гришуней, перестать. Когда она, махнув рукой, ушла в дом, я через забор, устрашающим голосом крикнул:

— Хочешь уши надеру?.. Скарлузо нашелся...(Про такого я утром по радио слышал, в Италии где-то пел). Утро пугать надумал... Откуда приехал — там и орал бы, а тут никшни...

Мальчишка слез с крыльца, засунул палец в ноздрю, открыл рот, придвинулся к забору, рассматривая меня.

— Сначала конопели ототри, а потом драться будем, — заявил он. Выпятил грудь, нагнул голову к левому плечу. Гри- маска скривила рот.

Так как конопушки сколько ни три не смываются, это было приглашением заходить, и я пролез под жердиной во двор.

Гришка был чуть постарше меня. Остроносый, с большими ушами, черными кругляшками глаз. За развесистые уши я окрестил его Лопухом.

— Петь можешь? — бесцеремонно спросил Гришка.

— Нет...

— На чем играть можешь?

— На всем играю... На крыльце, на траве в лапту, в чирика на дороге, в прятки, — перечислял я...

— На инструментах каких играешь? — нетерпеливо перебил Гришка, — Я вот на барабанах могу... Скрипку бы мне... Я сюда приехал, мне бабка скрипку купить обещалась...

— Не, инструментов у меня нет, — поникло ответил я. — Батяня у меня не терпит шума. Баловство всё это, говорит он, когда музыку по радио поют. Люди от нечего делать кура- жатся...

Гришка, открыв рот, выслушал мои жалобы, поковырял землю пальцем ноги и снова взгромоздился на свое место на крыльце. Дробь ударов палкой по ящику снова повисла над деревней.

— Уймись, окаянный, — высунулась в окно бабка Наста- ха. — Уймись, оглашенный. Весь в мать, вот же посадский. Та тоже горластая малая была. Голова трещит от грохота... Привезла наказание...

— Я, бабуль, так играю, — не переставая молотить по ящи- ку, проговорил Гришка.

— Дак играть тихонько можно. Вот, Валька стоит, вот и поиграй с ним, побегай, в лес сходите... Земляника, поди, пошла...

— Ты когда, бабуль, скрипку купишь? Обещала ведь...

— А вот слушаться будешь, тогда и купим... Нешто неслу- хам покупать что можно, — проворчала бабка Настаха, про- тягивая Гришке пару блинов. — Вальку угости, — добавила она. — Да поел бы, с ранья молотишь, устал, поди...

Станным мальчишкой был этот Гришка. Хоть в то лето и излазили мы все сады, все отмели нашей мелководной Веле- сы пробороzdили животами в поисках раков, а те в страхе забивались в норы от одного нашего слова на обрывистых скулах стариц, не мог понять я его тяги к музыке. Залезет, бывало, Гришка на сарай, расставит ящики и колотит по ним палкой, поет песни, услышанные в сельсоветский репродук-

тор. И ничего не существовало для него в тот момент: ни морковки в огороде, ни зeleпух смородины, ни приятного холодка огурцов за пазухой.

Соседки, заслышав стук, часто говорили Настахе:

— Или дурак у тебя, Настя, дите, или талантом Бог его наделил. Чумной какой-то... Колотит, песни горланит — да складно всё, как артист... Учиться ему надо... В город его...

Настаха, сдвинув платок на затылок, долго, бывало, вслушивалась в перестук, ее морщинистое лицо разглаживалось, и она, вздыхая, махала на баб руками:

— И, милые! Кабы мать путевая была, оно, что ж, и учиться можно, а так хоть человеком вырастить его, поднять на ноги, пока сама таскаюсь... Пускай стучит, пока малой... Чего ему еще... Гришуня, — как бы про себя ласково повторяла имя внука.

Лето выдубило подошвы ног, сделало их нечувствительными ни к жаре, ни к холоду. Утренние туманы, парные, лохматые, ластились, облизывая наши покрасневшие, в трещинах цыпок ноги на зоревых рыбалках.

Счастливым было то лето. Осенью пошел я во второй класс. Сидели мы с Гришкой за соседними партами, хоть и учился он в четвертом классе. Учила нас одна учительница.

— Начальная школа, всего пятнадцать ребятишек в двух классных комнатах, притулилась к березовой опушке у развилки дорог. Две маленькие комнатенки со скрипучими половицами, низким потолком, круглой печью. Двор зарос травой. Лес начинался сразу за опояской изгороди из жердей березы.

Школа была светлым миром, началом нашей дороги. Ох уж эти дороги! Кто знает, где та, заветная тропиночка, ведущая через колдобины и мочажины, тяжело ползущая на пригорки и весело обрывающаяся вниз, чтобы круто выбросить натоптанную спину на поляну. Поди, разберись, какая тропа из сотен перекрестий твоя...

Вот и Гришка шагнул не на ту тропу.. Весной, перед самым ледоходом, когда мы, перекрывая ворон, горланя, носились по чмокающему лесу, он провалился в прикрытую снежком да талой водой рытвину. Мы смеялись, и Гришка, клая зубами, тоже смеялся, отжимая худенькую одежонку. А на другой день он слег. В бреду, без сознания он пел песни, просил скрипку.

Бабка Настаха умоляла всех, кто ехал в город, купить эту проклятую скрипку, что не дает покоя внуку. А где ее тогда достать было? Гармошки, баяны — куда ни шло, а скрипка...

Вот тогда и принес Иван Кузьмич, второй учитель нашей школы эту с облупленным лаком старенькую скрипку. Гриш-

ка не мог ее поднять, болезнь совсем обессилила его, он только тренькал струнами, прислушиваясь, как ударялись звуки в пыльные стекла.

Не пережил Гришка весну. Бабы говорили, что весной любая болезнь корни глубже дает. Измученная, пониклая Настаха, прикусив концы платка, долго просила Ивана Кузьмича сыграть на этой скрипке, хоть поглядеть, как играют на ней, просила не для себя, для Гриши.

Мы, мальцы, разинув рот, не понимая, что происходит, глядели, как учитель долго прилаживал скрипку к плечу.

— Не обессудьте, бабы... Не приходилось мне играть... В училище видел, а так...

И надрывные, рваные звуки, переключаясь с колготней грачей, раздернули кладбищенский воздух. Ветерок колыхал ветки берез, запоздалый горьковатый сок моросил, и красные шрамы на стволах заплывали пеной белесой боли. Вытирали скупые слезинки бабы...

Потом мы часто увязывались за бабушкой Настахой, когда медленно, прикрыв старенькой кофтой скрипку, согнувшись, брела она в тишину могил. И губы ее тряслись то ли от тряски шагов, то ли от бормочущих слов. Так и шли мы в отдалении, старательно обходя ее следы на пыли.

Настаха всегда садилась за высохшим лапником венка, гладила в изголовьях землю. И слышали мы шепот, от которого мурашки бежали по коже.

— Я пришла, Гриша, прости меня... Жестко тебе на моем месте лежать...

Её морщинистые пальцы ласкали шершавые комочки глины, из полуприкрытых глаз сочились слезы, и прикушенный конец платка скоро темнел.

Так повторялось изо дня в день. Уже покраснел лапник, уже робкие травинки после прошедших дождей, топорщили усики со слезинками, а она всё ходила. И тот край могилы, где касалась ее рука, был отполированно гладок.

Настаха часто приносила крупы, хлебных крошек. Разбрасывает их.

— Пускай птички тебе рассказывают, как мы живем. Всё веселей тебе лежать...

И всегда бабушка вешала в изголовьях скрипку. Гудел ветер в ее струнах, раскачиваясь, она словно пела немо кому-то...

Прошел год, перед школой мать увезла меня к родне и, вернувшись, нашел я дом бабушки Настахи уже заколоченным. Умерла она. Время корежило забытый дом. Не разлетался больше по деревне стук...

Сколько же на долю этого поколения выпало! Историки написали толстые тома про революцию и Гражданскую войну, голод двадцатых, коллективизацию, раскулачивание, репрессии сороковых годов, Отечественную войну, голодное послевоенное лихолетье, нефтяной и газовый бум Тюменщины, беспредел перестройки — и всё это уместилось в биографии одной женщины. Худенькой, маленькой! Диву даешься — откуда они, то поколение, черпали силы, зачем им было отмеряно столько? Что такое было заложено в них, что утеряли мы, теперешние, коль у некоторых из нас и в тридцать лет душа гнилая и нет ни сил, ни желания жить?

Нина Георгиевна Сулова, в девичестве Кошарова, родилась в деревне Шабутино Челябинской области. Шла первая мировая война. России не впервой было воевать, тем более война шла далеко от Урала. Всё для Нины начиналось хорошо: ее любили, семья жила в достатке. Дед много работал. И земля у него родила, и озеро, которое семья арендовала, рыбное было. Жить бы да жить, да революция грянула. Уравнять всех некоторым захотелось, отобрать трудом нажитое. Революция ведь и делалась от зависти к чужому богатству, уму, достатку, предприимчивости.

Революцию Нина Георгиевна не запомнила, малая была, а вот голод 21-го года хорошо запомнила. Страшный голод был. Людей ели. У них в деревне в погребе у соседки потом нашли 12 черепов детских. Это ж до чего люди доходили! По большаку к городу вереницы опухших, ослабших тянулись. Кожа и кости. Они готовы были за пригоршню еды целовать ноги. Всё больше женщины да дети брели. Их вот и убивали. Нина Георгиевна помнила, как отец однажды пригнал в деревню троих мужиков. Кнутом пригнал.

Поехал отец на лошади в поле. Смотрит, костер горит, пятеро вокруг сидят, варят в котле что-то. Подъехал предупредить, чтобы огонь не упустили. Один из мужиков начал мешать варево, а оттуда детская ручонка высунулась, да коса с бантиком у костра в глаза бросилась. Отец и разошелся, начал хлестать кнутом извергов, конем топтать. Двое, что покрепче были, сбежали, а троих пригнал в деревню. Так деревенские их без суда насмерть забили.

«От голода маленько оправились, тут НЭП ввели. Кто хотел, землю получил. Послабление во всём вышло. Работай, торгуй. Деньги у людей появились. Строиться стали. Те, у кого семьи большие были, где рабочих рук много, куда как зажили! И мы строиться начали, — рассказывала Нина Ге-

оргиевна. — Хороший дом пятистенков подняли. В хозяйстве две лошади, три коровы, овцы, куры, земля — всё было. Хорошо к тридцатому году зажили. Да позавидовали нам. И кто позавидовал — родня! Сестры мужа брат. В это время уже кулачили. А по-простому — сводили счета. Вот он и написал донос, позарился на наш дом. Во вредители нас подвели: и говорим не то, и работаем не так. Тогда просто ошельмовать было. Собирали сход, без суда, кагалом, голосовали. В кагале лодыри, пьянь, у кого свободного времени ходить по митингам, чтобы поорать, — вдоволь. Вот таких подговорят, пообещают, что треть отобранного у раскулаченных пойдет им — они и голосовали. Глядишь, не работая, обзавестись кое-чем можно будет. Зависть к чужому богатству — страшная штука, тут не смотрят, что ты от зари до зари гробишься, тут главное, что ты «не как все».

Вот в 30-м году нас и подвели под кулаков. Отец в тот день уехал платить налоги, когда нас пришли раскулачивать. Подгадали так. Ночью нас и погнали. С собой взять можно было лишь то, что на себе. Ну, надели мы по трое платьев, ну, по две шубы, дозволили взять узелок с мелочевкой и всё... А мне и пятнадцати годов не было. Увезли на подводах в Миасс. Отец узнал про раскулачивание, вдогонку за нами скакал, лошадь загнал. В Миассе посадили в скотские вагоны с нужником в углу, под охраной, с закрытыми дверями, и повезли дальше. Вагон набит людьми: и молодые, и старые, и женщины, и мужики, девки молодые — все вместе. Всё на виду. И есть, и естество справлять. Это теперь нравы поупростились. А тогда молодым девкам какво?!

Помню, на одном из перегонов остановили поезд, парашу выносить стали, людей не выпускают, одна молодайка соскочила вниз, села под вагон. Охранник ее штыком колет, а она кричит, что не может там в вагоне при всех: «Коли, если совести нет. Коли! Пока не оправлюсь, не пойду».

Привезли в Тобольск. Свезли всех в монастырь. Поп запомнился там — злой, никуда не пускал, кричал. Ну и начали нас переправлять на места приписки. Из Тобольска обозом, лошадей двести, повезли нас в Малые Армизьяны. Деревня такая на Оби. Оттуда, как только сошел лед, на пароходе «Москва» повезли вниз по Оби. Везли в трюмах, наверх не пускали. Духота, вонь, болезни пошли.

Пристанет пароход где-нибудь к берегу, высадят партию на пустое место. Нет бы, по деревьям селили, а то заросшую глушь выбирали. Лопаты, пилы, мешок муки скинут как собакам... Эти остаются, остальных везут дальше. Так нас привезли в Перегребное. Лес. Пустой берег. Одна небольшая

хибарка да хлев. Восемнадцать семей сселили здесь. Уполномоченный речь сказал, как бы благословил: «Вот ваша вторая родина. Стройте дома. Живите...»

Начали обживатьсь. Копали землянки, ладили шалаши. Наша семья с еще одной поселилась в хлеву. Сделали нары из жердей. Ютились на нескольких квадратных метрах.

Трудом государство перевоспитывало таких, как мы. Трудом. Самым тяжелым. В пятнадцать лет я лес пилила поперечной пилой, откуда и силы брались. Маленькая, худенькая. А лес стеной стоял. Подпилишь, бывало, лесину, а она стоит, падать некуда. Шест берешь, пять-шесть человек упираются и толкают до посинения. И сучки обрубала, и раздвигала, и таскали бревна на себе по покатушкам. За лето хибары какие-никакие срубили.

Вскоре в колхоз нас сбили. И опять на бабах всё. Сколько землицы на себе подняли! Трава по пояс, лопаты тупые, дерн не проткнуть. Пока траву выдержишь да вскопаешь — с ладоней сто слоев кожи сойдет. А уж когда в рыболовецкие артели перевели, то и ледники, мы, бабы, набивали. Мужики нарубят лед, а мы его веревками на берег вытаскивали, да ямы, загодя выкопанные, бутили.

Голодно жили. Ни магазина, ни разнообразия в продуктах. До войны и в войну рыбу ловили. От зари до зари. Всё вручную, всё на себе. Хлеба давали 500 грамм, рыбы в волю не ели, всего 300 грамм выдавали. Если башлык — старший над нами в основном из ханты или манси, народность местная такая, — хороший попадался, так даст поесть пойманной рыбы, чтоб никто не видел. Попадался плохой — ничего не давал.

Ловили рыбу босиком сразу после ледохода. Ноги все в язвах. У меня один год язвы такие были — палец в дырку лез. Лечить нечем и некому было. Какие нам, сосланным, доктора? Хорошо одна старуха из сосланных научила березовыми сержками лечить. А то б без ног осталась.

Одежка — телогрейка да штаны ватные. Ни паспортов, ни трудовых книжек. Уехать никуда нельзя. Полная зависимость не только от председателя колхоза, но и от любого начальника. Чтобы убежать из колхоза, от такой жизни, многие молодые девки выходили замуж за местных. Приехал раз такой жену выбирать: трубку курит, слюни текут, вонючий... Выбрал самую молодую... Шел 1932 год.

В 1935 году полегче стало. Завели коров, огороды. Нам на развод дали блюдечко картошки. Посадили на семена, вырастили. На следующий год уже ели свою картошку.

На покосах работали с семи утра и до двух часов ночи. А покосы-то — заливные луга по островам да старицам. Кошишь в воде, да вытаскиваешь на хребте траву сушить на сухое место. На ногах самосшитые сапоги, низ из кожи, верх брезентовый. Те, кто имел корову, огород — жили. Сводили концы с концами. Крынка молока стоила 30 рублей, ведро картошки — семьдесят рублей. Хлеб не продавали. Хлеб выделялся на едока.

В 1939 году умерла мать. Надорвалась. Я одна осталась. Батяка еще раньше сгинул, не вернулся с рыбалки. В 1941 году была по весне большая вода. Всё затопило. Сено не заготовили. Почти всех коров пришлось зарезать — кормить нечем. Вот уж голод был. А тут еще война. Много наших от голода умерло. И кору ели, и траву. Вначале войны мужиков наших на фронт не брали, а в 1943 году, когда солдат стало не хватать, и до нас очередь дошла. Годных всех позабирали. Битые да калеченные остались. Я к этому времени замужняя была. Да только короткая жизнь замужем оказалась, видно, домовенок не уберег.

У нас говорили: «Девка плачет — хорошая баба будет». Если б слезы наши в одно место слить, не знаю, что и за глыбь получилось бы...

В войну легче все лишения переносить было, всем тяжело, все гробились, тут не до личных обид. Да и отношение к нам помаленьку изменилось: какие мы вредители были — работали, подчас, больше вольных.

После войны разрешили нам выехать на прежнее местожительство. Поехала я домой на разведку. Все-таки и годов много прошло, и обида, что несправедливо с нами обошлись, еще не прошла. Приехала, в доме чужие живут, выгонять не будешь, никого из родных не осталось, земли своей нет. Денег, чтобы дом купить нет. А у меня трое детей уже. Потыкалась, помыкалась, да и вернулась в Березово. Устроилась истопником в исполком. Топила двенадцать печей. Вымыть коридор, напилить и наколоть дров — это мои обязанности. Жила в маленькой комнатенке, шесть квадратных метров. Ночью ложусь — одного ребенка в ноги кладу, маленькую к груди, старшая на табуретках. Семьдесят рублей получала. Вот так и жила. Детей растила, какое-никакое образование им дала. По миру никто не пошел и в тюрьме не сидел. Дети хорошие выросли. Не бросали меня. И в Надым с Казымской партией глубокого бурения сюда перебрались, меня к себе забрали. Первое время работала на почте на полставки, получала 45 рублей. Радовалась и этому. Воду на саночках возила от колодца, дрова стаскивала, откуда только можно, ведь

в Надыме тогда ничего не было. Что греха таить, воровала дрова у экспедиционных, от их циркулярки. Помогла вырастить внуков, есть правнуки, праправнуки...

С пятнадцати лет работала, а на пенсию не проживешь. Плохо слышу, плохо вижу. Работала, работала, а в результате — никто я. Поди, докажи, что сослана была, если сельсовет наш с документами сгорел. Дочка попыталась выправить документы — концов не нашла, все, с кем горе мыкала, умерли. А я всё живу, всё лучшей жизни жду...

СЕСТРИЧКА

За окном метель. Шуршит снег в стекло. На кухне тепло. Напротив сидит пожилая женщина. Она волнуется, дышит тяжело, сипло, пальцы нервно сжимают платок. Ей 78 лет. Перенесла два инфаркта, у нее диабет. Ссутулены плечи. Проглотила таблетку, запила водой. Откусила от бутерброда. Диабетикам нельзя голодать. Мы долго молчим. Начинать говорить в таких случаях трудно. Но думаем, наверное, об одном: вокруг нас витает война.

Любое событие, отдаляясь, обрастает новыми мелкими деталями, которые заставляют на все глядеть иначе. Где, в каких уголочках памяти хранится и как всё-всё в одночасье вдруг выплывает: детские воспоминания, когда-то услышанное, увиденное. Теперешнее дикое расслоение общества, когда наверху жируют, а пережившие отпущенный лимит старики бедуют, запеклось горечью.

9 мая нынешнего года бравурно звучала музыка, кричало воронье, метроном отсчитывал время. Время Победы. Одной на всех. В том маленьком городишке, куда забросила судьба, готовились к празднику. В традиции народа готовиться к празднику: убирать, красить, подновлять. И митинг был, и слов много хороших говорилось. И слёзы блестели.

А потом в магазине видел пожилую женщину. В давно вышедшем из моды потертом пальто. Войлочные башмаки. Морщины. Платок. Клок сивых волос. Бедность, но чистенькая, заштопанная, аккуратная.

— Доченька, взвесь мне сто грамм маслица...

Внимательно смотрела, как продавец отвешивала эти сто грамм...

— Все?

— Взвесь мне еще одну сосиску на праздник...

Потом ее не слушающиеся пальцы с вывороченными суставами, бугристые, мелко подрагивали, когда она смотрела,

как продавец считала ее копейки. Стояли в очереди человек пять. И тишина была. Марши победы неслись словно из другого мира. А здесь... Сама Победа тихонько позвенькивала копейками.

В тот же день я узнал, что в Новгородской области есть «долина смерти» и незахороненными в болотной хляби лежат там двести тысяч наших солдат. Кости их не один год выбирают из мха и торфа поисковые отряды. И вспомнилось, как в середине пятидесятых годов шли мы ржевскими лесами на туристический слет и на заросшей ельником опушке наткнулись на проволочные заграждения: перед старыми заплывшими окопами висели на проволоке скелеты в шинелях, по всей видимости, немцы. И из буревших в траве сапог торчали кости. Теперь-то, как понимаю, неважно, кто висел. И бежали мы оттуда, сломя голову. Это тоже страница той летописи, где вместилась жизнь одного поколения. Революция, комсомол, война...

Мария Яковлевна Романенкова родилась в 1920 году в деревне Монтино Смоленской области. Окончила семь классов. Поступила в двухгодичный медицинский техникум, в июне 1939 года закончила его, а первого августа начался для Маши отсчет трудового стажа в областной больнице Смоленска. 30 ноября 1939 года СССР объявил войну Финляндии. 19 декабря Мария Яковлевна получила повестку в армию.

Та зима была лютой. На мосту через Днепр висел градусник, так не было видно ртути, туман стоял от холода. В госпитале, развернутом в одной из школ Сталинского района Смоленска, ее обмундировали, дали юбку шерстяную, гимнастерку, шинель, сапоги хромовые, чулки теплые, портянки.

«Война шла далеко от Смоленска. Мы, — говорит Мария Яковлевна, — по сути, и не чувствовали ее. Жизнь несколько не изменилась. Работали, любили. Ходили на танцы. Жили бедно, ну и что! Да и что та Финляндия против России. Сто тысяч финнов против миллионной армии СССР. Это все равно как война с Чечней, к нам лишь свозили «отходы» ее. А бои страшные были. Школа была забита ранеными, обмороженными. Какие солдаты — такая и война. А поступали к нам солдатки в ботинках с обмотками, шинелишках, не больно, сказать проще, эрудированные. Мобилизованные после выздоровления домой уезжали, в свое переодевались, форму тогда принято сдавать было. Больно смотреть, что на себя надевали. Небогатое солдатское добро и то красило, а в своем — старики-стариками выглядели.

В конце мая 1940 года демобилизовали меня. Устроилась работать медсестрой в техникум. 18 июня 1941 года, отработав год, пошла в первый свой отпуск. Уехала из Смоленска к родным в деревню, сорок километров по Днепру. Перед этим замуж вышла за курсанта-артиллериста, Георгия своего ненаглядного. Их в мае в лагерь вывезли, так что ехала в отпуск я одна. Два месяца Георгию осталось доучиваться.

21 июня 1941 года в субботу вечером у нас в клубе танцы были. Жасмин цвел, яблони, сирень. Мы молодые, веселые. Под утро после танцев пошли в сад гулять. У нас панский сад большой был, красивый. Песни поем, смеемся, дурачимся. В саду находилось двухэтажное кирпичное здание. Внизу маслозавод, вверху сельсовет. Духота стояла, так окна все нараспашку. Тогда на телефонах дежурили круглосуточно. Слышим, уж больно шумит дежурный. Нам любопытно. Пристали, начали пытаться, что да отчего. Он сначала молчал, а потом говорит:

— Ребята, война началась с Германией... Уже бомбили...

Я домой сразу побежала. У меня в военном билете указано было явиться в первые часы войны в военкомат.

В доме жарко, так батька на полу спал. Я растолкала его.

— Война началась...

Он спросонья сел, не понимает, о чем говорю. Потом до него дошло.

— Да успокойся, может, ничего серьезного. Шума-то в деревне нет. Успокойся...

У нас в деревне радио не было, газет тоже. Телефон только в сельсовете. Про войну и разговора не было. Утром мать пошла полоть лен, отец косить. Тут прибегают младший брат Коля, говорит, что старшего брата забирают на войну, уже машины в Смоленск пошли. Я заревела. Мать меня успокаивает: «Чего ревешь? Возьмут, как в финскую. Мы к тебе в Смоленск ездить будем. Гуся забьем — привезем, яички привезем...» У меня слезы сами текут. Собрала я свои документы и вещички и пешком на станцию. Мать меня до моста проводила. Я реву, словно чувствую, что в последний раз всё вижу.

На станцию пришла. Какой-то эшелон приполз не по расписанию, за ним второй, но никого не берут. Я к начальнику вокзала: «Мне в военкомат надо...» Посадил... Стою в тамбуре и плачу. И так до Смоленска. В военкомат пришла, уже вечер был, а там народу — стеной стоит. Шум, гам. Насилу до секретаря дотолкалась. Он и сказал, чтобы к восьми часам утра была на сборном пункте.

В восемь часов пришла на сборный пункт, меня направили в команду военно-санитарного поезда 1028. Поезд из теп-

лушек, в середине три пассажирских вагона. И было это 23 июня 1941 года. На второй день войны.

Ощущения, что будет такая страшная война, у нас, простых людей, не было. Волнения никакого. Все работали. Транспорт ходил. На весь поезд 1028 было четыре медсестры и три фельдшера. На каждую медсестру четыре теплушки. Самое страшное — это влезать и слезать из вагона. Высоко. Надо ведь как-то попасть из вагона в вагон по ходу поезда.

Война быстро докатилась до наших мест. На второй день уже бомбили военный городок. А ночью начали бомбить вокзал. Мы в тупике стояли. Вокзал делился на две стороны. На одной шли поезда в Белоруссию. На другой — в Россию. Началась бомбежка, пришел из Орши эшелон с ранеными. И этот эшелон разбомбили. Мы начали стаскивать, собирать раненых под бомбежкой. Раненые выползали, вываливались из горящих вагонов. Огонь, вой бомб, крики, мат несутся. Страшно, когда бомба летит: визг, вой, а когда взорвется, не так страшно. Самолеты немецкие скоро отогнали. Зенитчики постарались. На станции всё горело: эшелон, вокзал.

Нас еще на сборном пункте настропалили насчет провокаторов. В начале войны от их рук погибло очень много народа. Радовались некоторые освободителям. Сначала и мы были тупые, и немцы не больно умные. Засылали милиционеров с пехотинскими петлицами, лейтенантов с капитанскими знаками. Неразбериха. От этого и страх.

Наш эшелон отправили в Калугу. Разгрузились мы там в каком-то лесочке. Всё думали, что и здесь бомбить будут. Обошлось. Раненых повезли дальше. А наш эшелон был как бы летучкой между фронтовой полосой и тылом. Вернулись мы в Смоленск второй раз 9 июля. Раньше не могли проехать. Не пропускали. На запад шли и шли эшелоны, а навстречу везли раненых, оборудование, эвакуированных.

Приехали в Смоленск вечером. Мне охота родных поглядеть. Где-то и Георгий, мой муж, то ли в лагерях, то ли в казармах должен быть. Я и убежала в город. На трамвай села — шел он в центр, а меня милиционер остановил: после девяти часов вечера в городе нельзя по улицам ходить. Комендантский час. Утром снова рванула в город. Пешком добралась до казарм училища, а там пусто, ветер по плацу гуляет. Все-таки есть счастье, бог или что-то еще, но только указали мне, что училище в тыл отправляют доучиваться, им ведь месяц всего остался до выпуска, чтобы звание присвоили. Сказали, курсанты где-то на вокзале грузятся.

Я снова на вокзал. Туда метнусь, сюда, толком никто ничего не знает. Охрана кругом. По перрону бегу, смотрю, метет мой ненаглядный перед вагоном. А он небольшого росточка был, шупленький. Увидел меня, кинулись мы друг к другу, обнялись...

Отлучаться из эшелона нельзя. Как же строго всё было! Могли дезертирство приписать. Трибунал. Так я прибегу к своим. Потолкаюсь для вида, и назад, к мужу. С утра и до поздней ночи так шастала. Начальник нашего эшелона прознал про это, слезку за мной устроил, втемяшилось ему, что сбегу с мужем.

Мы не думали, что война будет такая долгая и жестокая, если б знали, многое по-другому сделали. Муж мой открылся, что их в два часа ночи отправляют. Поедем, мол, со мной, говорит, так многие делают. Я ему в ответ, что на первой же станции меня снимут, отведут в комендатуру, а потом если не расстреляют, то в штрафную. Ты, — говорю, — меня на преступление не толкай. Судьба быть вместе — будем, не судьба — значит, так надо.

Дурачки мы были, до ужаса наивные, врать не умели. Принципиальные, честные. Долг превыше всего. Не сумел он меня уговорить. Вот так и расстались... Навсегда. Это был последний раз, когда мы за ранеными в Смоленск приезжали.

Потом мы забирали раненых из Вязьмы. Туда приехали, а там пусто. Ничего нет, ни вокзала, ни строений. Оказывается, незадолго до нашего приезда туда несколько составов со страшными боеприпасами пригнали, а ведь под Ельней термитные снаряды применяли. Это после, когда немцы пригрозили ответить газами, наши перестали ими стрелять. Так вот, по-видимости, один или несколько вагонов с ними и были. Немецкие самолеты налетели, и бомба попала в вагон с этими страшными боеприпасами. Разнесло все в радиусе семи километров. Земля и небо горели.

На каком-то полустаночке под Вязьмой взяли мы раненых и повезли к Москве. Тяжелораненые лежали на носилках на втором ярусе, легко раненые внизу. Все просят посидеть. Поговорить. Кто за руку просто держится. Лежит с закрытыми глазами и молчит. Кто говорит. Кому письмо приспичило написать. Есть время — поговоришь, нет — бегаешь, язык высунув.

Помню одного молоденького офицера в живот раненого. Всю ночь около него просидела, уговаривала. Успокаивала. А он как сжал мне руку, так и не выпускал до утра, утром с трудом разжала. Посинела рука. И всё говорил, говорил... А уж ранен был больно тяжело...

В Дорохове под бомбежку попали. Тут тоже всё разворочено было. Вагоны разбитые, кругом горит, пути исковерканы. Долго ждали, пока саперы все исправят. Приехали в Москву. Наш эшелон первым привез раненых в Москву с Западного фронта, так нас встречал сам комендант Кремля. Из вагонов на руках не только раненых выносили, но и нас. Только выгрузились, немецкие самолеты налетели. Я больше никогда не видела, сколько зениток в тот раз стреляло. Сплошная стена огня. Немцы большого вреда не причинили.

Раненых по госпиталям увезли, а нас снова в прифронтовую полосу. Ездили ночами, днем больше стояли. Немец вольно летал, всё, что двигалось, бомбили и отстреливали. А ночами без огней ехали, куриным шагом. Так и курсировали вокруг Москвы. Забирали раненых и везли то в Саранск, то в Пензу, то еще куда-то. Вначале раненые были одеты плохо. Ботинки, обмотки, хэбэшка плохонькая. Изможденные все, тихие. А уж к зиме и телогрейки были, и штаны ватные. Которые в бой шли, тем и полушубки давали. Так вот и крутились.

В 1943 году освободили Вязьму и Смоленск. Сделала я запрос, что стало с родными. Мне и сообщили, что сестру эвакуировали в Пензу, а мать, отца, брата и свекровь расстреляли немцы при отступлении за связь с партизанами. Сдал их плюгавенький недомерок-староста из соседней деревни, по кличке «Сраник». Сопливый, маленького росточка. Он и привел полицаев. Брат отстреливался, так его убили на чердаке дома, мать застрелили, когда она полезла вытаскивать брата, дом уже горел, в окне мать застрелили. А отца убили сразу, как во двор зашли. Так вот сразу всех и лишилась. Дом наш немцы сожгли. Всех деревенских, старых и малых, согнали к школе и положили из автоматов. На школьном пепелище братская могила. А мои родные могилы на нашем пепелище. Все четыре. Когда после войны приехала я туда, на месте деревни бурьян в человеческий рост да волки выли в околотке.

...Когда я такое сообщение получила, мы как раз в Пензу приехали с ранеными. У меня одна мысль — как бы сестру найти. Отлучаться из эшелона нельзя. Как ни просила своего начальника — ни в какую. Расстроилась, разревелась да и заболела. Заболела так, что месяц отвалялась. Больную меня в теплушке на фронт не повезешь, вот и оставили долечиваться в Пензе. После выздоровления меня в передвижной хирургически-полевой госпиталь направили. С первого дня на фронте, так секретарем комсомольской организации поставили. Бойка на язык была. Правду-матку рубила с плеча. Ну и не поладила с замполитом, меня и откомандировали в

66-й отдельный медицинский батальон. Это уже совсем на передовую, это, считай, под пули.

Вот и шли мы с Первым Украинским фронтом. В Сумской области разворачивали полевой госпиталь. Военнообязанных санитаров от нас забирали, к тому времени некому воевать стало, в сорок третьем году, и раскулаченных стали в армию забирать, и чуть ли не «врагов народа». наших санитаров в окопы отправили, а мы мальчишек да девчонок, кому по шестнадцать-семнадцать лет исполнилось, из местных, брать стали. Двойная польза, и кормили их, да и помощь от них была, всё руки лишние. Вот где-то на чердаке и нашли эти пацаны не успевшего сбежать немца. Молодой немец был, всё лопотал да озирался. А я только-только пережила свое горе. При виде немца трясти меня стало, готова разорвать его была. Не посмотрела, что он раненый был, ну и вколола я ему укол недозволенный... Да, видно, не суждено мне мстить, жив остался немец. Я его и выхаживала.

Начала войну я на Западном фронте, потом был Первый Украинский, уже во Львове присоединили нас к Четвертому Украинскому фронту, там, где Л.И. Брежнев был начальником политотдела армии. Я о нем во время войны и не слыхивала.

Разруха кругом страшная была. Всё сожжено, порушено, разграблено. Наш отдельный медицинский батальон двигался вместе с дивизией. Дивизия шла в бой и часть нашего батальона с ними, а другая часть разворачивала в тылу госпиталь. Бои тяжелые были. Раненых много поступало.

Стояли мы в Прикарпатье в 1944 году. Осень была. Пришел приказ проверить, как питаются солдаты на передовой в траншеях. Я до этого неделю без смены дежурила — поступил тяжелораненый солдат: принес с передовой кишки в своих руках. Пришел сам, да и упал в шоке. Я его и выводила из шока целую ночь. Только его взяли в операционную — меня к комбату: «Маша, больше некому. Тебе нужно на передовую. Приказ. Через не могу...»

Спорить не будешь — пошла. А идти, может, километра два. Впереди луг, речка. Я только к речке подошла. Как немец стрельбу открыл. Со снарядами у него туго было, так он лупил болванками. Болванка летит — свист, гудеж — уши затыкай, а ухнет перед тобой, что поросенок в лужу упал, камень-каменем. Речку перешла, вижу, идет толпа. Впереди кто-то в черном. У меня и ноги подкосились. Немцы. Хоть беги, хоть не беги, от пули не увернешься... Да только присмотрелась, а это наши дурачатся, учатся маршировать. Комбат-самодур строевой заниматься решил во время затишья. Без боя от тоски изнывает.

Многие думают, что на войне только и воевали. На войне всякое было: и плакали, и смеялись, и хоронили, и женились, и песни пели, и танцевали до упаду. Любили весельчак-ков-балагуров. Я худенькая, легкая, вертлявая, смешливая до ужаста была. А уж плясать — хлебом не корми.

В тот раз вернулась с передовой целая и невредимая. Сдала отчет и в каком-то подвале уснула, спала, наверное, сутки.

Я уже говорила, что была секретарем комитета комсомола батальона. Как-то в Чехословакии после собрания вечером уже иду к себе, а навстречу выходят два здоровых парня. Ну, всё, думаю. Делать нечего, я и показала им свой комсомольский билет, увидели они Ленина и отпустили. Чехи это были. А сейчас пройди вечером по улице?!

Я жалела своих комсомольцев. Своим, перед боем, всегда сто грамм спирта давала. Им веселее. И шли они в бой с песнями.

В Польше нас не очень хорошо встречали. В лесах бродило много недобитых бандеровцев, власовцев. Им жрать надо, так они по вечерам по округе шастали. Убивали безжалостно. Не сосчитать, сколько от их рук погибло невинных и во время войны, и уже после Победы. Мы в Острове-Моравской госпиталь развернули. Меня оставили одну с сорока полостниками — ранеными в живот. Дали в помощники семнадцатилетнего пацана, ему для храбрости винтовку с семью патронами всучили. Поместили раненых в уцелевшем двухэтажном здании на втором этаже. Лежат мои раненые и меня успокаивают, что, мол, не бойсь, сестренка, отобьемся и от бандеровцев. Не плачь. А те каждый вечер стрельбу в округе поднимают. И помочь нам некому: ни комендатуры, никого. А кругом бои идут, канонада, самолеты летают. С едой проблемы. Правда, мой пацан, Коля, нашел где-то немецкий лагерь и стал оттуда таскать еду, на сухом пайке раненых не продержишь. Как-то приходят с ним два поляка и лопочут: «Русь, Русь...» Тут как раз врач с солдатом приехали, и пошли они смотреть эту «Русь», а там в кринице разрубленные на куски тела наших солдат.

В этой Острове-Моравской и Победу встретила. Может, в тылу ее и ждали, а у нас всё внезапно случилось. Перестали стрелять — вот и Победа.

А после Победы сколько погибло. Расслабились же все. За каждым кустом нас поджидали недобитки. Разведку не пошлешь, войска к кусту не выдвинешь. Был приказ по одному не ходить.

После Победы без приказа управления начали нас демобилизовать. А это было нарушением. Я в Смоленск приеха-

ла, оттуда в Москву, в наше управление. Там и разъяснили, что я являюсь чуть ли не дезертиром, напугали так, что я в госпиталь попала да до 28 августа провалялась на койке. Если бы меня выписали 27 августа, я бы попала на японскую войну. А после 28 августа уже туда не посылали. Война для меня закончилась.

В сентябре поехала я домой. После войны голодные все были, носили рохманьё, заплатка на заплатке. Но никто в Смоленске меня не упрекнул, что мы на фронте лучше жили, лучше одеты были. После войны две тысячи рублей я получила. В такую сумму оценили мой вклад в Победу. На эти деньги могла купить платье и туфли себе.

Я на «скорой помощи» работала. Пешком по городу, по развалинам на вызов ходила. Страху не было. Смоленск весь разрушен был, камня на камне не осталось. Пленные немцы его восстанавливали. Война кончилась, и ненависть куда-то ушла.

Я пыталась после войны навести справки о муже своем Георгии, но ничего толком не узнала. Сказали, что он якобы пропал без вести. Погоревала. А жить-то надо было, я молодая. Вот и увез меня мой новый дружок от родных могил на Смоленщине в Архангельскую область, в Красноборск. И жила я там все эти годы. Работала медсестрой в больнице.

Поселок неухоженный, печи дровами топились, все удобства на улице. Помимо основной работы приходилось и дрова заготавливать для больницы и сено. Да еще санучасток за мной закрепили, нужно было обойти его, таблетки больным дать, проверить. А ночные дежурства — попробуй тогда приляг! Сидеть и то украдкой приходилось, а спать не моги! Строго было.

Как-то подруга моя красноборская надумала про судьбу свою узнать, а гадала там сосланная старуха-латышка. И меня сходить за компанию уговорила. Бабка ей погадала, а потом мне и говорит: «А ты чего стоишь? Давай погадаю...» Разложила на столе по три карты и начала говорить про мужа теперешнего, что не будем с ним жить, про дорогу, про удачу, много чего говорила, а как осталось два ряда карт, подняла на меня глаза. Спрашивает: «Кого потеряла?» Я отвечаю, что мать, отец, брат убиты... Она говорит: «Нет. Еще кого? А муж твой где?» Я говорю, что здесь живет со мной, еще говорю, что сами нагадали, что с ним разойдемся. — «Нет, не этот, — говорит. — Первый»... Пропал, отвечаю, куда ни писала, нет ответа... А сама думаю, откуда она про первого мужа узнала... Старуха мне тычет пальцем в карту, живой он, говорит. Мается очень. Беда с ним...

Я и написала после этого сестре Георгия. Долго ответа не было, а потом пришло большое письмо... И правда, живой мой муж остался. Попал в плен к немцам, вывезли его в Германию, работал там на секретных шахтах. Освободили его наши всего изуродованного, отравленного, искалеченного. На человека походить перестал. Писала его сестра, мол, забудь о нем. Не жилец... Я забыть не могла... Хотела поехать туда, да денег не было. Предала его, не предала, а несу этот крест, не отболел он... Написала еще письмо, ответа больше не было.

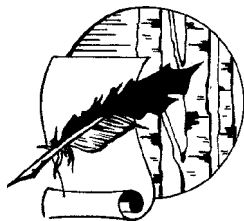
Вот так и жили. Работала, растила дочь. Считала каждую копейку. Ох, и трудно жили. Мне за орден Красной Звезды доплачивали семь рублей пятьдесят копеек. Великие деньги, на три буханки хлеба хватало. Только когда исполнилось 20 лет Победы, о нас вспомнили, а так в больнице даже и не знали, что я воевала. На тридцатилетие Победы пригласили в Сталинград. Встретилась с однополчанами. На берегу Волги столкнулась с немецкой делегацией. Немцы о чем-то оживленно переговаривались. Спросили мы переводчика. Он и сказал, что немцы удивляются, как их войска не могли форсировать эту грязную лужу...

Ты вот спрашиваешь, продолжала Мария Яковлевна, как война теперь вспоминается? Знаешь, ничего хорошего не видела. Куча больных, куча болезней, куча хлопот. Одни хлопоты вспоминаются. Лучшие годы война забрала. А теперь вот, усмехнулась Мария Яковлевна, разговаривала я как-то с одним молодым человеком. Институт закончил, в армии служил. Он меня и спрашивает: «Вот скажите, Мария Яковлевна, в бой идти надо, неужели так добровольно и свободно поднимались и шли под пули?» Да, говорю, поднимались и шли, и песни еще пели...» А я бы не пошел... Силком не имеют права...» А тут еще как-то слышала, что мы вообще дураки были, что воевали, сдались бы немцам, так и жили бы теперь, как они, сытно и богато... Такая вот жизнь стала...

Чего, спрашиваешь, я хочу? А была бы моя воля, поехала на родину, туда, где могилы моих родных. Все бы бросила и полетела, поползла бы... Да не полетишь, когда нет здоровья. Как же я хочу пощупать родную землю, поклониться родным могилам...

Наград у Марии Яковлевны много. Но из всех она больше ценит орден Красной Звезды, боевой орден. Он высший орден медицинской сестры.

г. Боровичи Новгородской обл.

Эмма МЕНЬШИКОВА

СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ ЗЕМЛИ

* * *

Облака на поле прилегли...
Им пора в дорогу отправляться,
А они не могут оторваться
От тепла и нежности земли.

Вот и мы, чей путь неотвратим
К небесам, где мир извечно длится,
Норовим тесней припасть к земле
Перед тем, как в выси отлетим...

* * *

С каждым новым рассветом всё ближе закат,
Когда солнце туманится, словно агат,
Тяжело упавая в неведомый плёс,
Что уже не одно наше солнце унёс.

С каждым новым рассветом слышней тишина,
И всё глубже в себя погружает она,
Навевая грядущего сладостный сон,
Где находит душа свой небесный заслон.

С каждым новым рассветом ясней сознаёшь,
Что проходишь по жизни как утро, как дождь...
А когда усмиришься в траве луговой,
То сомкнутся живые цветки над тобой.

1. Ещё жива

И есть она — и будто нет её...
Ей чуждо отражение своё.
Сказав однажды «Никого не помню
И вряд ли вспомню хоть когда-нибудь...»,
Живёт она безродной и бездомной
И налегке свой завершает путь:
Без сожалений, памяти, чутья...
А всё ж душа сильнее забытья.
К сестре моей прижмётся в смутной грёзе,
Хотя давно не узнаёт её,
И гладит руку ей, как будто просит
Прощенья за беспамятство своё.

2. Прошло три года

Три года мамы нет, а легче и не стало.
Шершавых рук тепло я помню и сейчас.
Три года мамы нет, дождей сошло немало,
А свет её свечи доныне не погас.

Но дом её теперь у дальнего причала,
Куда и мы придём в назначенный свой час.
Где мама тихо ждёт, как и всегда бывало,
Но никогда она не торопила нас...

Октябрь 2023

* * *

А что ноябрь... Уже и в нём
Свою изыскиваешь прелесть...
Не краски сочные приелись,
А жизнь короче с каждым днём.

И с упоением глядишь
В её холодное бесстрастье,
А на душе такая тишь,
Как перед таинством причастья...

ЛУНА

Окутанная тишиной,
Бог весть с каких времён и сроков
Она торжественно и строго
Плывёт по звёздам в час ночной...

Ладьёй высоко в небесах
Скользит легко и невесомо...
И кто-то, как и я, бессонно
Следит за ней во все глаза,

Когда всю ночь парит она,
Роняя наземь свет свой чудный,
То по куинджи изумрудна,
То по-саврасовки бледна..

Из века в век, за годом год
Под ней творится жизнь — она же
Не ведает об этом даже,
Верша свой бесконечный ход...

Но следуя таким путём,
Она в извечной круговерти
Связует тех, кто был на свете,
И тех, кто явится потом...

КОГДА ОКОНЧИТСЯ ВОЙНА

Читаю: звёзды, и луна,
И Млечный Путь в седой крылатке...
А сердце всё стучит: война —
И бьётся Киев в лихорадке!

Кому-то виды из окна
По осени — как пасторали...
А я всё думаю — война!
И дети ангелами стали...

Иным дорожка не ровна,
Стенают о пропащей доле,
А у меня болит война!
И близко Прохорово поле...

Всё понимаю — жизнь одна
И можно жить без потрясений,
Писать стихи, когда война,
О том, как дождь шуршит осенний,

И душу вытрясти до дна,
Рифмуя болести и страсти...
А мне всё видится война,
Она мне свет небесный застит.

И, покаяния полна,
Творю молитвенное слово,
А про стихи, пока война,
Душа моя забыла словно.

В молитвах числю имена
Парней последнего призыва,
А напишу о них красиво,
Когда окончится война...

МАТЬ

Она глядит глазами Богородицы,
Не слёзы в них, а веры тихий свет:
Ведь сын её за Русь святую борется —
И, кротко покрестив его вослед,

Живёт с тех пор под сенью ожидания.
Хотя не догадаешься по ней,
Как ей даётся это послушание
И как она становится сильней,

Чтоб стойко ждать, как ждут во веки вечные
Все матери своих сынов с войны.
А что поплачет в ночи бесконечные,
Так днём же эти слёзы не видны...

Она глядит глазами Богородицы.
И молится за каждого бойца —
Все сыновья ей, все домой воротятся,
Всех мать-Россия встретит у крыльца.

ПИСЬМО С ФРОНТА, 1941-й

Памяти красноармейца Ивана Богданова

Шлю привет с фотокарточкой вместе,
Пусть она — отпечаток лишь мой...
Я два года мечтал о приезде,
Но война не пустила домой.

И теперь мы с полком насмерть встали,
Будем биться, фашистов разя,
До последнего, как приказали,
А живым тут остаться нельзя...

Здесь и реки текут не водою —
Человеческой кровью текут...
И земля этой кровью святою
Тоже насквозь пропитана тут.

Мёртвый свой отпечаток вверяю
В очи жаждущие — пусть глядят
Все, кто помнит меня, представляя,
Что поныне живой их солдат.

А пока тускло светится небо,
Прощаюсь, друзья и родня...
И считайте, как будто и не было
Никогда в этой жизни меня... *

О КРУГЕ

А я и ко всякому нищему, всякому сброду —
С душой нараспашку. Подам и на хлеб и на воду.

Слезами умоюсь, поймав на себе ненароком
Затравленный взгляд попрошайки в лоскутье убогом.

И вся изойду от бессилия и сострадания
К бездомным, стоящим у храма с протянутой дланью,

* *Иван Тихонович Богданов служил пулемётчиком 1-го стрелкового полка 44-ой стрелковой дивизии 42-ой Армии Ленинградского фронта. Пропал без вести. Успел отправить родным письмо и фотографию. Ему было 20 лет.*

К согбенной старухе, охочей до малой подачки,
К подземной — играющей милости ради — скрипачке...

И двери открою, евангельской следуя притче,
Как если б Христу, когда кто-то в мой дом постучится...

И если уж так на земле этой грешной придётся,
Насущным смогу поделиться с последним пропойцей.

Тогда как приличные люди сбиваются в круги,
Позируют важно и хвалятся друг перед другом

Чинами, счетами, причастностью к высшему свету,
В свой круг допуская по неким особым приметам —

Штиблетам, осанке, родству... Много шума содеях,
Кичатся хоть чем-нибудь, реют в своих эмпиреях,

Чванливо ведут свои речи о званых-незваных,
Да только в небесные круги все йдем на равных...

ФАНТОМНАЯ ЛЮБОВЬ

И от любви бывает боль фантомная...
Ведь всё забыто и отрезано давно.
Поблёлка даже карточка альбомная,
Где двое и поныне заодно,
В той жизни, где разлука неминуемая
Им за грядую лет туманных не видна...
Прошло полвека, и от случая до случая
Любовь все эти годы сердце мучает
И так болит, как будто есть она...

* * *

Никакою мерой не измерить
Силу притяжения земли...
И не оторваться, не поверить,
Что над ней курлычат журавли,
Что цветут цветы и сыплет дождик,

Землю шаловливо тербя,
И что длится, близкая до дрожи,
Жизнь земная, где по воле Божьей
Всё как прежде, только без тебя...

* * *

Поэт в деревне меньше, чем поэт...
Владимир Квашнин

Поэт в деревне меньше, чем поэт?
Да и зачем он, собственно, в деревне,
Где и без слов пронзителен рассвет
И слышно, как шумят листвою деревья,

Как дождь по крышам выбивает дробь,
Всегда импровизируя как будто?..
Но понимаешь всё, о чём взхлёб
Строчит по кровле он свои этюды...

В деревне птицы распевают так,
Что летом грех ложиться до восхода.
И трели неприметных серых птах
Звучат на все лады без перевода

На самые изящные слова...
И шорох трав, и говор тихой речки
И неба перистые кружева,
И деревом обшитые крылечки —

Как мостики, с которых по ночам
Вступаешь во вселенские потоки —
Всё это жизнь, начало всех начал,
Существованья явленные строки...

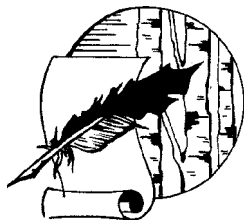
А что — поэт в деревне? Был и был...
Дышал, любил, писал стихи, не больше.
А вот деревня для поэтовой судьбы —
Не меньше, чем благословенье Божье...

* * *

Хороша зима равнинная —
Снег и снег по всей земле.
Вьётся поземь серпантинная,
А под звёздами пустынное
Поле светится во мгле...

Глянешь в дали осиянные,
Высь плечами подопрёшь...
И стоишь средь мироздания,
Созерцая несказанное,
И не веришь, что умрёшь...

г. Липецк

Татьяна ГРИБАНОВА

СВЕТ НЕГАСИМЫЙ

* * *

Задохнётся душа
от простора и воли,
захолынет печалью
былинной, степной...
И затянут ветра,
как бывает в застолье,
наш исконный мотив,
каждым звуком родной.
Этот русский напев,
что с горчинкой бурьянной,
Он и мне, и тебе
с колыбели знаком.
Не его ли наш пращур
спевал при Баяне?
И не с ним ли вставал
вновь и вновь на врагов?
Нашим песням истоки —
в тоске и печали.
Сколь легло мужиков
за отеческий кров?
С Ярославны поныне
в причёты кричали
на Руси
у сыновьих и мужних гробов.

* * *

И вроде бы всего-то ничего:
околица, как испоконь, в полыни,
июньских туч наполненное вымя,

над речкой — клади с тонкою слегой
на хуторок, своё забывший имя,

голбец у перекрестья двух дорог,
хранимый образком с пресветлым ликом,
что под завяз увит степною викой,
а чуть левее — опочивший стог
в расхристанности прошлогодней дикой.

Пусть скажут: мол, святая простота!
Но почему тогда захолонуло сердце?
И никуда от этого не деться.
Всего-то — вдоль да поперёк — верста,
но это — деда и отца наследство.

СВЕТ НЕГАСИМЫЙ

Дремлет солнце в разливе.
День до блеска умыт.
Спит базар гомонливый
вдоль грачиных раки.

Нет снегов и в помине.
Вешний постный уют.
И пронзительной синью
вдрызг пролески цветут.

Под линияю крышей
в три оконушка дом...
В этом вербном затишье
Русь списали на слом.

Даже сердце запнулось —
тихий вздох половиц...
На житейскую скудность
хоть реви, хоть молись.

Знаю: бед нынче — ливень,
да и помощи нет,
но в душе, как в разливе, —
ярким полымем свет.

ПРОЛЕТЬЕМ

Сныть порхает вдоль тропинок сада,
пескарится на реке вода.
И в черёмушнике так-то складно
ворожит кукушка на года.

Пряны травы на исходе мая —
задышал покосом ближний дол.
Вдоль зари бреду, куда — не знаю,
обросив до ниточки подол.

В воздухах, туда-сюда шныряя,
по жучиным торопясь делам,
шуркает хрущей бессонных стая,
тишину ввергая в свой бедлам.

Розовеют на берёзах ситцы,
высветляет небо косогор,
Сирин-девой, золотой Жар-птицей,
солнышко взмывает на простор.

И зовёт, и вдаль бежит дорога,
и манит собою горизонт!
Хлопотной, сторукий, синеокий
вновь над Русью Божий день встаёт.

* * *

Исход весны. И соловьи
изголосили вдрызг рябинник.
Закат изранен до крови —
ну вот и справили поминки...

Ему не пофартило жить,
соседу, внуку бабки Шурки:
сынов на дело окрылить,
увидеть под венцом дочурку...

По воле Божьей мужиком
мне не случилось народиться.
Удел наш, бабий, знамо, — дом,
детишки, ждатель-любить-молиться.

А он войны хлебнул в свой срок.
Он чудом выжил на Кавказе
от гибели на волосок,
не ранен даже был ни разу.

Но вот под Северским Донцом
обочь мостка, у краснотала,
смерть взвизгнула ему в лицо:
«Ну, наконец-то, отыскала!»

И — навзничь, хоть душа-кремень,
но нету мочи шелохнуться.
Сойдя с ума, сквозь стенки вен
кровь хлынула, чтоб захлебнуться...

И стонет над селом гроза...
Промокший холм... Гора букетов...
И Витьки Спирина глаза
глядят на Этот свет с портрета.

МАРТОВСКИЕ СТРАДАНИЯ

И позабыть тебя бы,
и не маяться,
на веки вечные
мосточки развести,
но сердце вешее,
ему всё кажется:
не отыскать одной
обратного пути.

Ах, нету сил нести
мученья крестные!
Перемолоть бы их
на блинную муку!
В бумажной лодочке
ручьями вешними
спровадить за море
печаль свою — тоску.

Ведь птицы гнёзда вьют —
пора любовная!

Коты орут взахлёб
страдания у трубы.
Схожу-ка я в сельпо
за шляпкой модною —
не улизнуть тебе,
мой милый,
от судьбы!

* * *

Расстелить полушалок на свежий покос, —
врассыпную оравой цикады, —
и смотреть, как плывет над сапфирами рос
беспредельная вечность заката.

Ночь падёт, и собою пронзив тыщи лет,
поглощая попутные звёзды,
вдруг прольётся вселенский безудержный свет
на луга, на погост, на берёзы.

И накроет округу тишайшая тишь,
растечётся по мне внутривенно.
И сусаль запылит на покатоности крыш,
проникая в жилища сквозь стены.

И уже к петухам, как бы вдруг ни с чего,
когда, вовсе не станет терпенья,
с колокольни вскрылит перезвон над селом,
благовествуй о Вознесенье.

* * *

Вернутся из странствий, — а как же?! — на родину птицы,
не стерпит, по венам дерев хлынет паводком сок.
Затеплишь лампадку в углу пред старинной божницей
и Пост одолеешь — рядом за седмицей седмицу, —
Звездой Вифлеемской в свой срок озарится восток.

А там и, глядишь, океаном заплещется зелень,
и май переполнится негою — только дивись!
И солнце завьёт Божий мир золотой повителью.
Почуешь: пора воскресать самому во спасенье —
так манит, и верит в тебя нескончаемо жизнь!

Приникнешь опять к ней, бурлящей, и зреньем, и слухом.
И примешь со всей неминуею данностью гроз.
Так прадед, бывало, скрепляясь и сердцем, и духом,
сквозь малую радость, а чаще — напасти, прорухи,
с великим терпеньем судьбу свою брэнную нёс.

* * *

Вот опять под утро, как всегда к заре,
нараспашку в детство растворились двери:
закипают варом липы во дворе,
голосит петух, сусаль роняя с перьев.

Я — ещё девчушка. Мама молода.
Сквозь седьмое небо проросли деревья.
На верёвках — стирка, длинных три ряда,
словно двор вчера вернулся из кочевья.

А июнь, душист, цветаст, зеленоух
под завяз малинит кузовки вдоль просек.
Там, без удивленья, во бору на слух
чуешь, как подлесок подстригают лоси.

...На ледке в подвале — кринка с молоком,
на столе — горяча хрусткая краюха;
сдобрена укропом, терпким чесночком,
из яиц от рябой курочки «толстуха».

Ладит дед на груше «взлётную качель,
чтобы, как Гагарин, над планетой взвиться».
Полыхает полдень в тысячу печей,
ветерок колышет стиранные ситцы...

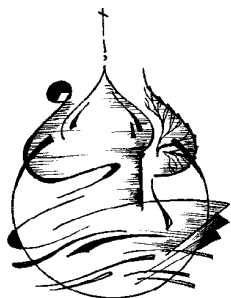
г. Орёл

ТАЙНА СМЕРТИ ЛЕРМОНТОВА

К 210-летию великого русского поэта

Данная публикация отсылает к статье Валерия Хатюшина «Странности биографии, или Тайна жизни Пушкина», опубликованной в №5–6 «Молодой гвардии» за этот год, где автор утверждает, что биография А.С. Пушкина подвергалась и подвергается намеренному искажению. Соглашаясь с этим мнением, продолжу мысль: оценка личности и деятельности М.Ю. Лермонтова так же была лишена объективности на протяжении многих лет. Редкие голоса исследователей, отстаивавших честь и репутацию поэта и его семьи, тонут в общем потоке казенной *традиционщины*, знакомой всем со школьной скамьи.

При изучении биографии и творчества М.Ю. Лермонтова можно составить рейтинг наиболее популярных фантазий. На первом месте окажутся истории об отце поэта (некоторых не устраивает кандидатура Юрия Петровича Лермонтова): отцовство приписывают то кучеру, то еврею, то чеченскому вождю. На втором месте фантазии о деспоте-бабушке Елизавете Алексеевне Арсеньевой. Ей, заменившей, по

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

сути, мать, единомышленнику, другу, самому близкому и любимому для Михаила Юрьевича человеку, достается больше всего. До настоящего времени серьезные исследователи муссируют сказки о том, как Елизавета Алексеевна довела своего супруга Михаила Васильевича до самоубийства, из мест не приехала к нему на похороны, насильно выдала дочь замуж, провоцировала скандалы между дочерью и зятем, жестоко разлучила внука с его отцом, не позволяла Михаилу Юрьевичу жениться, содержала игровое заведение и насильно выдавала несовершеннолетних крепостных девок замуж.

На третьем месте традиционное заблуждение исследователей: Лермонтов — богоборец, почти революционер, а также романтик и одиночка. При этом упрямно игнорируется если не имперское, то сродни тому мышление Лермонтова, его религиозность, славянофильская идейная направленность, которую легко выявить при сопоставлении его текстов с произведениями А.С. Хомякова; игнорируется также сомнительность написания Лермонтовым стихотворения «Прощай, немытая Россия» и его авторство по отношению к стихотворению «Христос Воскресе». Есть еще фантазии о плохой учебе Лермонтова, и том, как его «выгоняли» из университета, как поэт плохо обходился с женщинами (к слову, «обиженных» всего две, и поведение их было далеко не безупречно) и, конечно же, как Михаил Юрьевич спровоцировал бедного Мартынова на дуэль. Не будем упоминать имена почтенных, а в некоторых случаях уже и почивших ученых, утверждавших вышеперечисленное, но согласимся, что обилие странных и в большинстве случаев не доказанных умозаключений исследователей дает право другим сомневаться в их непогрешимости.

В этом году, когда отмечается юбилейная дата — 210 лет со дня рождения М.Ю. Лермонтова, хотелось бы обратить внимание на одну странность, которая столь очевидна, что ускользает от внимания исследователей: каждый, кто начинает заниматься изучением жизнетворчества Михаила Юрьевича, приходит к необходимости изучать творчество и биографию Александра Сергеевича Пушкина.

До настоящего времени исследователями не дано внятного объяснения бурной реакции Лермонтова на смерть Пушкина, с которым, как утверждает большинство ученых, Лермонтов не был лично знаком. А так ли это? Да, прямых доказательств их знакомства нет, но косвенных — множество. Лермонтов был знаком лично с В.А. Жуковским, Н.В. Гоголем, С.Н. Карамзиной, А.О. Смирновой-Россет, В.Ф. Одо-

евским, дружил с Львом Пушкиным — родным братом А.С. Пушкина, знал жену Пушкина Н.Н. Гончарову. Факт встречи А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова подтверждают П.К. Мартыанов, П.А. Висковатов, А.О. Смирнова-Россет. Косвенно указывали на вероятное знакомство Лермонтова и Пушкина Э.Э. Найдич, Л.Б. Модзалевский. Из современных исследователей такую вероятность допускает В.И. Новиков, а Любовь Краваль, автор книги «Рисунки Пушкина как графический дневник», прямо утверждает факт знакомства поэтов.

28 января 1837 года Лермонтов, сильно простуженный и лежащий в постели, пишет первые строки стихотворения «Смерть поэта» до слов «...и на устах его печать». 29 января Пушкин умирает. Лермонтов не выдерживает и «приоткрывает тайну печати», дописав 7 февраля 16 строк со слов «А вы, надменные потомки...» Е.А. Арсеньева поясняет в письме к А.И. Философову от 6 (19) марта 1837 года: «Мишенька по молодости и ветрености написал стихи на смерть Пушкина и в конце написал не прилично на счет придворных...»

Элементарный филологический анализ текстов Лермонтова наводит на мысль о том, что поэт располагал точными сведениями о происходящем в придворной и семейной жизни Пушкина как до 1837 года, так и после. То, что произошло 27 января 1837 года на Черной речке, было охарактеризовано Лермонтовым словом «убийство». Более того: Лермонтов имел представление о сценарии, по которому вели Пушкина к гибели. Интересно, что сценарий этот, по мысли Т.М. Николаевой — сценарий историко-литературный, и взят из произведения О. Бальзака «*La fleur des poïds*» («Горошковый цвет»). Исполнители (не заказчики, а исполнители!) сценария — некоторые члены «кружка шестнадцати», к которому принадлежал Лермонтов. О том, что кружок этот (его еще называли «кружком братьев Трубецких») являлся политическим, упоминали многие (Э.Г. Герштейн, И.Л. Андроников, А. Глассе, А.В. Корнилова и др.); доподлинно состав членов этого кружка не установлен. Между тем, подмечено, что где бы ни был Лермонтов, перед ним возникают периодически эти одни и те же лица из «кружка шестнадцати». Он на Кавказ — они на Кавказе. Он в Петербург — они там. И что интересно: в этом кружке значатся люди, причастные к загадочной «партии красных», о которой писали П.А. Вяземский, Э.Г. Герштейн, С.Б. Ласкин, В. Е. Орлов и другие, полагая, что «красные» добивались устранения Пушкина из окружения Императора.

«Интересы Пруссии представляли при дворе многочисленные родственники царицы Александры Фёдоровны, прус-

ской принцессы, жены Николая Первого. По нашему мнению, именно их называл П.А. Вяземский по цвету мундиров полка кавалергардов, шефом которого была пруссачка-царица, «красным морем», «красными», которых он обвинил в гибели Пушкина. Одним из «красных» был прусский принц Карл — Принц Прусский Карл — Фридрих Карл Александр Прусский, позднее — генерал-фельдцейхмейстер прусской армии и генерал-фельдмаршал Императорской Российской армии», — пишет В.Е. Орлов. «Красными» были братья Барятинские. С Александром Барятинским поэт учился и увековечил его недостойный образ поведения в юнкерских поэмах. Г.Г. Гагарин, вспоминая встречи в «кружке», свидетельствовал, что между Лермонтовым и Барятинским были разногласия. А. Барятинский писал любовные письма Дантесу, и Лермонтов, безусловно, знал об их интимной связи. М.Г. Ашукина-Зенгер характеризует отношения Лермонтова и А. Барятинского: «...расхождение их было глубоко принципиальным». К Барятинским еще вернемся, сейчас же хотелось бы акцентировать внимание на том, что Лермонтов был в курсе всего, что происходило с Пушкиным и вокруг Пушкина, и — важный момент! — не одобрял этого.

Вслед за А.М. Марченко Николаева поддерживает мнение о том, что в «Маскараде» Лермонтовым описан возможный сценарий травли Пушкина и предполагает, что Нина — это N.N., Наталья Николаевна. Отталкиваясь от этой мысли и соглашаясь с нею, предложим новую трактовку антропонима главного героя Арбенина Евгения Александровича. Имя Евгений соотнесем, вслед за другими исследователями, с Евгением Онегиным, Александрович — с именем самого Александра Сергеевича Пушкина. А вот по поводу фамилии предложим такую версию: в 1823 году появляется стихотворение Пушкина под названием «Телега жизни». Лермонтов, как и многие его современники, знали синоним слову «телега» — арба: так называлась телега на Кавказе. Фамилия Арбенин — любимая у Лермонтова: кроме «Маскарада», она встречается в драме «Станный человек» и в прозаическом отрывке «Я хочу вам рассказать». Заметим, что там полный антропоним звучит как «Александр Сергеевич Арбенин», и автор хотел рассказать его историю, случившуюся в Петербурге и связанную с женщиной.

Размышляя о реакции Лермонтова на смерть Пушкина, Т.М. Николаева пишет: «Тут важно, знали ли Лермонтов о том, кто послал Пушкину диплом рогоносца. А если он этого не знал и Н.А. Столыпин ему это рассказал только после смер-

ти Пушкина, тогда потом, вполне логично, в стихотворении появились знаменитые шестнадцать строк».

Соглашаясь с каждым словом статьи В.В. Хатюшина, с печалью констатирую, что до сих пор многие литературоведы игнорируют факт связи А.С. Пушкина с деятельностью российских спецслужб. Между тем, В.В. Гребенников утверждает: «Рассекреченные в недалёком прошлом архивы вюртембергского и австрийского министерств иностранных дел среди прочего обнаружили секретные депеши послов иностранных государств, где Пушкин предстаёт как видный политический деятель, идейный глава русской партии, противостоящий партии иноземцев, стеной отгородивших Николая I от русского общества». В.Е. Орлов сообщает: «...в последнее десятилетие исследователями этой закрытой от посторонних глаз деятельности С. Тарасовым, В. Гребенниковым, В. Лобовым и другими обнародованы любопытные факты, подтверждающие работу Пушкина в этой, тогда, в начале девятнадцатого века, ещё не имевшей такого краткого и точного определения, службе, осуществляющей одну из важнейших функций любого государства». Хочется спросить вслед за С.К. Крюковым: «Почему англичане не стесняются, а наоборот выпячивают, что основоположник жанра бытового романа Даниель Дефо, написавший знаменитого «Робинзона Крузо», был разведчиком английского правительства. Французы рукоплещут и подчеркивают, что Пьер Огюст де Бомарше, автор еще более известного «Фигаро», тоже принадлежал к плеяде рыцарей «плаща и кинжала». И таких примеров не счесть. Почему же мы как страусы прячем голову в песок, когда надо признать: Александр Сергеевич Пушкин был тесно связан с деятельностью российских спецслужб.<...> Разве признание этого факта, его величие как поэта станет меньше или его стихи и поэмы приобретут «нечитабельный оттенок»? Представляется, что с точностью до наоборот, — приведет к более значительному переосмыслению его творчества».

Возможно, признание факта агентурной деятельности Пушкина поможет определиться с отношением к некоторым личностям. Не секрет, что до сих пор исследователям сложно понять: врагами или друзьями Пушкина (и почему?) являлись некоторые люди. Яркий пример: граф М.С. Воронцов, до девятнадцати лет воспитывавшийся в Англии, являвшийся дядей Сидни Герберту, военному министру Англии (в том числе и во время Крымской войны). Среди многих хвалебных слов в адрес Воронцова (и в наше время), среди редко встречающихся мнений, стремящихся к объективности, желатель-

но обратить внимание на «Неизвестные воспоминания о деятельности М.С. Воронцова в Крыму. 1836—1845» и на современную анонимную (!) работу, дающую повод к размышлению.

Вообще, опустим доказательства (их в настоящее время более чем достаточно), просто признаем факт: **Пушкин — человек, осуществлявший разведывательную, дипломатическую и политическую деятельность на благо российского Императора, на благо России. Более того: именно поэтому его и убили.**

А теперь сопоставим некоторые факты жизни Пушкина и Лермонтова.

Во-первых, у них были десятки общих знакомых, они «вращались» в одних и тех же кругах. Во-вторых, оба находились под неусыпным надзором III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (или же в сотрудничестве с III отделением). В-третьих, Пушкин и Лермонтов были с некоей «миссией» на Кавказе. Многие предпочитают называть эти поездки «ссылками». Ссылки эти характеризуются тем, что поэты могли свободно перемещаться, останавливаться где угодно, поправляя здоровье, внезапно их покидающее, сорить деньгами. Лермонтов заодно учил несколько иностранных языков, планируя «ехать в Мекку, в Персию и проч.». В-четвертых: канцелярия Его Императорского Величества иногда извещалась о передвижениях Пушкина и Лермонтова с опозданием. В-пятых: ни Пушкин, ни Лермонтов никогда не покидали пределов Российской империи. Не странный ли факт, в то время как их соотечественники и друзья путешествовали по Европе? В-шестых: окружение Пушкина спровоцировало его на дуэль с приемным сыном нидерландского посла, окружение Лермонтова — с сыном французского посла. Седьмое: Пушкин и Лермонтов состояли в неких обществах, оппозиционно настроенных к Императору и, судя по развитию событий, были «внедренными» извне участниками в этих обществах (агентами, как бы сейчас сказали). Восьмое: величайшие способности к литературному творчеству. Девятое: иносказание — один из ведущих приемов гениальных писателей. Десятое: их гибель при весьма странных обстоятельствах.

Отсюда вывод: более чем вероятно, что Лермонтов являлся также одним из значимых сотрудников спецслужб, и, возможно, имея в виду эту его сторону деятельности, Император, как гласит молва, сказал: «Как жаль, что погиб тот, кто мог нам заменить Пушкина!»

Последняя «дуэль» Лермонтова

Что точно известно на сегодняшний день о произошедшем 15 июля 1841 года в окрестностях Пятигорска?

1. Следствие по делу велось с многочисленными нарушениями.
2. Убедительная причина дуэли так и не установлена.
3. Близкие, друзья Лермонтова пытались выгородить Мартынова, иначе — спасали его.
4. То, что был вызов на дуэль, знаем со слов тех, кто «присутствовал» на дуэли или со слов кого-то, который передает слова кого-то.
5. Все, кто «присутствовал» на дуэли, были заинтересованы скрыть правду.

Из общего потока пересказов, набивших оскомину на зубах, историй о ссоре и дуэли выделяются свидетельства Александра Ивановича Арнольди и Екатерины Григорьевны Быховец. Выделяются, во-первых, тем, что только они утверждали, что видели Лермонтова 15 июля 1841 года (!), во-вторых, они были непричастны к кругу знакомых дома Верзилиных, в-третьих, их показания из рук вон плохо стыкуются с общепринятой версией. Вероятно, из-за последнего обстоятельства письмо Быховец было признано подделкой. Как бы то ни было, через шестьдесят лет после обнаружения письма Быховец было найдено еще одно письмо от 21 июля 1841 года некоего Полеводина (как установили позже — Петра Тимофеевича), случайно оказавшегося свидетелем похорон Михаила Юрьевича и записавшего многое из того, о чем говорили в толпе. Кроме всем знакомой истории о ссоре и хладнокровном убийце Мартынове (о чем, вероятно, говорили на похоронах Глебов, Васильчиков и Эмилия), Полеводин сообщает, что есть третий человек — Лев Сергеевич Пушкин, который видел Лермонтова 15 июля. И показания Пушкина подтверждают показания Быховец!

Опираясь на свидетельства в этих трех источниках (записки Арнольди, письма Быховец и Полеводина), можно выстроить следующую картину: Лермонтов к 15 июля имел одну съемную квартиру в Пятигорске и одну — в Железноводске. Закончив курс серных ванн в Пятигорске, Лермонтов стал проходить курс железистых ванн, находящихся в Железноводске. Лечение начиналось с 5 утра. Тот факт, что Арнольди 15 июля повстречал Дмитриевского с Лермонтовым, дает возможность предположить, что Лермонтов 15 июля в 6 утра действительно отправился в Железноводск с компанией Екатерины Григорьевны. Далее события могли разви-

ваться так: примерно во второй половине седьмого компания Быховец встречается, вероятно, еще каких-то знакомых и основательно «застрывает» в колонии Шотландке (находится примерно на полпути маршрута, в 6—7 верстах от Пятигорска), где все решили позавтракать. Все, кроме Лермонтова и Дмитриевского, которые, не останавливаясь, едут в Железноводск: возможно, у них назначены ванны. Или, что еще более вероятно, им требуется купить билеты на принятие ванн (что и было сделано Лермонтовым, как свидетельствует документ, найденный В.Р. Апухтиным). Ближе к восьми Лермонтов и Дмитриевский могли освободиться, сесть на дрожки и поехать в Шотландку, чтобы вновь присоединиться к Быховец, Пушкину, Бенкендорфу (юнкер А.П. Бенкендорф, сын двоюродного брата А.Х. Бенкендорфа) и другим. Такое развитие событий подтверждают воспоминания Арнольди: он во второй половине восьмого проезжает мимо Шотландки, видит шумную завтракающую компанию, едет, не останавливаясь, дальше, и ему навстречу попадаются вооруженные Столыпин с Глебовым (на беговых дрожках), а попозже — Лермонтов с Дмитриевским (на извозничьих дрожках).

Возможно, Столыпин (судя по документам, одновременно с Лермонтовым в день «дуэли» покупавший билеты на принятие ванн) и Глебов тоже ехали в Шотландку, к обозначенной компании, дабы весело провести день, *попутно охотясь*. Арнольди, заметим, не удивляется, когда Столыпин говорит ему про охоту. Оружие в наличии. Арнольди подсказывает место, где видел птицу. Выстрелы — обычное дело. В современном представлении охота — это недельная подготовка, специальное снаряжение и оружие и, кроме того, — не женское дело. Но на Кавказе, в окрестностях того же Пятигорска, в первой половине XIX века охотились иначе. Вооружены были все. Для «высшего класса» в окрестностях Пятигорска охота на птиц тогда была, вероятно, дополнением к обыкновенной прогулке. Поэтому почему бы не допустить, что «золотая молодежь», прогуливаясь между Железноводском и Пятигорском, между делом постреливала в птичек?

Далее: компания Быховец, воссоединившись с ранее покинувшими их и вновь прибывшими после завтрака (надо думать, что позавтракали и те, кто не успел сделать это ранее), ближе к десяти часам отправилась в сторону Железноводска. Лермонтов по приезде в Железноводск отлучился; возможно, принял ванну (если не принимал ранним утром), зашел на свою квартиру, переоделся для бала, взял лошадь. И потом уже «прибежал» к Быховец, после чего они «пошли в рошу и все там гуляли». В окрестностях Железноводска гу-

ляли примерно до первого часа, после чего отправились в Шотландку обедать (что согласуется с показаниями Пушкина). Пушкин говорит о том, что после обеда Лермонтов через час поехал на дуэль (он, как и Арнольди, пытается «при­тягивать» события к обнародованной версии «дуэли»). Из этого некоторые исследователи делают вывод, что все обедали около 5 часов, чего в принципе не может быть. Обед у находившихся на водах граждан приходился на район первого часа дня (как следует из письма Полеводина), и многие присутствующие на обеде в Шотландке были приглашены в 6 часов вечера на бал, без сомнения, с прекрасным ужином. Значит, показания Пушкина говорят только о том, что через час после обеда он расстался с Лермонтовым, который будто бы поехал готовиться к дуэли.

Отобедав в районе часа, в два часа компания распалась. Часть ее отправилась в сторону Пятигорска (возможно, принимать ванны), часть продолжила охоту, а некоторые гуляющие разбились на пары. Например, как Лермонтов и Быховец, и в этом нет на Кавказе ничего исключительно, тем более если принять во внимание их дальнейшее родство, на котором настаивают некоторые исследователи.

Итак, 15 июля в Пятигорске многие были приглашены на бал (назначенный на 6 часов вечера) к Голицыну. Этот бал не был чем-то выдающимся в жизни Пятигорска; к нему, как видно, никто с утра сильно не готовился, и вообще, как сообщал Полеводин, кроме частных балов, каждый выходной давались балы в дворянском собрании. П.К. Мартыанов был уверен в приглашении Столыпина, Дмитриевского, Трубецкого и Лермонтова, а письмоводитель частной управы К.И. Карпов свидетельствовал о получении приглашения Мартыновым.

Кто сказал, что Лермонтов не был приглашен? Эмилия Верзилина. Запомним это. Между тем Быховец точно не приглашена, поэтому ближе к пяти часам вечера она (вероятно, где-то по дороге, скорее всего, в той же Шотландке) расстается с Лермонтовым, отдав ему ранее свое бандо для починки: оно было сломанное.

Лермонтов продолжает путь один. Направление — Пятигорск.

Если убийца поджидал его, то он знал, когда и где ждать. Если Михаил Юрьевич был приглашен на бал, то, зная, где и с кем проводит Лермонтов время, нетрудно вычислить, когда и каким путем он будет возвращаться. Лермонтов убит почти на дороге, ведущей к Пятигорску. Одет был согласно бальному этикету в форму Тенгинского пехотного полка.

Теперь вернемся к воспоминаниям Арнольди. Проведя в Железноводске весь день, вечером он едет в Пятигорск. За метим, Арнольди говорит: «смеркалось», в Пятигорске зажгли огни. Это трактуется как подтверждение слов «секундантов» о том, что дуэль состоялась после шести или ближе к семи вечера. Но сумерек не может быть ранее семи часов вечера (июль). А вот стемнеть могло из-за надвигающихся туч, и такое могло случиться раньше семи. Скажем, в начале шестого. Арнольди слышит выстрел. Думает, что выстрелы — обычное дело. Позже (думается, сильно позже) слуга ему сообщает, что убит Лермонтов. Арнольди идет до квартиры Лермонтова, никого там не застаёт и ложится до утра спать.

Кто еще мог быть в компании с Лермонтовым в тот день, помимо перечисленных особ? Могли быть Верзилины. Мог быть Мартынов, Васильчиков, Трубецкой, Дорохов... Да кто угодно. Разве что В.С. Голицыну было не до этого: он готовил бал.

Теперь немножко суммируем. Похоже, о «дуэли» никто не знал, включая самого Лермонтова. Время для «дуэли», если бы она предполагалось, — самое неподходящее. И главная загадка в истории «дуэли» — оставленная на месте преступления черкеска Мартынова — кафтан длиной примерно до колена, с рукавами. На груди черкески по обе стороны пришиты газырницы — специальные карманы для патронов (газырей), где находились отмеренные заранее порции пороха. Представим: убийца вынул перед Лермонтовым «патрон», вставил в ружье, выстрелил, а потом положил рядом с трупом черкеску с доказательствами преступления... Еще сложнее представить, что куча секундантов (если верить Васильчикову) не только забыла черкеску, но и бросила Лермонтова, разбежавшись по углам.

Как это объяснить? Только одним: дуэли не было, а тот, кто убил, оставил большую и объемную вещь, являющуюся уликой против Мартынова. Черкески на Кавказе носили многие, но только у Мартынова они были украшены дополнительно. З.В. Доде, изучив портрет Мартынова работы Г.Г. Гагарина, пришла к выводу, что черкеска Николая Соломоновича украшена цепочками, брошью, «обшита не одним, а тремя рядами галуна по бортам и двумя рядами по подолу и краю рукавов. Как минимум шесть рядов галуна почти полностью скрывают карманы под нагрудными патронниками. <...> У Н.С. Мартынова над патронниками пришито целых восемь затейливых пуговиц овальной формы, по четыре с каждой стороны...» Черкесок, как свидетельствовали сослуживцы Мартынова, у него было несколько. Надо

полагать, что и оружие у него было не в единственном числе: деньги имелись, оружие продавалось свободно. По версии А.В. Карпенко и В.И. Прищепа в их книге «Оправдание Лермонтову» (Карпенко — юрист, публицист, один из руководителей Управления по борьбе с организованной преступностью по Тверской области, Прищеп — полковник юстиции в отставке, заслуженный юрист РСФСР), Лермонтов был, вероятнее всего, убит из черкесского пистолета («кубача»). Из дуэльной пары «Кухенройтер», до сих пор фигурирующей в традиционной версии «дуэли», не стреляли в тот день вообще, что показало следствие.

Допустим, что Мартынов, гуляя где-то 15 июля в черкеске и с оружием, мог оставить у себя на квартире в Пятигорске еще как минимум одну черкеску и одно оружие. Где проживал Мартынов? «Частная управа числила его зарегистрированным в гостинице Натаяки, хотя Мартынов с двумя своими крепостными людьми снимал помещение во флигеле на дворе Верзилиных».

Пятигорский краевед В.А. Хачиков, посвятивший десятки лет расследованию убийства Лермонтова, подробно рассматривал в качестве подозреваемого каждого человека из окружения Лермонтова в 1841 году в Пятигорске. И отдал главную роль в инициировании убийства... Эмилии Верзилиной. Возможно ли это?

Обратимся к началу воспоминаний Э.А. Верзилиной: «Часто слышу я рассказы и расспросы о дуэли М.Ю. Лермонтова; не раз приходилось и мне самой отвечать и словесно и письменно; даже печатно принуждена была опровергать ложное обвинение, будто я была причиною дуэли».

Значит, сразу после смерти возникло предположение о том, что Э. Верзилина замешана в смерти поэта... Далее: «Однажды он довел меня почти до слез: я вспыхнула и сказала, что, ежели бы я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его из-за угла в упор». Эти слова воспринимаются как художественный изыск дамы, которая обчиталась «Героя нашего времени». Или «проговорка» по Фрейд?.. В воспоминаниях Э.А. Верзилиной есть только один факт касательно ее отношений с Лермонтовым, очевидный для окружающих: это то, что они «...провальсировав, уселись мирно разговаривать». Всякие другие детали их отношений известны со слов Эмилии, в том числе и сведения о ссоре. Цитируют также воспоминания Н.П. Раевского (В.А. Хачиков утверждает, что Раевского не было в Пятигорске в 1841 году ни на «ссоре», ни в момент убийства), но и там мы не найдем ни ссоры, ни вызова на дуэль.

Странно, но Эмилия никогда не распространялась о своей семье и о матери в частности. Не кажется ли странным, что нам об Эмилии Александровне (Клингенберг-Верзилиной-Шан-Гирей) почти ничего не известно? Что нам известно о Петре Семеновиче Верзилине? Первая жена его умерла, оставив дочь Аграфену. Об этой жене ничего не известно. Петр Семенович женится во второй раз (по расчетам, в 1825 году) на вдове, у которой дочка Эмилия примерно 11-летнего возраста. *А была ли Эмилия родной дочерью Марьи Ивановны?* Верзилины рожают еще одну дочку: Надежду. Заметим, что дата рождения Надежды известна лишь с точностью до года. Дата свадьбы выводилась исследователями из соотношения с годом рождения Надежды. Из воспоминаний Н.П. Раевского узнаем, что Петр Семенович участвовал в подавлении польского восстания и в конце 30-х (а точнее — в 1837 году) «был лишен своего атаманства». Причина лишения анекдотична: героя, которому ранее за расправу с изменниками в Польше (события в Ошмянах в начале 1830-х годов до настоящего времени характеризуются как «ошмянская резня») добавили наград и произвели в чин генерал-майора, уволили за перо на шапке. Дочь Эмилии — Евгения Акимовна Шан-Гирей, дожившая до 1943 года и регулярно проводившая экскурсии в «том самом» домике Пятигорска, скрупулезно перечисляла благотворительную деятельность матери, интересно описывала градостроительную работу отца, его вклад в систему орошения местности, но многие биографические подробности оставались и остались тайною за семью печатями.

Думается, и сама Эмилия Александровна спустя годы после «дуэли» вообще не стала бы ни о чем говорить, если бы не постоянно возникающая потребность защищаться от обвинений. Так, в мемуарах Е.А. Шан-Гирей приводятся письма матери, которые та писала, опровергая некоторые публикации. Ни в одних своих воспоминаниях Эмилия не проронила и слова, где была в день убийства до шести вечера. В ответ на статью Г. Филиппова в журнале «Русская мысль» (1890, № 12, с. 83-84) Э.А. Шан-Гирей утверждала, что писарь К.И. Карпов, сообщая об имевших место событиях на их вечерах, говорил о совершенно «неправдоподобных сценах». Эмилия Александровна категорически отрицала свое знакомство с М.Ю. Лермонтовым до 1841 года, но уже многими лермонтоведами доказано, что в этом она «ошиблась».

Известно, что не только на Кавказе, но и в столичных салонах в конце 1830-х годов ходили слухи об интимной связи Эмилии с Владимиром Ивановичем Барятинским, примерно

в 1839 году (но она могла быть и раньше). Князь якобы оставил Эмилию, «презентовав» ей 50 тысяч рублей, что подтверждал В.А. Инсарский, управляющий князя. Интересно, что в воспоминаниях Е.А. Шан-Гирей приводится семейное предание, случившееся где-то в 1830-х годах и связанное с Марией Ивановной: бабушка берет под свою опеку почти новорожденного ребенка... Сделаем смелый шаг: допустим, что слухи об отношениях Эмилии с Бярятинским верны. Представим, живет богатая семья с тремя дочерьми, одна из которых вдруг так низко падает, что дело доходит до беременности. Позор. Но трагедии не наблюдается: Верзилины дают балы, у них постоянно веселье и гости. Как вспоминал Раевский, в доме Верзилиных молодые потенциальные женихи принимались радушно, «все жили по годам, со своими слугами, на их хлебах и в их помещении, а о плате никогда никакой речи не было». Эмилия при этом ни в чем не знала отказа и, не стесняясь, флиртвала со многими мужчинами. О незавидной репутации Эмилии свидетельствовали Я.И. Костенецкий, А.И. Арнольди, В.И. Чиляев, В.С. Толстой, В.А. Инсарский, А.И. Васильчиков и другие, и это повод призадуматься.

По крайней мере, бесспорно, что:

1. Эмилия была лично знакома с В.И. Бярятинским и М.Ю. Лермонтовым, как минимум, с 1837 года.

2. Эмилия никогда не говорила о Бярятинских и отрицала знакомство с Лермонтовым до мая 1841 года.

В который раз вернемся к балу В.С. Голицына. Одни исследователи полагали, что он состоялся на следующий день после назначенного, другие — 17 июля, некоторые были уверены, что бал состоялся 18 июля. Бал должен был начаться в шесть часов в Казенном саду, под открытым небом, но не начался вовремя по случаю грозы. Время шло, непогода не прекращалась, фейерверк в дождь сотворить затруднительно, и именно поэтому бал (на который потрачено много денег) перенесли. Вероятно, на следующий день: иначе от еды и от украшений ничего бы не осталось. Бал не мог быть в день похорон, это было бы уж слишком не соответствующим к обстоятельствам. Если же делать бал на следующий день после похорон — для Голицына это то же самое, что давать второй бал, неся большие траты. Поэтому бал был перенесен из-за грозы, скорее всего, на 16 июля, и его не стали отменять из-за смерти Лермонтова. Этот момент можно учесть в рассуждениях об отношении В.С. Голицына к Лермонтову. А.И. Арнольди вспоминает: «...бал Голицына не удался, так как его не посетили как все близкие товарищи покойного поэта,

так и представительницы лучшего дамского общества, его знакомые». А вот Эмилия Верзилина, как говорят ее «недоброжелатели», плясала на том балу. И она, поправляя Арнольди в дате, на которую был перенесен бал, ничего не сказала более.

«Эмилия всё так же и хороша и дурна», — писал «секундант» А.И. Васильчиков, находясь в Кисловодске на водах и одновременно под следствием по делу Лермонтова, в письме к Ю.К. Арсеньеву. И если Мартынов каждый год 15 июля, по разным источникам, или напивался, или молился (скорее всего и то, и другое), то Эмилия Александровна на склоне лет стала рьяно заниматься благотворительностью...

Пофантазируем и мы, негоже отставать от маститых лермонтоведов.

Итак, еще 13 или 14 июля в компании курортной «золотой молодежи» была договоренность о том, как они проведут 15 июля. Известно было, кто остается в Пятигорске, кто поедет с утра в Железноводск, кто идет на вечерний бал, кто желает поохотиться (и, надо думать, эта идея инициирована убийцей). Возможно, Эмилия с матерью (которой всего 43 года) едет к завтраку или обеду в Шотландку, чтобы встретиться там с теми, кто будет охотиться. Надежда с симпатичным ей Николаем Мартыновым отправляется с ними. Но все они не выезжают одновременно: Надежда с Мартыновым, верхом, уезжают чуть ранее Эмилии и ее матери. (Здесь отступление от правил приличного поведения, но если учесть, что ответственность за честь Надежды несла ее семья, не так уж Надежда и рисковала.) После отъезда Мартынова и Надежды Верзилиной Эмилия с матерью заходят в комнату Мартынова. Эмилия заряжает ружье (несколько минут), используя патрон из газыря мартыновской черкески; возможно, взводит пистолет (усилие около десяти кг), берет подготовленное оружие и черкеску, садится с матерью в беговые дрожки, чтобы незаметно и надежно спрятать там до вечера то, что не предназначено для чужих глаз. Дрожки необходимы: если поехать верхом, то черкеску и оружие трудно спрятать. В дрожках это получится лучше. Женщины берут также свое личное оружие, которое будут демонстрировать всем на охоте.

После обеда Надежда Верзилина продолжает прогулку тет-а-тет с Мартыновым (думается, мать дала Надежде нужные советы) совсем в том же духе, что и Лермонтов с Быховец. Эмилия, получив на обеде незаметно для других уверения Лермонтова вернуться в Пятигорск в начале шестого вечера и поинтересовавшись, какой тот дорогой будет возвращаться после гуляния с Быховец, возможно, даже просит встре-

тить их с матерью дрожки ближе к Пятигорску, чтобы «кое-что» приватно обсудить. Возможно, что-то насчет его друга Мартынова и Надежды.

Лермонтов обещает встречу.

Около пяти часов (Быховец вспоминает, что расстались в пять; скорее всего, в пятом часу, ближе к пяти), расставшись с Екатериной Григорьевной, Лермонтов в ожидании экипажа Верзилиных едет по дороге к Пятигорску. Видит в стороне привязанные к кустам дрожки, недалеко от них, в траве, — лежащую на спине Эмилию с оружием в руке (курок взведен заранее: либо в комнате Мартынова, либо в ожидании на дороге Лермонтова). *Наличие оружия в руке убийцы не вызывает вопросов и удивления: все охотились, о чем Лермонтов знал.* Мать Эмилии вызывает к Михаилу Юрьевичу, прося помощи: дескать, дочери плохо.

Лермонтов, желая помочь, слезает с лошади, подходит к Эмилии, и та нажимает указательным пальцем на спусковой крючок пистолета (усилие всего два кг). При таком варианте развития событий траектория пули и расстояние будут соответствовать параметрам, установленным экспертами: выстрел произведен *с земли* с расстояния не более двух метров, а если точнее — «смертельный выстрел производился с удаления около 74 см от дульного среза до тела жертвы, т.е. практически в упор». Карпенко и Прищеп полагают, что Лермонтов был наедине с убийцей: поэт верхом, убийца — пешим. Однако в таком случае убийца не может спрогнозировать поведение лошади Лермонтова (разве что держать ее лично): лошадь могла бы понести. Это первое. Второе: убийца должен был бы приехать сам на чем-то. Допустим, тоже на лошади, которую желательно было бы к чему-то привязать (кто знает, может, и его лошадь испугается). Но тогда (если представить убийцу мужчиной) нельзя сказать, как поступил бы Лермонтов, увидев хоть стоящего, хоть лежащего вооруженного мужчину, поодаль которого привязанная лошадь. И третье: зачем тут черкеска. Лермонтов, не раз попадая в засады и благополучно обезвреживая горцев, если б только увидел, что какой-то мужчина направляет на него дуло пистолета, без сомнения, насторожился бы и не дал убить себя так *просто*. Но если предположить, что убийца — женщина, да к тому же лежит на земле, то тут, представляется, Лермонтов без сомнений сходит с дороги, не предпринимая никаких мер предосторожности, и подходит к убийце предельно близко. Эмилия, приподняв кисть руки, направляет дуло вверх и стреляет. Пороховые газы в этом случае пойдут, скорее всего, по направлению ствола (т.е. практически в землю) и вряд ли «за-

коптят» лицо, о возможности чего (если стрелять стоя с вытянутой вверх рукой) предполагали специалисты.

Эмилия ничем не рисковала. Если бы оружие не сработало или просто ранило Лермонтова, т.е. если бы каким-то причинам убить бы не удалось, можно сказать: выстрелила нечаянно в полусознательном состоянии. И даже если бы пришлось объяснять причину, по которой у нее пистолет Мартынова, — взяла пострелять на охоту по дружбе. Подумаешь, без спроса. А без газырей как же: заряжать надо.

Мать Эмилии Мария Ивановна в этой истории не только морально поддерживала дочь (или падчерицу?), но и выступала прямой соучастницей. В принципе мать и дочь Верзилины вполне могли в деле убийства поменяться местами. Однако стрелять сподручнее Эмилии. Она менее рисковала, нежели генеральша, жена уважаемого человека и мать троих девиц. Мария Ивановна взяла на себя задачи полегче: привлечь Лермонтова и проконтролировать дрожки. Почему Васильчиков, к примеру, не мог заменить одну из Верзилиных? Во-первых, любой мужчина вызвал бы подозрения у Лермонтова. Во-вторых, «союз» Верзилиных сам по себе крепок, надежен и продуктивен: поведение Марии Ивановны, *ее ложные свидетельства, запрет на допрос дочерей и отъезд после «дуэли» в Варшаву* как нельзя лучше способствовали сокрытию истины. Верзилины не стали бы рисковать: очевидцами преступления должны быть только надежные люди, а не болтливый Васильчиков.

Убедившись, что Лермонтов мертв, Эмилия или мать бросают рядом черкеску Мартынова, садятся в дрожки и уезжают. В заключении следственной комиссии об осмотре места дуэли описывается место убийства. Если отставить в сторону выдумки «секундантов», отметим: около кустарников видны были следы от беговых дрожек. Следы на дороге смылись бы дождем, начавшимся к шести вечера, а вот следы около кустов, в траве, все-таки могли остаться и после дождя.

Домчавшись в считанные минуты до Пятигорска (в начале шестого часа), Эмилия идет к себе домой, а мать шествует на квартиру к Мартынову, который уже вернулся и даже, возможно, в курсе пропажи оружия и черкески. Верзилина-мать кладет оружие где-то рядом с комнатой Мартынова, входит в комнату и говорит Мартынову, что только что видела убитого Лермонтова, рядом с которым валялась черкеска жильца. Если и есть свидетели состоявшегося разговора, то это Глебов, живший в соседней комнате и собиравшийся на бал. Другие свидетели, если и видели входящую к Мартынову Верзилину, не слышали разговора и могли вообще не при-

дать значения ее появлению: Верзилина являлась хозяйкой жилья. Место убийства Мария Ивановна в разговоре с Мартыновым описала точно; вероятно, с этим местом Мартынова даже связывали какие-то воспоминания. Мартынов (а может, и Глебов тоже) знал, вероятно, нечто, куда входит представление о силе и значении семьи Верзилиных. Друзья не имеют оснований не верить Марии Ивановне. Они не знают, что произошло на самом деле, но пистолет Мартынова, из которого недавно стреляли, лежит рядом, а его черкеска, из газырницы которой брали патрон, исчезла. В окружении знали, что Лермонтов подшучивал над Мартыновым, и тот неосторожно проявил недовольство этим фактом (заметим, всем известная «ссора» была не 13 июля, а раньше, о чем сообщал Н.С. Мартынов потом своему сыну). Если Мартынов попытается отрицать свое участие в убийстве, то его могут привлечь не только за умышленное убийство, но и за лжесвидетельство. Скорее всего, Мартынов понимал роль Верзилиных, но не имел доказательств их причастности, кроме того, истинная причина убийства Лермонтова Эмилией известна только посвященным, влияние которых огромно. Алиби у Мартынова нет: Надежда Верзилина ни за что не будет свидетельствовать о том, что провела день с молодым мужчиной. У Мартынова нет шансов на оправдание.

Верзилины отправляются готовиться на бал, на который так и не выехали из дома, потому что ближе к шести началась гроза.

Времени на размышления у Мартынова мало. Посоветовавшись с Глебовым, он посылает своего слугу Ерошку за черкеской, а заодно проверить, правда ли всё, что сказали Верзилины (а вдруг!). (Слуга, так как привлекать внимание пока нежелательно, идет пешком четыре версты туда и обратно — итого восемь верст. Такой путь занимает примерно полтора часа). Когда слуга ушел, Мартынов с Глебовым, чтобы обсудить ситуацию, идут на пятигорскую квартиру Лермонтова (буквально рядом), к дому В.И. Чилева, который сдавал также жилье Столыпину, Трубецкому и Васильчикову. Все трое друзей на месте, собираются выезжать на бал.

Хачиков В.А. приводит воспоминания Любима Ивановича Тарасенко-Отрешкова о том, что он своими глазами видел 15 июля. Получается, что он прямо-таки застал вечером момент «совещания» на квартире Столыпина и Лермонтова, где «было пять-шесть человек знакомых». Посчитаем: Мартынов, Глебов, Васильчиков, Столыпин, Трубецкой — пять человек. Тарасенко-Отрешков, посмотрев на них, едет себе по своим делам дальше. Без пятнадцати шесть.

Начинается гроза, накрапывающий дождь переходит в сильнейший ливень, на бал ехать невозможно. Друзья в смятении вновь и вновь выслушивают Мартынова. Все улики против него. Чтобы избежать наказания за умышленное убийство, надо инсценировать дуэль. Васильчиков, приплетая потом Столыпина и Трубецкого в качестве секундантов, основанием для этого имел их присутствие на «совещании», и не более того. Как авторитет в области дуэлей Васильчиков почувствовал себя в день убийства главным советчиком. Сценарий, если наличие убитого Лермонтова подтвердит слуга (в чем уже практически никто не сомневался), утвердили следующий: дуэль состоялась внезапно при одном секунданте — Глебове.

Примерно в начале восьмого вечера Мартынов и Глебов возвращаются к себе под сильным ливнем. Полвосьмого вымокший слуга вернулся с черкеской, подтвердив наличие тела Лермонтова. Глебов посылает камердинера Мартынова (Козлова Илью) и кучера Лермонтова (Вертюкова И.Н.) за смертельно раненым «дуэлянтом». Глебов (или, возможно, Мартынов) извещает Столыпина, Трубецкого и Васильчикова о смерти Лермонтова.

Около восьми часов вечера весть о гибели Михаила Юрьевича разносится по знакомым. Около десятого часа Лермонтова привозят на квартиру. Если верить слухам, то до этого тело почти час перемещали то на гауптвахту, то к церкви, пока не привезли к квартире, которую снимал Михаил Юрьевич. Со слов свидетелей известно, что в одиннадцатом часу вечера тело Михаила Юрьевича заоченело так, что руку невозможно было разогнуть, а глаза не закрывались (вспомним еще сказку о том, что Глебов держал на руках умирающего поэта и закрывал ему глаза). По степени трупного окоченения нельзя сделать точного суждения о времени смерти, но всё же такая степень — косвенное свидетельство в пользу того, что смерть Михаила Юрьевича наступила раньше шести.

«Дуэлянтов» такое время не устраивает: в показаниях они время с шести меняют аж на семь часов, место убийства меняют на более отдаленное... т.е. делают всё, чтобы сократить разрыв между убийством и явкой с повинной. В показания «секундантов» внес коррективы и дождь: он пошел ближе к шести часам и не прекращался примерно до начала девятого. Пришлось выдумывать, что дуэль состоялась под дождем.

Итак, новость о смерти Лермонтова разносится по городу после восьми часов вечера. Глебов с Мартыновым идут порознь сдаваться коменданту после того, как привезли тело Лермонтова, не раньше десяти часов вечера. Глебов сдался,

вероятно, первым. Следом — Мартынов (либо сам пришел, либо пришли арестовать). Если верить Эмилии, то Глебов успел перед явкой с повинной взять из кармана убитого карандаш, чтобы потом подарить его ей на память. Васильчиков присоединится к «сдаче» по просьбе, вероятно, начальника штаба А.С. Траскина позже на день. К слову, нет ни одного упоминания о том, что на ком-нибудь из участников спектакля было хоть пятнышко крови. Если вспомнить, что Лермонтов буквально истекал кровью, то свидетельства о том, что Мартынов обнимал его с последним «прости», а Глебов держал бережно на коленях, лишний раз доказывают лживость подобных «свидетельств».

«Секунданты» не сильно рисковали, т.к. практика показывала не такое уж тяжелое для них наказание; не довлело над ними и порицание в обществе. Но нашим «секундантам» предстояла работа: надо, чтобы люди поверили в дуэль. А то вот Руфин Иванович Дорохов сразу во всеуслышание заявил, что эта «дуэль» — чистое убийство (интересна и показательна эта первая реакция Р.И. Дорохова, лично знавшего и А.С. Пушкина, и М.Ю. Лермонтова).

Вернемся к шести часам вечера 15 июля. Повторимся, что бал князя Владимира Сергеевича Голицына перенесен *исключительно по случаю непогоды на следующий день*. Иначе с чего бы Дмитриевский (если верить Верзилиной) предложил устроить свой бал: «Приходит Дмитриевский и, видя нас в вечерних туалетах, предлагает позвать этих господ всех сюда и устроить свой бал; не успел он закончить, как вбегает в залу полковник Зельмиц (он жил в одном доме с Мартыновым и Глебовым) с растрепанными длинными седыми волосами, с испуганным лицом, размахивает руками и кричит: «Один наповал, другой под арестом!» Заметим, Зельмиц не мог сообщить указанное известие раньше десяти вечера. О смерти Лермонтова могли сообщить после восьми, но об аресте участников «дуэли» — нет. Эмилия вновь что-то «путает». По воспоминаниям Эмилии получается, что в тот же день Дмитриевский рассказал им, что произошло. Кстати, передавая этот рассказ, Эмилия ошиблась в существенной детали, а именно в том, что бандо было возвращено Быховец. На Дмитриевского, после того, как Быховец заявила, что бандо ей никто не возвращал, легла тень: исследователи полагали, что он специально не вернул вещицу. Странно вообще, зачем Эмилии спустя годы передавать подробности дуэли со слов Дмитриевского, ведь ей рассказывали свои версии и «непосредственные участники». Она же упомянула со ссылкой на Глебова лишь сказочную сцену с его многочасовым сидени-

ем под дождем (в позднем варианте Васильчикова под дождем сидел он и Трубецкой).

Опрос Мартынова, Глебова и Васильчикова начался 17 июля, потом были опрошены слуги и госпожа Верзилина (хозяйка дома). Больше показаний никто не давал. Удивляет поверхностный осмотр врача И.Е. Баркляя де Толли. Усиливает недоумение один момент: буквально через неделю после смерти Лермонтова в Пятигорске умирает пятидесятилетний врач И.Е. Дядьковский, профессор Московского университета с 1831 года по 1836 год, привезший Лермонтову летом 1841 года письма от Е.А. Арсеньевой. Причина смерти — неверная дозировка лекарства (?). Вспомним еще, к слову, сказку Васильчикова о невозможности найти врача раненому «дуэлянту».

Великая заслуга в том, что дело о дуэли быстро фабриковалось и велось в нужном русле, принадлежит начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории полковнику А.С. Траскину. По мнению В.С. Нечаевой, Траскин знал о надзоре над Лермонтовым, содействовал его осуществлению, организовал следствие и консультировал «секундантов» по поводу «дуэли». По правилам дуэли должны быть парные пистолеты, специально подготовленные; если бы в деле «нарисовался» пистолет Мартынова, из которого действительно был произведен выстрел, о сценарии «дуэли» можно было бы забыть сразу. Поняв, что *в деле отсутствует оружие* (!), Траскин и В.И. Ильяшенков способствовали приобщению к делу пистолетов «Кухенройтер», не имеющих к дуэли, как уже говорилось, никакого отношения. Но наспех схваченные «Кухенройтеры» могли опять испортить весь сценарий, и тогда «Ильяшенков организовал замену вещественных доказательств», приобщив к делу некие другие пистолеты («принадлежащие убитому на дуэли поручику Лермонтову, из которых он стрелялся...»), которые потом вообще растворились в воздухе. Но это уже было не важно: как только дело было передано в военно-судную комиссию, Траскин способствовал его прекращению. С.И. Недумов, исследуя роль Траскина в деле о «дуэли», пишет: «Траскин как нельзя более подходил для проведения любой интриги». Но Траскин — не более как исполнительная фигура в большой игре. Без сомнения, он был с единомышленниками и помощниками. Э.Г. Герштейн и Е.И. Яковкина писали о роли в этом сценарии А.Н. Кушинникова, который осуществлял «тайный надзор» на Кавказе. Яковкина задается вопросом: «Не являлся ли агентом Кушинникова домохозяин Чилиев?». Фигура Василия Ивановича Чилиева в деле убийства Лермон-

това почему-то до сих пор в работах исследователей остается в тени, хотя Яковкина давно указала на лживость показаний Чилиева.

Карпенко и Прищеп полагают, что Глебов рассказал полковникам В.И. Ильяшенкову и А.С. Траскину «что-то о своих действиях», а возможно, и о Верзилиной, сообщившей об убитом, и хотел представить дело так, что он является единственным секундантом. Его арестовали и объяснили, что Верзилиных вмешивать ни в коем случае нельзя, а на роль единственного секунданта он не годится: у Глебова плохо действовала в тот момент правая рука (после ранения). А так как «дуэль без секундантов и очевидцев — это убийство», то нужен еще один «секундант». Второй «секундант» Васильчиков появился утром 16 июля. Его, вероятно, уговорили, а может, и *обязали*, так как «выдвинутая фигурантами версия скрываемой от властей дуэли казалась менее опасной военачальникам, чем убийство по их недосмотру за войсками и населением».

Траскин давал рекомендации, как следует из записок, которыми обменивались Мартынов, Глебов и Васильчиков, говорить только о четырех участниках. Глебов и Васильчиков стали вдохновенно сочинять о том дне, когда якобы произошла «ссора»: «Кроме нас четверых в то время никого не было в доме Генеральши Верзилиной». Кстати, Мартынов, возможно, намеренно «брякнул» про дом Верзилиных, что послужило поводом к допросу М.И. Верзилиной. Не было ли у «дуэлянта» слабой надежды на допрос всех Верзилиных, одна из которых могла подтвердить его алиби?.. И на что он мог надеяться после того, как увидел горячую готовность *всего* окружения придумать недостающие доказательства «дуэли»... Мартынов понял, что наказание для него будет мягким, и смирился. Тем более, повторимся, он не знал, что же произошло на самом деле.

Мартынов признался в убийстве сам (что облегчило ход следствия колоссально), ради него лжесвидетельствовали друзья, «закрывало глаза» начальство. Наказание гауптвахтой закончилось осенью 1841 года, а в 1845 году, как только сняли епитимью, Мартынов женился. Каждый год жена рожала ему ребенка (всего они родили одиннадцать детей). Небольшое отступление: один исследователь (не станем популяризировать откровенные бредни) дошел до того, что заявил: Е.А. Арсеньеву за всё плохое (!) покарал Господь (!), дав ей только одного ребенка (Мария, к слову, не единственный, но *единственный выживший* ребенок). Если исходить из этой «логики», то Мартынов точно не убийца.

В 1849 году родной брат Акима Павловича Шан-Гирея (друга и родственника Лермонтова) — Алексей — женился на Надежде Верзилиной. Вскоре (в 1851 году) и Эмилия вышла замуж за самого Акима Павловича. Таким образом, «вытаскивание» «белья» из дома Верзилиных стало абсолютно невозможным при жизни участников трагедии и после их смерти — ради детей.

Дважды принимаясь за написание исповеди (кстати, а зачем?), Мартынов вновь и вновь не мог выбраться из колеи вранья. То он был «в близких отношениях» с Лермонтовым, то вдруг жизнь последнего была ему «вовсе неизвестна»; то вдруг вспоминал постоянные издевательства Лермонтова над новичками в Юнкерской школе, то вдруг утверждал, что Лермонтов вообще провел в этой школе благодаря связям бабушки «едва ли и несколько месяцев». Выделим также ключевую фразу в «Исповеди» Мартынова: «...я чувствую желание высказаться, потребность облегчить свою совесть откровенным признанием самых заветных помыслов и движений сердца по поводу этого несчастного события». И ключевое слово: *признанием*. Не покаянием! Признанием. Но не судьба. Родственники Мартынова продолжили его дело и очернили Лермонтова так, что не пожалели и родную сестру Николая Соломоновича. Посмотрим еще на положение Мартынова с другой стороны: он был «приговорен» к епитимье. Т.е., пока ее не снимут, он не может официально жениться. Чтобы епитимью сняли, он должен раскаяться в убийстве. Он раскаялся. В противном случае, если бы (допустим) Мартынов на исповеди начал утверждать, что убил не он, то церковное наказание длилось бы до смерти. Теперь представим: Мартынов прощен, женится, ходит в церковь, крестит детей, справляет именины, стареет, дряхлеет и пишет исповедь, где признаётся, что всё это время, подходя к причастию, врал, а на суде лжесвидетельствовал. И клеветал на Лермонтова. Как отнесутся к этому в первую очередь родные, которых, получается, он тоже обманывал? И, опять же, где доказательства невинности? Их нет.

И вот теперь вновь вернемся к «красным» Бяратинским.

В 1840 году А. Бяратинский и Лермонтов — однополчане. «Лермонтову, несомненно, ясна историческая необходимость присоединения Кавказа к России; но мыслит он этот акт как дружеское слияние двух культур. <...> Иными были ощущения Бяратинского в бою, иными и точки зрения его...». Л.Н. Толстой в рассказе «Набег» изобразил Бяратинского, которого он воочию видел в бою. Это безжалостная машина

для убийства *с наслаждением*. Владимир Бярятинский был единомышленником старшего брата, был в курсе всех его дел и помогал ему: карьеры их стремительно шли в гору. В. Бярятинский точно был в Пятигорске в то же время, что и Лермонтов, что и Э. Верзилина в 1837 и в 1841 году (о 1841 годе пишут Л.Н. и Е.Б. Польские со ссылкой на М.Г. Ашукину). Лермонтов не мог не знать об отношениях (которые, вероятнее всего, имели место) Эмилии с В. Бярятинским. И не мог поэт ухаживать за ней, даже в память о якобы имевшей место детской любви к Верзилиной. Лермонтов в принципе был осторожен в отношениях с женщинами.

А если предположить, что Эмилия (с согласия и поддержки матери) являлась одним из главных людей князей Бярятинских и исполняла их поручения? Личной причины ненавидеть Михаила Юрьевича у Эмилии не было, хоть она и пыталась усиленно приписать поэту отвратительные качества характера. Легенда об ужасном характере Лермонтова, созданная Эмилией (в этом с ней может соперничать Е.А. Сушкова — тоже та еще дама), подхваченная Мартыновым и Васильчиковым, а после и многими «вспоминальщиками», была частью сценария «дуэли».

Портрета матери Эмилии — Марии Ивановны — не представляется возможности представить, а вот Эмилия в 1841 году, как следует из вышеизложенных фактов, далеко не невинная девочка (здесь не имеется в виду физическая сторона дела). Эмилия вполне может участвовать в политических играх. А если допустить, что Лермонтов ранее был одним из *играющих* (о чем позволяет судить его участие в тайных заседаниях у Трубецких, а потом и в «кружке шестнадцати», где, по-видимому, произошел «раскол»), то возможно, что Лермонтов к 1841 году воспринимался другими *игроками* как отверженный, как предатель. Заметим, что подобное отношение испытал Пушкин, вернувшись из Михайловского (где окончательно произошел его духовный переворот) в Москву: «Москва, — свидетельствует современник Пушкина С. Шевырев, — приняла его с восторгом: везде его носили на руках. Приезд поэта оставил событие в жизни нашего общества. Но всеобщий восторг сменился скоро потоками гнусной клеветы, как только в масонских кругах общества стал известен консервативный характер мировоззрения возмужавшего Пушкина». (Н. Кофырин приходит даже к выводу, что травлю Пушкина организовали те масоны, которые не придерживались традиционной половой ориентации.) Б.П. Башилов пишет, что далее по отношению к поэту «начинаются преследования со стороны полиции, продолжав-

шиеся до самого убийства Пушкина», а Николай I был не в состоянии защитить Александра Сергеевича. Так как мы проводим параллель между убийством Пушкина и Лермонтова, надо полагать, что подобное положение дел имело место и по отношению к Лермонтову.

Еще одна существенная линия для размышления: диплом рогоносца был разослан в количестве восьми экземпляров (Пушкину, Вяземским, Карамзиным, М.Ю. Виельгорскому, В.А. Соллогубу, братьям Россетам, Е.М. Хитрово, а также — К.В. Нессельроде); сам Пушкин писал Бенкендорфу, что письмо получили «семь или восемь» человек. Семь — важное число в масонстве, черпающем символику из Священного Писания (например, в Откровении — семь печатей, семь церквей, зверь-антихрист «есть восьмой, и из числа семи» (Откр.17: 11) и т.п.); а семь масонов считаются уже полноценной ложей. Известно, что в момент «дуэли» в Пятигорске были члены «кружка шестнадцати». Сколько их было? Можно держать пари, что вместе с Лермонтовым — восемь.

Эмилия отрицала не только знакомство с Лермонтовым до 1841 года, но и любые ассоциации ее с княжной Мери в «Герое нашего времени». Действительно, Мери у Лермонтова — собирательный образ, как и все в этом произведении. Но тем не менее сразустораживает описание внешности Мери: «...закрытое платье gris de perles, легкая шелковая косынка вилась вокруг ее гибкой шеи. Ботинки couleur rose стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления». Ботинки красно-бурого цвета. Цвете крови? «Непосвященный» ахнул бы от удивления? Уж не красная ли тематика? Далее диалог Печорина с Грушницким:

«Эта княжна Мери прехорошенькая, — сказал я ему. — У нее такие бархатные глаза — именно бархатные: я тебе советую присвоить это выражение, говоря об ее глазах; нижние и верхние ресницы так длинны, что лучи солнца не отражаются в ее зрачках. Я люблю эти глаза без блеска: они так мягки, они будто бы тебя глядят... Впрочем, кажется, в ее лице только и есть хорошего... А что, у нее зубы белые? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь о хорошенькой женщине, как об английской лошади, — сказал Грушницкий с негодованием».

Сначала о лошади. Известно, что Барятинские были помешаны на лошадях, а старший, Александр, заказывал писать их портреты. Далее. Акцент на слове «бархатный» несомненен. Трубецкой, имевший теснейшие отношения с императрицей, звался, как помним, «Бархат» за красивые гла-

за. Возможно, здесь также намек на «Бархатную книгу», куда вписаны знатнейшие семейства, ведущие свой род от царских кровей. Последнее переиздание книги было осуществлено Н.И. Новиковым в 1787 году, известным деятелем франкмасонства с углублением в розенкрейцерство. А теперь вспомним символ розенкрейцеров и красивое прозвище Эмили Верзилиной — «Роза Кавказа». И как-то так получилось, что около Лермонтова 15 июля 1841 года оказались те, кто так или иначе *связан*.

А более всех — Мартынов.

Во-первых, конечно, он был свой, *посвященный*. Возможно, еще и связанный дополнительно карточными долгами (есть мнение, что и службу он покидал вынужденно из-за нечестной карточной игры).

Во-вторых, Мартынов был в отставке. Если бы дело пошло не по намеченному руслу, то к военному ведомству не было бы много претензий: де-факто Мартынов уже был не военный. Кроме того, военного могли в течение 24 часов непредвиденно переместить приказом по разным обстоятельствам, и тогда план сорвался бы. С другой стороны, так как де-юре Мартынов не уволен (приказ еще не пришел), расследование легче передать военному ведомству, что давало возможность упростить процесс следствия и скрыть преступление.

В-третьих, Мартынов флиртовал с женщинами Верзилиными, проживал на их территории, мог ежедневно находиться рядом с Лермонтовым, и любую дружескую словесную перепалку с поэтом можно было в случае необходимости выдать за оскорбление. Мартынов был вооружен.

Кандидатура самая подходящая. Но не им была организована *большая игра*, она была инициирована *большим светом*. Мартынов в этой игре — пешка. Он, вероятно, к 1841 году сознал, что его близость к поэту приведет к тому, что рано или поздно придется оказаться рядом с Лермонтовым в *неподходящий момент*, и именно этим можно было бы объяснить слова Мартынова о том, что если не тогда, то в другой раз он убил бы Лермонтова. Слова эти, теперь уже всем известные, опубликовал А.С. Кончаловский в сборнике «Низкие истины», где сообщил, что убийца Мартынов сам сказал об этом графу Алексею Алексеевичу Игнатьеву, а тот, в свою очередь, передал их Кончаловскому. Однако «...есть в этом рассказе режиссера одна неточность, которая разом разрушает всё это свидетельство «современника»: Мартынов умер еще в 1875 году, а Игнатьев родился только в 1877 году. И, значит, встретиться они никак не могли! И, если уж многие

до сих пор верят приведенному свидетельству Кончаловского, почему бы не поверить словам С.В. Чекалина о том, что он читал воспоминания вдовы Мартынова, опубликованные в 1911 году (к сожалению, не удалось установить источник). Примерные слова вдовы: «Мартынов был ширма. Его взвинтили на дуэль. И Мартынов был мучеником всю жизнь после этого убийства. В особенности когда понял свою роль подставного лица». Тот, кто спрашивал, был уверен в «канонической» версии. Но как можно быть «подставным лицом», будучи убийцей? Трагизм же роли Мартынова заключается в мировой славе убийцы великого русского поэта. О такой славе, увеличивающейся с годами, Мартынов, похоже, вначале даже не задумался.

А теперь посмотрим, кто авторы первых известных биографий Пушкина и Лермонтова.

После смерти Пушкина немедленно к сбору документов приступил князь Петр Андреевич Вяземский, который, вероятно, был поставлен во главе комиссии по расследованию дуэли (а, возможно, и **имел к ней отношение**). Догадавшись (или зная) о правде, Вяземский создает правдоподобную легенду, за что получает много благ, ласку двора и богатые возможности под покровительством... князя Александра Барятинского. За биографию Пушкина также одними из первых взялись Петр Иванович Бартенев и Павел Васильевич Анненков. Особенно постарались они придать организации, которую посещал А.С. Пушкин, характер непотребности, даже некоторого разврата. Между тем, Щеголев называет утверждения биографов баснями и утверждает, как минимум, политический характер кружка. П.И. Бартенев играл странную роль и в биографической истории Лермонтова: так, именно Бартенев первый опубликовал более чем сомнительного авторства стихотворение «Прощай, немытая Россия...», но почему-то скрыл список стихотворения «Христос Воскресе», сделанный рукой Е.П. Ростопчиной и подписанный полным именем «Лермонтов».

У Лермонтова первым биографом был Владимир Харлампиевич Хохряков: бескорыстный ученый, предпринявший гигантские усилия по сбору материалов для биографии Лермонтова. Но Хохрякова постигла неудача: часть материалов была утеряна, лишь некоторые рукописи были сданы в Публичную библиотеку. Большая часть материалов была передана Хохряковым П.А. Висковатому по его просьбе с обещанием также отдать их в Публичную библиотеку. Висковатый не выполнил обещания. Материалы пропали. М.Г. Ашукина-Зенгер пишет: «Следует иметь в виду, что П.А. Виско-

ватов (Висковатый) с 1868 г., около двух лет, числился по военному ведомству состоящим для особых поручений при фельдмаршале кн. А.И. Барятинском»...

Итак, подытожим: *убить Лермонтова с целью его дискредитации могла Эмилия Александровна (Клинггенберг-Верзилина-Шан-Гирей), не без ведома своей матери (или мачехи), по непосредственному заказу Барятинских.* Надо полагать, что желания князей Барятинских совпадали еще с чьими-то желаниями.

В.А. Хачиков, отдавая главную роль в инициировании убийства Эмилии Верзилиной (он полагал Эмилию организатором), подробно останавливается на каждом человеке из окружения Лермонтова в 1841 году в Пятигорске. Верной ему представляется мысль, что никто из «секундантов» не был единомышленником Лермонтова, поэтому вранье и молчание не было для них непосильно. Но убить его из них вряд ли бы кто решился. А если бы решился, то мог бы сделать это незаметно, свалив всё на горцев. В принципе, свыше и планировалось, что горцы убьют. Но Лермонтов оставался жив, да еще постоянно отличался в операциях, что «поднимало рейтинг» поэта. Если бы в таких обстоятельствах состоялось убийство, то поэт вышел бы уже национальным героем. Но и это было бы не страшно. Самое страшное и опасное для *большого света* — это замысел поэта написать явно, без шифровки серьезную вещь. Потому что то, что могли понять посвященные, Лермонтов уже написал в «Маскараде», «Герое нашего времени», «Штоссе».

В этой связи представляется интересным исследование математика и социолога С.Н. Петрищева о произведении «Штосс». Так, исследователь полагает, что «повесть «Штосс» у Лермонтова такая же «неоконченная», как и «Альфонс садится на коня» у Пушкина, и мистифицированная подобно последней пушкинской мистификации «Последний из собственников Иоанны Д'Арк», где они оба зашифровали результаты своих расследований происхождения пасквильного «диплома Ордена рогоносцев». Действительно, литературоведческий анализ многих произведений Лермонтова доказывает политическую основу его текстов. В «Штоссе» мотивы убийства Пушкина столь очевидны, что диву даешься, как исследователи умудряются до сих пор игнорировать этот факт.

Так, название неоконченного произведения Лермонтова соотносится с сюжетом «Пиковой дамы» Пушкина: главные герои обоих произведений играют в карточную игру штосс (штос, стос, банк, фараон). Антропоним главного героя

«Штосса» — Лугин — соотносится с городом Луга (Ленинградская область), через который Пушкин проезжал не менее 13 раз, в Луге останавливалась траурная повозка с гробом Пушкина. Лугин снимает квартиру под номером 27. 27 числа произошла дуэль Пушкина. Лугин говорит о своем ужасном душевном состоянии: «...у меня сплин». Пушкин — первый, кто ввел это новомодное слово в русскую литературу в «Евгении Онегине». Лугина кто-то подталкивает к тому, чтобы он заинтересовался загадочным домом Штосса. «На современной карте [Санкт-Петербурга. — В.О.] дом, который, по нашему мнению, увидел Лугин, обозначен как Дом Бахерахт — Дом Евреинова (по адресу Столярный пер., 11/ Казначейская ул., 9. <...> О госпоже Бахерахт известно в связи с дуэлью Лермонтова с атташе французского посольства Эрнестом де Барантом, но вот и пушкинский мотив: секретарь отца Эрнеста де Баранта был секундантом со стороны Дантеса на дуэли с Пушкиным. Дуэльные пистолеты, из которых убили Пушкина, принадлежали семье Барантов (и не столь важно, кто именно их одолжил для дуэли)».

«Дом обнаруживается, и пропавшим его владельцем является некий Кифейкин. Кифей (Кефей, Цефей) — персонаж древнегреческой мифологии — царь Эфиопии. Происхождение Пушкина связывалось в представлении многих с Эфиопией: это название часто отождествлялось с Африкой. Переезжать на новую квартиру Лугину помогал старый камердинер *Никита*: у Пушкина был верный камердинер Никита Тимофеевич Козлов, который нес барина после дуэли до постели на руках». Лугин выбирает комнату с таинственным портретом мужчины, и «перед тем, чтоб лечь в постель, он подошел со свечой к портрету, желая еще раз на него взглянуть хорошенько, и прочитал внизу вместо имени живописца красными буквами: *Середа*».

27 января 1837 года — *среда*. О мотиве *красного* в деле дуэли Пушкина уже говорили. На зеленых обоях (цвет игрового сукна) комнаты в квартире № 27 были изображены «красные попугаи и золотые лиры» (кавалергарды и поэты?).

Это лишь некоторые очевидные моменты; кроме них, при тщательном литературоведческом анализе с использованием мотивного метода можно установить соотнесенность «Пиковой дамы» Пушкина и «Штосса» Лермонтова с мотивами убийства Павла I.

Процесс «дешифровки» произведений Пушкина и Лермонтова сложен для нас, читателей XXI века, но для образованного светского человека XIX века, тем более приближенного к императорскому двору, этот процесс, вероятно, не пред-

ставлял сложностей. Согласимся с мнением С.Н. Петрищева: Лермонтов после «Штосса» уже был приговорен. В мае 1841 года убийство следовало сильно поторопиться, так как могло иметь место явное обнаружение Лермонтовым тайной информации.

Согласимся с выводом А.В. Карпенко и В.И. Прищепа: «*Не было даже нечестной дуэли*». И главной целью убийства Михаила Юрьевича Лермонтова была его *дискредитация*, потому что еще в 1837 году он заявил: «...*правда* всегда была моей святыней...». Только для такого убийства необходимы огласка и наличие участников спектакля. И, надо сказать, спектакль удался: Лермонтова на века обвинили в преступлении, за которое христиан лишают православного погребения.

Послесловие

2022 год. Пятигорск. 15 октября, день рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. В Государственном музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова — праздник, гуляния. На городском кладбище рядом с Свято-Лазаревским храмом безлюдно. У обелиска с мемориальной доской на месте предполагаемого первоначального захоронения Лермонтова — скромные свежие цветы. Тут же — семейный склеп Верзилиных. В церкви народу немного, полумрак. Ищу и не могу отыскать икону Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость», которую привезла в Пятигорск после гибели внука Елизавета Алексеевна Арсеньева.

— Где же икона? — не выдержав, спрашиваю свечницу в притворе. Объясняю, какую икону ищу.

— А! Да вот же она! — тычет рядом с собой свечница.

Я обомлела. В проходе, обтираемая плечами прихожан, висела икона Лермонтовых. Подсвечника перед ней не было...

После посещения музея я, хоть и дала зарок молчать, не выдержала и, когда группа разошлась, пристала к экскурсоводу:

— А почему вы не рассказываете, что есть около двадцати версий «дуэли» Лермонтова?

Дама посмотрела на меня с осуждением.

— У нас политика такая. Семья Верзилиных внесла большой вклад в развитие музея.

— Хорошо. Но как вы относитесь к трудам вашего известного краеведа Вадима Хачикова? Он же осмелился усомниться в непричастности Эмилии Верзилиной.

— У нас политика. И мы это не обсуждаем. Мало ли кому чего в голову взбредет.

Ничего более не добившись, пошла гулять по улочкам Пятигорска. Дошла до рынка. Разговорилась с продавцом, мужчиной.

— Приезжая, да? По лермонтовским местам? Да, поэт какой замечательный. Жалко, убили.

— В музее была, про дуэль послушала.

— Ай, неправда. Никакой дуэли не было, мы все это знаем. Убили его. И где даже — неизвестно. Там памятник сам по себе стоит, а не на месте убийства. И город наш — город Верзилиных, и музей — ихний. А всё это вместе — политика и бизнес.

Воистину.

Список использованных источников:

Ашукина-Зенгер М. О воспоминаниях В.В. Бобарыкина о Лермонтове // М.Ю. Лермонтов. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. II. С. 741—760.

Башилов Б.П. История русского масонства. М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. 640 с.

Беличенко Ю. Лермонтов. Роман документального поиска // Подъем. № 5 (С. 140—171), № 6 (С. 125—161), 2002.

Бирюков В. Сплин. Из «Диалектических экзерсисов на русскую тему» // Новый мир. № 3, 2006. С. 120—131.

Виноградова О.Н. М.Ю. Лермонтов. Фантазии и факты. Ярославль: Факел, 2021. 224 с.

Виноградова О.Н. Апокалиптические мотивы в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 236—240.

Виноградова О.Н. Шекспировские мотивы и мотив убийства Павла I в «Пиковой даме» А.С. Пушкина и «Штоссе» М.Ю. Лермонтова // XXIX Шекспировские чтения 2022 (29th Shakespeare Readings 2022): сборник аннотаций докладов. М.: Изд-во МГУ, 2022. С. 37—39.

Виноградова О.Н., Карпенко А.В. Пушкинские мотивы в «Штоссе» М.Ю. Лермонтова // Перекрёстки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве. Материалы Восьмых Международных научных чтений. В 2-х ч. Часть 2. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского. 2022. 278 с. С. 27—36.

Герштейн Э. Лермонтов и семейство Мартыновых // М.Ю. Лермонтов. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. II. С. 601—706.

Граф Воронцов — тайный агент Британской империи в русской истории. ЧАСТЬ 2.

Гребенников В.В. А.С. Пушкин и спецслужбы России». URL: <http://www.cryptohistory.ru/information/spushkin-i-specsluzhby-rossii/> (дата обращения: 4.04.2024).

Дамианиди М.Ф. Мемуары Евгении Акимовны Шан-Гирей. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/vospominaniya/damianidi-memuary-shan-girej.htm> (дата обращения: 10.09.2020).

Доде З.В. «Горец с большим кинжалом»: реплика по поводу костюма Н.С. Мартынова // Лермонтовские чтения. 2010. Сб. статей / МЦБС им. М.Ю. Лермонтова. СПб., 2011. С. 183—193.

Дуэль Лермонтова с Мартыновым: (По материалам следствия и военно-судного дела 1841 г.): сборник / Сост. Д.А. Алексеев. М.: Русслит, 1992. 95 с.

Есипов В. Сановник и поэт. К истории конфликта Пушкина с графом М.С. Воронцовым // Новый мир. № 6, 2006. С. 140—157.

Захаров В.А. Загадка последней дуэли: Документальное исследование. М.: Русская панорама, 2000. 351 с.

Карпенко А.В., Прищеп В.И. Оправдание Лермонтову. Нальчик: ООО «Телеграф». 2014. 223 с.

Кончаловский А.С. Низкие истины. М.: Совершенно секретно, 1998. 381 с.

Кофырин Н. Засекреченный Пушкин и рассекреченный. URL: https://subscribe.ru/group/mir-iskusstva-tvorchestva-i-krasoty/14476939/?utm_campaign=subscribe-group-grp&utm_source=subscribe-groups&utm_medium=email (дата обращения: 20.09.2020).

Краваль Л. Разгаданный ребус // Наука и жизнь. № 4, 1999. С. 70—74.

Крюков С. Александр Сергеевич Пушкин: гениальный поэт и... разведчик. URL: http://tg-zenit.ru/rossia/pushkin_genialniy_poet_i_razvedchik.html (дата обращения: 2.05.2024).

Ласкин С.Б. Вокруг дуэли: Документальная повесть. СПб.: Просвещение, 1993. 253 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4 т. Л.: Наука. 1979—1981.

М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. литература, 1989. 690 с.

Мануйлов В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.; Л.: Наука, 1964. 198 с.

Марченко А.М. Перечитывая «Маскарад». К 170-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова // Новый мир. № 10, 1984. С. 228—242.

Михайлова А. Новонайденное письмо о дуэли и смерти Лермонтова // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 487—492.

Муханов В.М. Кто «ушел» князя Барятинского с Кавказа? (причины его ухода с поста наместника России на Кавказе). URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/LMNS2002/10.htm> (дата обращения: 4.06.2020).

Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во. 1974.

Неизвестные воспоминания о деятельности М. С. Воронцова в Крыму, 1836—1845 // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2010. [Т. XIX]. С. 708—736.

Нечаева В.С. Суд над убийцами Лермонтова: («Дело штаба Отдельного Кавказского Корпуса» и показания Н.С. Мартынова) // М.Ю. Лермонтов: Статьи и материалы. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 16—63.

Низкие истины / Московское Лермонтовское общество. URL: https://vk.com/wall-68664163_8842 (дата обращения: 4.09.2020).

Николаева Т.М. Баронесса и князь или маркиза и виконт // Антропология культуры. М., 2005. Вып. 3. С. 176—196.

Николаева Т.М. О чем рассказывают нам тексты? М.: Языки славянских культур, 2012. 328 с.

Новиков В.И. Были ли знакомы Пушкин и Лермонтов? // Литературоведческий журнал. № 35, 2014. С. 135—145.

Орлов В.Е. Политические игры на петербургском паркете. Пушкин — свидетель, участник... или жертва. URL: <https://pouchkin.com/archive/politicheskie-igryi-na-peterburgskom-parkete-pushkin-svidetel-uchastnik-ili-zhertva/> (дата обращения: 4.07.2022).

Пажитнов Е. Генеалогия рода Николая Соломоновича Мартынова. URL: <https://proza.ru/2014/09/05/1573> (дата обращения: 4.06.2020).

Петрищев С.Н. Нам всем поможет Ревизор... URL: <https://proza.ru/2019/06/21/696> (дата обращения: 20.09.20).

Пока мы живем, жив и Пушкин. Директор Литературного форума Владимир Орлов отвечает на вопросы Сергея Арутюнова. // Народное образование. № 3, 2019. С. 20—28.

Польский Л.Н., Польская Е.Б. Лермонтов в Пятигорске. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/bio/polskij-lermontov-v-ryatigorske.htm> (дата обращения: 4.06.2020).

Пушкин А.С. А.Х. Бенкендорфу. 21 ноября 1836 г. В Петербурге. / Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т.

Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977—1979. Т. 10. С. 320—322.

Сафонов М.М. Кровь Пушкина и на семействе Вяземских? // Петербургский исторический журнал. № 3, 2019. С. 289—315.

Скрынников Р.Г. Дуэль Пушкина. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 368 с.

Хатюшин В.В. Странности биографии, или Тайна жизни Пушкина // Молодая гвардия. № 5—6. С. 184—189.

Хачиков В.А. Тайна гибели Лермонтова. Все версии. М.: АСТ, 2014. 480 с.

Чекалин С.В. Лермонтов. Знакомая с биографией поэта... М.: Знание, 1991. 256 с.

Щеголев П.Е. Первенцы русской свободы. М.: Современник, 1987. 494 с.

Яковкина Е.И. Последний приют поэта. Домик М.Ю. Лермонтова. Ставрополь: Книжное изд-во «Ставрополь». 1965. 208 с.

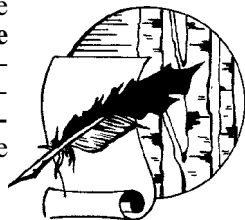
КОСМИЗМ ЛИЗНЁВА, ИЛИ ВИДЕНИЕ НА МОСКВЕ-РЕКЕ

Истинное чтение есть своего рода **художественное** ясновидение, которое призвано и способно верно и полно воспроизвести духовные видения другого человека... Заполнить «пространства» души, созерцать нематериальное, отождествляться с неизвестными или даже умершими людьми И вместе с автором художественно и мыслительно постигать сущность Богозданного мира.

И.А. Ильин. «Поющее сердце»

Воистину, только пророк считывает пророка. И, подобно тому, как все мы, хотим того или нет, «ходим пред Богом», Лизнёв создавая фильм «Шаги» словно предстоял пред Фёдоровым и Достоевским, писавшим о Фёдоровских идеях: «Я прочёл их как бы за свои», и Толстым: «Я чувствовал себя в силах защитить их». Быть может, и пред прямыми учениками Николая Фёдоровича — Циолковским, Вернадским, Чижевским...

Независимо друг от друга Фёдоров и Достоевский пришли к одной и той же идее. Рефреном звучит у Фёдорова: «**Не отделять знания от блага**, внести в научные исследования и технические изобретения главный, ясный **нравственный критерий**... Пробуждение и культивирование

ПАМЯТЬ

активной любви детей к родителям в сознании того, какое участие отцы, предки принимали в общей истории страны и мира, делающее историю близкой, святой для всех». Николай Фёдорович называл это «отечествоведением», а Пушкин «любовью к отеческим гробам, любовью к родному пепелищу». О, если б роковое, убивающее всё живое, отнявшее у нас ещё одно поколение ЕГЭ можно было бы заменить «отечествоведением»!

Николай Фёдорович Фёдоров владел в совершенстве всеми основными европейскими языками и несколькими восточными. Дышал, жил красотой русской природы, русской иконописи и зодчества. До необозримых глубин погружаясь в мировоззрение простого крестьянского люда, он получил, от Бога таинственное знание, великую вранду о своём народе и заговорил на его языке подобно Пушкину, которого питали этим святым млеком верный дядька его Никита Козлов и «мамушка» Арина Родионовна.

Борис Александрович Лизнёв всё детство и отрочество летом жил в Моршанской деревне Тамбовского уезда. Луга, птицы, благоуханные травы и небо, огромное звёздное небо завораживали его. Казалось, ему дано было и днём всё ещё видеть эти неправдоподобные огромные и такие близкие звёзды, а посреди ночи всё ещё слышать голоса утренних птиц... Так открывался пред ним русский космос — необъятной таинственной и бесконечно любимой Родины.

В Москве, где родился, он ничего не забыл, ничего не утратил из мира своего незабвенного детства, ибо все эти миры отразились потом в его творчестве, как облака, плывущие в прозрачном озере Беловодья... Окончив, операторский факультет ВГИКа, Лизнёв, постепенно создал свой неповторимый киноязык в таких работах, как «Скобелевский марш» (2004 г.), «Полк, смирно!» (2006 г.), «Видения на Неве» (2007 г.), «Царское дело» (2008 г.), «Последний бал» (2012 г.), «Звезда утренняя» (2013 г.).

А начиналось всё с «Вологодские, Тамбовские, Тверские» (1991 г.). Но, увы, так же, как ни один русский человек не может обрести, услышать уникальную запись Астафьевской «Царь-рыбы» в немыслимом исполнении Валерия Барина, так же не видим мы ни на телеэкране, ни тем более в кинотеатрах фильма Лизнёва. Зрители знают и помнят только его операторскую работу в художественном фильме «Выйти замуж за капитана» с неподражаемой Верой Глаголевой, снявшей как режиссёр в конце своей короткой жизни лучшую экранизацию Тургенева (после «Аси» Хейфица), его «Месяц в деревне» («Две женщины», 2014 г.) с выдающейся русской

актрисой Анастасией Астраханцевой и совершенно укоренённым в русской культуре Ральфом Файнсом в главных ролях. О, если б сегодня в РФ хоть один актёр мог бы так сыграть Евгения Онегина, как Файнс, потрясший нас в 1999 году в фильме режиссёра и его сестры Марты Файнс!

Память — это такой же неопознанный «объект», как время. Каким-то непостижимым образом она удерживает в своих глубинах самое... высокое. Отчасти это происходит ещё и от того, что видимая «реальная» жизнь (особенно последних 5, а может 15 лет) проходит в каком-то параллельном ей, памяти, мире воинствующей пошлости и торжества цифровизаций, оптимизаций, инсталляций и, как итога, — искусственного интеллекта, который велено «масштабировать». А, между тем, наше подлинное будущее, в прошлом. Фёдор Михайлович говорил, что красота спасет мир, а Товстоногов, благодаря которому мир узнал о существовании таких планет, как Доронино, Луспекаев, Лебедев, Капелян, Борисов, Трофимов, Попова, Шарко, продолжал: «Но кто-то должен спасти красоту!» Рихард Вагнер говорил: «Я верю в страшный суд для тех, кто торгует искусством».

Когда-то я была счастлива лично знать и видеть все творения Артаваза Пелешяна. И утверждаю — в мировом документальном кино после Пелешяна только Лизнёву удалось ответить на этот вечный вопрос фильмом-эпосом «Шаги». Для меня было честью и радостью видеть среди героев Цикла «Возвращение на Родину» (что проходил в Доме Кино с 2000 по 2020 гг.) в один вечер двух гениальных документалистов — блаженного поэта русского кинематографа Юрия Андреевича Шиллера (Новосибирск) и Бориса Александровича Лизнёва — монументалиста и тончайшего поэта.

В Румянцевском музее, где Николай Фёдорович Фёдоров, полжизни прослужил главным архивариусом, при поддержке Роскосмоса и Анастасии Георгиевны Гачевой прошёл премьерный показ. Вечер назывался «Два Гагарина», быть может, ещё и потому, что Николай Фёдорович был незаконнорожденным сыном князя П.И. Гагарина. Дома Фёдорова с детства звали Николай Павлович... Показ на тридцать человек в Союзе кинематографистов язык не поворачивается упоминать. Хоть на просмотр этого шедевра Лизнёва, пришли достойнейшие представители отечественного документального кино. Воистину: «Какое горе, что до сих пор Россия слишком мало знакома русским!» (Пушкин). Невольно вспоминаешь и Надежду Филаретовну фон Мекк: «Уж если русский, что не любит, то только своё»... Сам Лизнёв за всю жизнь ни разу о себе не хлопотал, никому о себе не напоминал, ибо

подлинный «Поэт не человек, но Дух, — слеп, как Гомер и как Бетховен глух». Да... Сильный — всегда защитит слабого, а кто сильного защитит?

Фильм «Шаги» — создание ума, души и духа одного единственного человека, ибо Лизнёв — автор сценария, режиссёр, оператор и **голос**. Я ещё со студенческих лет знала, что не только интонация, но тембр голоса — это... мировоззрение. А такого голоса и таких интонаций, как у Лизнёва, нет, не было и тем более не будет ни у кого. Без его голоса невозможен фильм «Шаги» и все его надмирные фильмы. Выдающийся философ Михаил Михайлович Бахтин словно видел фильм «Шаги» и написал: «Прошлое, как замкнутое время, включает в себя и вершину и начало. Поэтому оно входит, как момент, в показанное, готовое, сплошь завершённое. Эпос никогда не кончается рождением: это песня об умершем. Это лучшее лучших, которых не будет».

Дерево растёт корнями, а не кроной... Можно ли быть монументалистом и поэтом в одном лице, если речь идёт об искусстве кино? Нет, скажет профессионал, потому что есть форма, чистота жанра и ещё множество всевозможных «нет». Да! — скажет Александр Петрович Довженко, Сергей Фёдорович Бондарчук, Тарковский, Юсов, Урусевский и даже Басов... Да — скажет Ломоносов, что молился вместе с Северным Сиянием, Державин, созерцавший брэнность земного и бессмертие Божественного, Пушкин — каждым актом вдохновения, Лермонтов, что молился с ландышами у ручья...

Фильмом «Шаги» в эпоху лунного ландшафта отечественной культуры Лизнёв стал **духовным навигатором** русского и мирового киноискусства. Он своим абсолютным слухом соединил несоединимое, сдвинул неподвижное, воскресил ушедшее.

...Победа — это после победы. И когда после этого «после» начнётся медленное, болезненное восстановление Русского мира, Русской цивилизации, всего Русского космоса, миллионы людей увидят, как фильм «Шаги» материализовал идею Николая Фёдоровича Фёдорова на экране. И тогда, каким бы уставшим, измученным ни было ваше сердце, все вы, все, весь огромный зал встанет и со слезами будет обнимать друг друга, ибо в том, что мы увидим, соединением несоединимого снова прозвучит **голос**, и мы услышим неизреченной красоты:

*Привяжу я коня к колоколенке,
Сам ударюсь о сыру землю:*

*«Расступися ты, мать сыра земля,
И раскройся ты, гробова доска,
Встань — проснися родна Матушка
Погляди на своё дитяtko».*

Ведь это правда — «никакое богатство не сможет перекупить влияние обнародованной мысли»!

Николай Фёдорович Фёдоров родился, как и Пушкин 26 мая (то есть 8 июня по новому стилю) 1828 года. И в этот день, именно в этот день, 26 мая 1828 года Пушкин пишет: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» Среди тридцати трёх произведений Александра Сергеевича, которые я была счастлива петь, — было и это, на которое Московский Златоуст святитель Филарет (Дроздов) ответил любимому Поэту: «Не напрасно, неслучайно жизнь от Бога нам дана!»

Видю, как все, все они будут стоять в одном ряду среди святых и гениев и убиенных и среди тех, кто память их увековечил, кто вопреки всему и всем прославлял их, а значит и Лизнёв. Ибо он творит нетленное наследство народу своему, воскрешая и создавая Великую Необоримую Русскую Культуру.

Пусть же в его честь прозвучит молитва **служения и одоления** Ивана Александровича Ильина, которую он оставил нам в книге «Поющее сердце»:

*Вот я перед Тобою, Господи,
Слуга Твой, ищущий только воли Твоей.
Научи меня верно служить Тебе
Всяким дыханием и деянием моим.
Пошли мне силы Твоей,
Мудрости Твоей, вдохновения Твоего,
Не отдай меня на поругание врагам Твоим,
Изведи меня от угроз их.
И соблюди мою свободу в жизни и творчестве,
Ибо свобода моя — в свершении воли Твоей».*

СУДЬБА ИЛИ УЧАСТЬ НАРОДА?

Бедственное и унижительное положение Русского народа в России, его фактическое бесправие по сравнению с малыми народами и народностями в силу отсутствия у него реального статуса государствообразующей нации могут быть изменены кардинальным образом к лучшему только политически. Но для этого к власти должна прийти национал-патриотическая Русская партия. Увы, такой партии в нашем Отечестве пока нет, а в Российской Империи она существовала на уровне государства!

В России к началу XXI века русские национал-патриоты, несмотря на многочисленность организаций русских националистов, так и не сумели создать сколько-нибудь репрезентативной национал-патриотической партии из-за полной идеологической неразберихи и амбиций политических лидеров, которые предпочитают статус вождя пусть даже микроскопической партии объединению с другими партиями патриотического направления, где им не гарантирована роль лидера.

Продолжение. Начало в №9 за 2024 г.

РУССКИЙ ВОПРОС

Единственной потенциально избираемой партией в национал-патриотическом лагере остается «Российский общенародный союз» во главе с С.Н. Бабуриным. (25 мая 2017 года он был избран также председателем Международного славянского совета, объединяющего национальные славянские комитеты девяти государств.) Но, увы, только потенциально.

На выборах в Московскую городскую Думу 14 сентября 2014 года Бабурин баллотировался от КПРФ и занял второе место, набрав 24,36% голосов. Депутатом, однако, не избран. На парламентских выборах 18 сентября 2016 года он был выдвинут партией КПРФ в одномандатном округе в Тушинском районе Москвы. По результатам занял 4-е место. Депутатом не избран.

22 декабря 2017 года съезд партии «Российский общенародный союз», прошедший в Москве, единогласно выдвинул Сергея Николаевича Бабурина кандидатом в президенты РФ на выборах 2018 года. Он выступал по центральному телевидению в дебатах претендентов на президентский пост. Занял последнее место с результатом 0,65%. Это весьма тревожный сигнал для патриотических сил России. Можно сказать, звонок.

Изоляции российских национал-патриотов в значительной степени способствует русофобия, поразившая многие российские СМИ. В последние годы противники русского национализма явно активизировались. Увы, при поддержке центральной власти. С конца 2000 годов российские суды не раз выносили не только обвинительные заключения по делам радикальных фашиствующих групп, выступавших под лозунгами «защиты русских», но и против вполне мирных националистических организаций, обвиняя их в «пропаганде экстремизма». Был проведен ряд судебных процессов против издательств национал-патриотического направления, руководителей и авторов которых обвиняли в «разжигании национальной розни» по печально знаменитой «русской» 282-й статье УК РФ. Вопиющим примером русофобии и культурного этноцида стало «дело Олега Платонова», всемирно известного директора Института русской цивилизации именно по этому фальшивому обвинению.

Не вдаваясь в подробности такого рода судилищ, отмечу лишь, что в современной России национал-патриотическое движение оказалось фактически вне закона. Повторяется нечто подобное практике 20—30-х годов, когда за выступления в защиту прав Русского народа жестоко карали. Принято великое множество подзаконных актов, которые факти-

чески направлены на борьбу с национал-патриотами России. Немудрено, что и российская юстиция, где знатоков идеологии не сыскать, иной раз стрижет всех под одну гребенку и запрещает как «экстремистские» и партии умеренных националистов, и буйных радикалов, и монархистов, и славянофилов, и почвенников, равно как и евразийцев. Запрещают не только их газеты и книги, но и блокируют сайты в соцсетях.

Чаще приговоры за «экстремизм» и «разжигание национальной розни» выносят отдельным лицам, чем организациям. На это обратил внимание даже президент России Владимир Путин на заседании Совета по правам человека 8 декабря 2016 года, прокомментировав рост количества приговоров за экстремистскую деятельность в соцсетях и информацию о случаях неправомерного преследования.

«Социальные сети всё чаще и чаще используются именно для экстремистской деятельности, и у государства возникает естественное и законное желание противоборствовать, противостоять этому», — заявил Путин, приведя как пример вербовку в запрещенное в России «Исламское государство» и призывы к «явно незаконным» мероприятиям националистов. «Но, естественно, под эту сурдинку нельзя подводить всё, что ни попадя, с этим точно совершенно надо аккуратно разобраться», — подчеркнул президент. Он отметил, что в борьбе с экстремизмом не должны использоваться методы, противоречащие действующему законодательству, а «если правоохранители считают, что этих законов недостаточно», то все изменения должны обсуждаться в обществе и пониматься большинством граждан. «Ничего закулисного или секретного здесь быть не должно», — указал глава государства.

Отмечу, что рвение «борцов с экстремизмом», о которых говорил президент РФ, лишь слегка ослабло после начала СВО на Украине, но свои позиции они не намерены сдавать. Об этом говорит, в частности, то же «дело Платонова», искусственно разжигаемое русофобами в судейских мантиях.

На Западе особо озаботились «проблемой русского национализма» после воссоединения Крыма с Россией и событий на Украине в 2014—2016 годах. «Многие политики и политологи (в том числе Арсений Яценюк и Збигнев Бжезинский), — писал Ричард Арнольд в своей статье в «Вашингтон пост», — утверждают, что аннексия Крыма в 2014 году доказала стремление Путина создать «Советский Союз — 2» и снова управлять международной политикой. Подъемом национализма объяснялось всё — от вторжения России в Сирию до необы-

чайно высокого числа преступлений на почве ненависти. Так же, как и стремление режима добиться права проведения в России таких масштабных мероприятий, как зимние Олимпийские игры 2014 года и чемпионат мира по футболу 2018 года».

Из статьи Арнольда мы узнаем, насколько серьезно подошли в странах НАТО к «проблеме русского национализма». В 2013 году, в преддверии событий на Украине и подготовки там очередной «цветной революции», в рамках международных исследований, осуществляемых совместно странами НАТО, был запущен специальный трехлетний проект «Национальное строительство и национализм в современной России» (NEORUSS). Его координировал Научно-исследовательский совет Норвегии. Основой проведенных исследований стали опросы российской социологической группы «Ромир», в ходе которых аналитики пытались выяснить отношение россиян к национализму и национальной идентичности. Некоторые опросы, по просьбе норвежского заказчика, были повторно проведены в 2014 году после воссоединения Крыма с Россией. В результате в начале 2016 года в Норвегии вышла книга «Новый русский национализм» под редакцией Пала Колсто и Хельге Блаккисруд. В основном она содержит анализ результатов целевых опросов «Ромир». В книге отмечается: «До начала 2000 годов в России существовали различные группы, поддерживавшие восстановление СССР, антизападничество и антисемитизм. С 2000 года националистические настроения обернулись против «чужих в культурном смысле» мигрантов (из Средней Азии и с Кавказа). Тогда начала расти поддержка преференциального отношения к этническим русским, о чем свидетельствует рост движения «Россия для русских». Авторы исследований пришли к выводу, что в России приняли на вооружение так называемый имперский национализм. По характеристике автора этого термина Эмиля Пейна, *«имперский национализм представляет собой «золотую середину». Путин может представлять Россию как великую державу, одновременно привязывая стремление к этническому величию к величию государства»*. Норвежские исследователи открыто противопоставили этот национализм российского разлива «либерализму американского образца». Это верная постановка вопроса. Норвежцы только не поставили точки над *i*. А если эту точку ставить, то надо признать, что государственный, патриотический подход Путина к судьбе России и к ее месту в современном мире в его окружении не все разделяют, хотя большинство (91%) россиян называют себя патриотами: среди жите-

лей Москвы и Петербурга уровень патриотизма достигает 95%. При этом почти половина (48%) опрошенных считают, что «быть патриотом» — это действовать и работать во благо и для процветания страны, как следует из результатов опроса ВЦИОМ в 2024 году.

Кстати, национализм, как это ни странно сегодня звучит, стал продуктом либерализма Нового времени, отчет которого обычно ведется с момента английской революции 1640 года; пиком считают Великую Французскую революцию 1789 года, а завершением — окончание Наполеоновских войн и начало работы Венского конгресса. Современная историография отодвигает эту границу еще на век — до завершения Первой мировой войны и Версальского мира. Этот период отмечен подъемом национализма, который совпал с возникновением либерализма, и на протяжении длительного периода обе идеологии развивались в связке друг с другом. Наиболее ранним его проявлением стала «Славная революция в Англии», как там именуют государственный переворот 1688 года, в результате которого был свергнут король Яков II Стюарт. Некоторые историки считают это событие центральным во всей истории Англии, отвергшей окончательно католицизм и диктат Ватикана, и источником английского национализма. К 1815 году национализм уже был одной из ведущих идеологий в мире. И именно национализмом были отмечены либеральные буржуазные революции во Франции и Америке, впрочем, как и весь период революций XIX века, так называемой «Весны народов».

Термин «национализм» впервые почти одновременно ввели в употребление в начале XIX века немецкий историк и философ Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803) и французский писатель аббат Огюстен Баррюэль (1741—1820). Трудно найти людей настолько диаметрально противоположных по своим взглядам и убеждениям, как эти крестные отцы национализма. И это по-своему отразилось в противоречиях в самом явлении национализма и в его восприятии.

Гердер Иоганн Готфрид известен как либеральный немецкий философ, теолог, поэт, ученик раннего Канта, большой друг и учитель поэта и масона И. Гете, вместе с которым они стали штюрмерами (нем. *Stürmer* — бунтарь, буян), основателями литературного движения «Буря и натиск» (1767—1785 гг.) в немецкой литературе. Готфрид вошел в историю со своим фундаментальным трудом «Идеи по философии истории человечества», который заметно повлиял на взгляды А. Н. Радищева. (Он, видимо, познакомился с его трудами и учением французских просветителей во время своего недолгого

обучения праву в Лейпцигском университете.) Готфрида считают основоположником понятия народности и либерально-го толкования национализма. Ко всему прочему он был также видным масоном, членом и Великим секретарем одной из масонских лож.

Аббат Огюстен Баррюэль, выходец из французской дворянской семьи, еще в молодости вступил в Орден иезуитов и преподавал грамматику в иезуитском колледже в Тулузе вплоть до изгнания иезуитов из Франции (1764), после чего эмигрировал в Польшу, затем во владения австрийских Габсбургов. Приняв сан аббата, он в 1774 году вернулся во Францию, сотрудничал там с «Литературным ежегодником», где резко критиковал философию Просвещения. В 1796—1797 годах были опубликованы его «Мемуары по истории якобизма», в которых он доказывал, что причиной революции стало то, что в начале XX века называли «жидомасонским заговором» — заговор франкмасонов, евреев и баварских иллюминатов. Баррюэль прямо называл их зачинщиками и виновниками Французской революции, приведшей к великим кровопролитиям и погромам, с целью уничтожить Церковь, монархию и в конце концов общество. Именно в национализме аббат видел средство защиты от подобного рода подрывных действий. Книга имела оглушительный успех и была переведена практически на все европейские языки.

Полностью свои взгляды Баррюэль подробно изложил в многотомном сочинении, которое было издано в Лондоне в самом конце XVIII века под названием «Вольтерянцы, или История о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и тайнства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы». Она также переведена на многие языки, включая русский.

Ко второй половине XIX века «Весна народов» подорвала с помощью национализма десятки монархий и целостность трех империй — Австро-Венгрии, Российской и Османской империй, которые окончательно распались после Первой мировой войны. В начале XX века под флагом национализма бывшие колонии обрели независимость, что в конечном итоге привело к крушению Британской империи и к распаду колониальной системы.

Российская Империя выдержала не один удар внешних сил именно благодаря тому, что русский национализм, начиная со второй половины XVIII века, стал не только государственной идеологией, но и государственной политикой. Хотя слово «нация» встречается уже у Феофана Прокоповича и в официальных документах петровской эпохи. Первым рус-

ским, использовавшим слово «национализм», стал Герцен. В его дневнике 1844 года есть запись, которая свидетельствует о его интересе именно к либеральному национализму: «...западно-либеральные головы считают национализм подпорою правительства».

В России национализм сыграл ту же роль. После восстания декабристов 1825 года и Польского восстания 1830 года, других буржуазных революций в период «Весны народов» в либерализме, демократии и прочих ценностях Нового времени стали видеть прямую угрозу для России, а в качестве защиты от нее использовали государственный национализм, суть которого в 1833 году сформулировал разработчик идеологии официальной народности граф Сергей Семенович Уваров (1786—1855): «Собственными началами России являются Православие, Самодержавие и Народность». Эта жесткая формула разделила русское общество, и прежде всего нашу интеллигенцию, на два непримиримых лагеря — западников и славянофилов. По сути дела, этот раскол сохраняется в России по сей день. Отношение к национализму — это лакмусовая бумажка, по которой можно определить, кто у нас есть кто... Кто — патриот, а кто — космополит.

Великий русский философ И.А. Ильин называл русским национализмом любовь к исторически сложившемуся духовному облику Русского народа, волю к расцвету и самобытному величию грядущей России (Ильин И.А. О России. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006) и считал такой национализм «здоровым». При этом Ильин признавал существование «больных» форм национализма, которые фокусируются на внешних, а не на духовных проявлениях народной жизни либо отрицают и презирают чужую культуру.

Философ Н.А. Бердяев, которого чекисты выставили из России на «философском пароходе» вместе с Иваном Ильиным, посвятил проблеме национализма несколько книг. Среди них чаще всего упоминается его «Русская идея» (Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1946). Он считал, что национализм есть благо как творческое утверждение, когда национальность возносит свой индивидуально неповторяемый образ до всечеловеческого значения (Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Сборник статей 1914—1917. М., 1918). Однако в эмиграции после прихода Гитлера к власти в Германии Бердяев обращает внимание на опасность крайнего национализма. В 1938 году в одной из своих статей он пишет: «Национализм — это не только любовь к своему народу и сознание единства историчес-

кой судьбы, но и прикрытая форма эгоцентризма, культура могущества государства, культура грубой силы, жажды господства над другими народами (Бердяев Н.А. О современном национализме // Русские записки. 1938. № 3. С. 232-238).

Взгляды Ильина и других идеологов русского национализма были долгие годы неизвестны и недоступны русскому читателю. Всему тому, что понимается под Русским миром, большевики после Октябрьского переворота 1917 года объявили, по непосредственному указанию В.И. Ленина, беспощадную войну. Придя к власти, они подавили все существовавшие движения русских националистов и большинство их уничтожили физически. В ходе красного террора и в последующих «чистках» была перебита почти вся русская элита вместе с сословиями: дворянство, купечество, духовенство, патриотическая интеллигенция, зажиточное крестьянство, казачество...

Великодержавный национализм был объявлен враждебной идеологией. Вместо него утверждалась идея интернационализма. Но как?! Одновременно с сословным геноцидом Русского народа большевики проводили его этноцид. Искоренялось всё русское. Уничтожалась вековая русская культура — сокровище всей мировой цивилизации. Именно на заре большевизма и в период расцвета его слово «русский» впервые было поставлено вне закона в стране торжествующего Интернационала. Русский национализм в любых его формах был предан анафеме и также фактически поставлен вне закона. Однако мелкие этнические национализмы всячески поощрялись под видом заботы о «малых народах».

Принадлежность к русской нации, в соответствии с указаниями Ленина, Троцкого и Свердлова, была объявлена в 1918 году отрицательным этническим признаком, на основании которого Русский народ следовало угнетать в пользу других народов РСФСР и СССР. Увы, такая политическая и логическая конструкция повторяется и работает вот уже 100 лет.

Вслед за поражением Германии во Второй мировой войне последовала закономерная дискредитация всех форм крайнего национализма и связанных с ними учений. Однако ни процессы интеграции в Европейское сообщество бывших социалистических стран, ни проповеди толерантности и мультикультуризма не остановили проявлений крайнего, даже зверского национализма на земле бывшей Югославии — в Албании. Пышным цветом расцвел крайний национализм в бывших советских республиках Средней Азии, на Кавказе

где русских вырезали среди бела дня при очевидном попустительстве новых властей. А ведь возглавляли эти «братские республики» в основном «верные интернационалисты-ленинцы», бывшие первые секретари республиканских компартий. Крайние формы национализма вместе с русофобией расцвели после развала СССР в Молдавии (не будем забывать никогда о том, что творили с русскими в Приднестровье), в Прибалтике, вечно «братской» Болгарии, Польше. На Украине, буквально на глазах, он перерастает в фашизм бандеровского образца. Русских в Донбассе с 2014 года убивали последовательно и ежедневно. Но просвещенная, «демократическая и толерантная» Европа на пару с Америкой это просто игнорировали. И не потому только, что русофобия ослепила западный мир. А потому что мы наблюдаем возвращение того, что еще Герцен называл «либеральным национализмом». Когда это выгодно мировой буржуазии, она восторженно поддерживает национализм, как во времена «Весны народов» в XIX—XX веках... Так происходит и в наши дни. В современном мире национализм продолжает играть активную роль в операциях США на международной арене, как показывает его использование ЦРУ и другими западным спецслужбами в «цветных революциях». Не в этом ли смысле понимает национализм экс-президент США Трамп, провозгласивший себя «националистом»?

Крайний национализм лежит в основе идеологии и практики сионизма, одного из наиболее влиятельных сил в антирусском интернационале современности во главе с США, созданном мировой закулисой. Этот интернационал объявил новый крестовый поход против России, против Православия и всего Русского мира. Вспомним, что сказал классик русофобии Збигнев Бжезинский после распада СССР: «Мы уничтожили Советский Союз. Теперь надо уничтожить православие». История с предоставлением автокефалии сепаратистской украинской церкви — очередное подтверждение того, что эта цель, провозглашенная Бжезинским, последовательно осуществляется. Нетрудно понять, что уничтожение Православия будет означать и уничтожение Русского мира, единства, пусть пока и сильно ослабленного, православных славянских народов.

Единственная сила, способная противостоять этому крестовому походу, чреватому новой мировой войной — скорее всего, ядерной, — это Россия и ее государствообразующий Русский народ.

И что же было сделано после распада СССР для возвращения русских из новой диаспоры на историческую Родину,

для «собирания Русского мира»? Не сказать «ничего» будет неправильно. Было сделано всё для того, чтобы они на родину вообще не вернулись. Горечь и бессильное отчаяние одолевает, когда читаешь исповеди русских людей, годами обивавших пороги российских посольств и консульств, терпя унижения, оскорбления и открытые издевательства, но так и не получивших российское гражданство. Выступая в октябре на Конгрессе соотечественников, Путин пообещал с этим «разобраться», сказал, что вроде бы готовится какой-то «улучшенный» закон, который облегчит возвращение русских людей из изгнания и будет способствовать «дебюрократизации» всей этой процедуры. Возникает только один вопрос: кто помешал Путину, который с самого начала XXI века находится у власти, сделать это раньше? Надо называть вещи своими именами. Вы, батенька, если и националист, то неправильный, а скорее, большевик-интернационалист ленинского призыва!

Человечество вступает в весьма опасный турбулентный период — эру столкновения цивилизаций. России брошен вызов со стороны либерального национализма, которому в конечном итоге присягнули практически все президенты США и те крайне националистические экстремистские силы, которые за ним стоят. Это — национализм «Великой Америки», американского мирового господства, антигуманизма, русофобии и анти-Православия. Россия может адекватно ответить на этот вызов только при условии тотальной мобилизации ее государствообразующего Русского народа и всех населяющих ее народов и народностей.

Приверженность Русского народа Православию с его добротолубием и соборностью дает Русскому народу такие же силы, какие брал мифический Антей у матушки-Земли. Властям предержавшим следовало бы поддержать русского Антея, на котором, как небо на плечах античного героя, держится государство Российское, вся земля Русская, благополучие населяющих ее народов, а не винить его в «неправильном» национализме и русском патриотизме. Напротив, следует сделать все возможное для утверждения его идентичности и национальной гордости, что только будет способствовать процветанию всех других народов России. Только так мы сможем победить в неминуемом столкновении цивилизаций, которое провоцирует либеральный национализм, провозглашенный Вашингтоном и мировой закулисой.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

Уроки Первой мировой войны

110 лет назад началась Первая мировая война (28 июля 1914 года — 11 ноября 1918 года). В российской историографии ее также называют Великой или Второй отечественной войной. В советской историографии — империалистической. Это военный конфликт с участием 38 стран между двумя коалициями государств в Европе (один блок назывался «Антантой», другой — «Тройственным союзом»), боевые действия войны распространились также на Ближний Восток, Африку и некоторые районы Азии.

Из более чем 70 миллионов человек, мобилизованных в армии воюющих стран, погибло от 9 до 10 миллионов, было ранено более 20 млн. человек. Число жертв среди мирного населения составило от 7 до 12 миллионов. Голод и эпидемии в результате войны унесли жизни ещё как минимум 20 миллионов человек. Потери имущества не поддаются точной оценке.

Политическими результатами Первой мировой войны стали Февральская и Октябрьская революции в России и Ноябрьская революция в Германии. С политической карты

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

мира исчезли четыре империи: Германская, Османская, Российская и Австро-Венгрия, причём две последние распались на отдельные государства. Произошли территориальные изменения в результате аннексии победителями земель Германии и других стран «Тройственного союза». Победители также получили немалое количество территорий в виде мандатов Лиги наций. Германии были назначены гигантские суммы репараций. В целом решения Парижской мирной конференции (1919 г.) закладывали условия для новой мировой войны, которая началась ровно через два десятилетия.

Хотя признаков подготовки к войне в Европе было более чем достаточно, однако в обществе и среди правящих кругов стран царил вера в то, что войны не будет. По крайней мере, большой войны. А военно-экономическую подготовку многих стран рассматривали лишь как бизнес, преследующий цель обогащения компаний на заказах оружия и боеприпасов. Бизнес и только бизнес! И никакой войны! А чтобы подерживать такой бизнес, надо постоянно нагнетать страсти по поводу того, что в любой момент на страну может кто-то напасть. Люди устали верить в такие «страшилки». Это как в басне Эзопа насчет мальчика-пастуха и волков (нам она известна в пересказе Льва Толстого). Мальчик-пастух постоянно разыгрывает своих односельчан путём обмана, регулярно зовя на помощь и крича: «Помогите! Волки! Волки!» Селяне сначала прибегали на помощь мальчику, а потом устали от его шуток и перестали отзываться на его крики. Кончилось тем, что волки действительно напали на стадо овец и беспрепятственно их сожрали. То же самое произошло и с Европой. Да и с Россией.

Были, конечно, отдельные политические и общественные деятели, представлявшие научных кругов и даже те, кого потом называли «пророками», кто предсказывал неизбежность войны, причем именно большой (мировой).

Одним из них был сербский крестьянин Митар Тарабич, который жил в XIX веке и ушел из жизни за 15 лет до начала Первой мировой войны. Этот серб был малограмотный, его пророчества записывали в тетрадь близкие люди. Предсказания были очень конкретными, никакой эзотерики. Для начала Митар Тарабич предсказал Балканскую войну, в результате которой Косово войдет в состав Сербии. А за ней последует новая гораздо более страшная битва. Вот фрагмент описания этой страшной бойни: «Вскоре после этой войны (Балканской. — **В.К.**) начнется другая, большая война, в которой прольется много крови. Если бы та кровь была рекой, ее течение легко покатило бы 300-килограммовый ва-

лун!» Многие тогда стали забывать пророчества серба, однако, когда в Сараево убили наследника Австро-Венгерской империи эрцгерцога Франца Фердинанда, о Митаре Тарабиче заговорили вновь.

Среди предсказателей Первой мировой войны историки также называют французенку мадам де Тэб Анну Викторину (1865—1917), которую одни именуют «гадалкой», другие «пророчицей», третьи «прорицательницей». Наиболее фанатичные поклонники ее величали «Сивиллой XX века». Клиентами прорицательницы были европейские аристократы и даже политики. Эта «Сивилла» не только предсказала большую войну, но также то, что в ее результате прекратит свое существование Германская империя. Несмотря на авторитет мадам де Тэб, в ее предсказание мировой войны не очень поверили.

В списке таинственных предсказателей мировой войны числятся и финский фермер-пророк Антон Йохансон (1858—1928). Между прочим, этот крестьянин предсказал крушение «Титаника», землетрясение в Сан-Франциско и приход к власти Сталина. Известность этот пророк получил лишь тогда, когда началась война. Крестьянин продолжал пророчествовать и называть участки фронта, где начнется наступление. С этого времени он стал консультантом генеральных штабов ряда европейских армий.

Конечно, в списке предсказателей войны присутствуют не только гадалки или прорицатели, которые получали подсказки из каких-то мистических источников, но также люди, которые делали прогнозы на основе логики и, как они говорят, научных знаний. Так, совершенно далеким от мистики был российский промышленник и банкир Иван Блюх (1836—1902). У него была целая команда аналитиков, которые занимались социально-экономическим и научно-техническим прогнозированием. Размышления Блюха и его команды легли в основу книги под названием «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях» (1898). В своем труде было очень точно описано, какие новые виды оружия будут использованы в грядущем конфликте. Но тогда читатели воспринимали этот труд как научно-техническую фантастику.

Но еще до Блюха войну в России предсказал наш выдающийся русский мыслитель Константин Леонтьев (1831—1891). В своих «Письмах о восточных делах» (1882—1883) он оценивал вероятность войны Германии с Россией как высокую.

Удивительно, но человек совершенно другого мировоззрения и политических взглядов (чем Константин Леонтьев),

Фридрих Энгельс (1820—1895), соратник Карла Маркса, также предсказывал в 1887 году большую мировую войну, которая должна начаться именно с Германии: *«Для Пруссии-Германии невозможно уже теперь никакая иная война, — писал он, — кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного ранее масштаба, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; всё это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это всё кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса»*. Но даже многие последователи Маркса—Энгельса в России и Европе забыли эти пророческие слова своего учителя в начале XX века. Возобладали благодущие, беспечность и пацифизм.

Кроме прочего, хотелось бы обратить внимание на то, что дополнительный вклад в ослабление бдительности государств внесли разного рода «теоретики», которые доказывали, что исчезли «объективные причины» для больших войн. Я сейчас даже не говорю о так называемых «пацифистах», которые боролись за «мир во всем мире». В России особую популярность приобрела такая разновидность пацифизма, как толстовство. Вред подобных пацифистов заключался в том, что они желаемое путали с действительным. Но была особая разновидность пацифистов, которые утверждали, что в конце XIX — начале XX вв. окончательно исчезли «объективные условия» для возникновения войн. Да, — они соглашались, — войны могут еще возникать, но как случайность. Следовательно, они не могут быть масштабными и должны быстро затухать.

Назову лишь двух таких «объективных» пацифистов, отрицавших в начале XX века наступление мировой войны. Первый из них Норман Энджел (1872—1967), английский публицист и пацифист. Между прочим, лауреат Нобелевской премии мира 1933 года. Буквально за пять лет до начала

мировой войны, в 1909 г. он опубликовал небольшую книжку «Европейская оптическая иллюзия», в которой исследовал экономические корни войны. В 1910 г. он переписал и расширил книгу, сменив название на «Великую иллюзию». Книга разошлась двухмиллионным тиражом, ее перевели на 25 языков. Она заложила основы теории, получившей по имени автора популярное название «Норман Анджелизм». Во введении к книге Н. Энджел писал, что *«военная и политическая власть не приносят нации никакой коммерческой выгоды, экономически невозможно одной нации покорить или уничтожить богатство другой или одной нации нажиться за счет подчинения другой»*. На протяжении всей книги автор повторяет в разных вариациях одну и ту же мысль: *«Торговля между крупнейшими странами Европы наконец-то сделает войну устаревшим инструментом»*. Кстати, Нобелевскую премию мира Норман Энджел получил как раз за ряд своих пацифистских публикаций. А о том, какой вклад этот английский пацифист внес (надеюсь, неосознанно) в подготовку и развязывание Первой мировой войны, никто в комитете по Нобелевским премиям не задумался.

Второй «объективный» пацифист — Карл Каутский (1854—1938), известный немецкий социалист, почитатель К. Маркса, пропагандист и продолжатель идей классика марксизма. Идеи Каутского также имеют исключительно экономическое обоснование, их можно назвать «экономическим пацифизмом», они разбросаны по разным его работам. В наших советских учебниках эти идеи были названы теорией ультраимпериализма (сам Каутский термин «ультраимпериализм» впервые применил буквально за несколько месяцев до начала войны). Создание единого всемирного картеля («ультра-монополии»), по утверждению Каутского, приведёт к устранению межимпериалистических противоречий и тем самым устранил опасность мировых войн между капиталистическими странами. Не исключено, что свои идеи Каутский заимствовал у немецкого социалиста Карла Либкнехта, который в 1907 году в своей брошюре «Милитаризм и антимилитаризм» высказывал мнение, что может наступить *«объединение в трест всех возможных колониальных владений под колониальными государствами, так сказать... выключение колониальной конкуренции между государствами, как это происходит в частной конкуренции между капиталистическими предприятиями в картелях и трестах»*.

Первая мировая война опровергла «правильность» выводов немецкого социалиста Каутского. Но его это не смутило. По его мнению, война началась потому, что капитализм не-

много не «дозрел» до состояния ультраимпериализма. Каутский продолжал развивать и углублять теорию ультраимпериализма и после окончания Первой мировой войны. Однако и Вторая мировая война посрамила идеи немецкого социалиста (правда, он немного не дожид до этого времени, уйдя из жизни за год до ее начала).

Сокрушительная критика теории ультраимпериализма Каутского была дана В. Лениным в его известной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916). В ней он на основе тех же самых фактов и цифр, которые содержались в работах начала XX века (в том числе того же Каутского), сделал выводы противоположного характера. Выводы о том, что в условиях монополистического капитализма и интернационализации хозяйственной жизни (вывоз капитала становится преобладающим над вывозом товаров, мир делят союзы монополистов разных стран и др.) конкуренция не исчезает, а с национального уровня переходит на уровень региональный и даже мировой. А это, в свою очередь, наоборот, увеличивает вероятность межгосударственных войн и даже мировой войны — особенно учитывая неравномерность экономического и политического развития ведущих стран Запада (Великобританию — «мирового гегемона» — стали теснить Америка и Германия). Империализм порождает войны за передел рынков сбыта и источников сырья, сферы приложения капитала, территории. Подобные выводы были сделаны и некоторыми другими авторами не только социалистического толка, но и буржуазными. Но, к сожалению, выводы были сделаны *post factum*, когда Европа уже лежала в руинах. Впрочем, Сталин подобного рода выводы хорошо усвоил, у него не было никаких иллюзий относительно военных устремлений Запада. Уроки Первой мировой войны позволили Советскому Союзу провести подготовку ко Второй мировой войне.

Почему я вспоминаю об этих уже сильно подзабытых идеях «экономического пацифизма»? По той причине, что такая же атмосфера благодущия (которая царил в Российской империи за несколько лет до войны) захватила российское общество 90-х годов. Кому-то из наших соотечественников в 90-е годы прошлого века стало мерещиться, что НАТО не сегодня-завтра превратится в организацию по борьбе то ли с бедностью в мире, то ли с ликвидацией последствий техногенных катастроф, а другие функции этой организации начинают атрофироваться за ненадобностью. Кто-то уже пребывал в состоянии грез, полагая, что он — житель «общеευропейского дома». Кто-то считал, что после 11 сентября 2001

года у человечества остался один враг — «международный терроризм», и война может вестись лишь с мусульманскими фанатиками. А если удастся победить международный терроризм, то человечеству останется воевать только с марсианами и прочими инопланетянами, которые, судя по всему, «положили глаз» на нашу планету.

На протяжении более трех десятилетий нам активно навязывались идеи «объективности» процессов экономической и финансовой глобализации, усиления взаимной информационной, торгово-экономической, инвестиционной и валютно-финансовой взаимозависимости государств. Что, мол, в свою очередь, делает большие войны невозможными, поскольку они никому не выгодны.

Сегодня мы уже освобождаемся от этих иллюзий. «Научное» обоснование невозможности больших войн уже мало кого убеждает. Беспечность в нашем обществе исчезает. Думаю, что она будет исчезать еще быстрее, если мы будем вспоминать уроки Первой мировой войны.

За что убили Рузвельта

Во множестве книг и иных публикаций по новой и новейшей истории США в разных контекстах воспроизводится список убитых американских президентов. Мало кто из президентов США (а всего их число составляет 46) избежал покушений. Первым американским президентом, на которого было совершено покушение, стал Эндрю Джексон. Он был седьмым президентом (годы правления 1829—1837). Пистолет убийцы дал осечку, и Эндрю Джексон остался жив. Было два случая, когда президенты оставались живы, но получали ранения (Теодор Рузвельт и Рональд Рейган). Количество заговоров с целью убийства президентов (выявленных и пресеченных) не поддается точной оценке.

Говорят, что даже в отношении ныне действующего президента Джо Байдена была попытка покушения. Это было полтора года назад. 23 мая 2023 года 19-летний парень из Сент-Луиса въехал на арендованном грузовике в ограждение, отделявшее территорию Белого дома от публики. Вскоре после этого он был взят под стражу полицией Соединенных Штатов, и в его грузовике был обнаружен нацистский флаг. Парень выразил восхищение третьим рейхом и заявил, что его намерениями были «убить президента» и «захватить власть». Конечно, назвать это покушением на жизнь президента можно только при очень богатой фантазии. Тем не менее история была распиарена. Эксперты говорят, что таким способом

попытались хоть как-то поднять стремительно падавший рейтинг Байдена.

Но в «твердом остатке», согласно подавляющему числу источников, убитыми считаются лишь четыре американских президента.

Первым в этом списке стоит Авраам Линкольн (16-й президент). Он 14 апреля 1865 года был смертельно ранен в ложе театра в Вашингтоне и на следующий день скончался.

Вторым стоит Джеймс Гарфилд (20-й президент). Он был в упор расстрелян 2 июля 1881 года на вашингтонском вокзале. 19 сентября 1881 года он скончался от общего заражения крови.

Третий в списке — Уильям МакКинли (25-й президент). 6 сентября 1911 года во время церемонии открытия Панамериканской выставки в Чикаго он был тяжело ранен. Скончался 14 сентября.

Последним в этом списке числится Джон Кеннеди (35-й президент). Он был убит 22 ноября 1963 года в Далласе. С того времени прошел уже почти 61 год. Тем не менее в истории покушения остается много загадок.

Честно говоря, меня очень удивляет, почему в этом списке нет ещё одного американского президента, который числится под номером 32. Я имею в виду Франклина Делано Рузвельта. Годы его жизни — 1882—1945. Пост 32-го президента Соединённых Штатов он занимал с 1933 года до своей смерти в 1945 году. Единственный президент Соединённых Штатов, пробывший на этом посту более двух сроков. Президентство Рузвельта пришлось на очень непростое время: сначала это была Великая депрессия, а потом Вторая мировая война. В годы Великой депрессии Рузвельт стал проводить политику, получившую название New Deal («Новый курс»), которая предусматривала активное вмешательство государства в экономическую жизнь. В годы Второй мировой войны США стали одним из главных участников антигитлеровской коалиции, на этой почве началось сближение США и СССР как союзников. Будь жив Рузвельт, наверное, по-другому складывался бы послевоенный мировой порядок. Уж точно, не было бы холодной войны, которую объявил Советскому Союзу преемник Рузвельта Гарри Трумэн.

Последние месяцы жизни американского президента были очень насыщенными. Он проявлял большую активность. 4—11 февраля 1945 года Рузвельт принял участие в Ялтинской конференции, на которой были согласованы многие вопросы послевоенного устройства мира. У Рузвельта было тесное живое общение со Сталиным и взаимопонимание по боль-

шинству вопросов. Рузвельт после Ялты продолжал заниматься государственными делами и готовился к открытию 25 апреля конференции Объединённых Наций в Сан-Франциско, а также к открытию 17 июля Потсдамской конференции.

В подавляющем большинстве учебников, монографий, справочников сообщается, что уход Рузвельта из жизни был внезапным. Даются ссылки на официальное сообщение, согласно которому 12 апреля 1945 года 32-й президент США скоропостижно скончался в результате кровоизлияния в мозг. Иногда приводятся некоторые подробности: в тот день Рузвельт позировал для своего портрета перед художницей. Он неожиданно сказал ей: «У меня ужасная головная боль». Рузвельт был перенесен в свою спальню. Лечащий кардиолог президента поставил диагноз: массивное внутримозговое кровоизлияние. Спустя два часа Рузвельт скончался в возрасте 63 лет. Место смерти — так называемый «маленький Белый дом», излюбленное место уединения Рузвельта, которое находилось в Уорм-Спрингс, штат Джорджия.

Очень подробно описаны церемонии прощания с покойным. На следующее утро тело Рузвельта поместили в задрапированный флагом гроб и погрузили в президентский поезд для последнего пути в Вашингтон. По пути следования гроба собрались десятки тысяч людей, чтобы засвидетельствовать свое почтение. После прощания в Белом доме 14 апреля тело Рузвельта перевезли на поезде из Вашингтона к месту его рождения в Гайд-парке. 15 апреля его похоронили по его желанию в Гайд-парке. В Америке был объявлен 30-дневный траур. Во время этого траура произошла капитуляция Германии. Празднование Дня Победы в Европе по указанию нового президента Трумэна проходило под знаком памяти Рузвельта.

Бывая в Америке, я задавал вопрос американцам по поводу смерти Франклина Рузвельта. Действительно ли он умер своей смертью или же его убили? Среднестатистический американец давал стандартный ответ: умер. Более посвященные в тайны политики и истории американцы говорили: скорее всего убит. Примечательно, что последние почему-то отвечали шепотом. Мне запало в память, когда я учился в МГИМО более полувека назад, профессор уверенно сказал нам, студентам, что Франклина Рузвельта убили. Но он добавил, что прочитать об этом нигде нельзя.

Справедливости ради стоит признать, что все-таки версия убийства 32-го американского президента в некоторых книгах, причем изданных в США, прописывалась. Наверное, впервые систематическое изложение этой версии было дано

в книге Эммануила М. Джозефсона «Странная смерть Франклина Д. Рузвельта», увидевшей свет в 1948 году. Из книг нашего времени заслуживает внимания работа Монсеньора Билла Хэнсона «Тщательно охраняемые секреты: убийство Рузвельта, атомная бомба Японии, резня в порту Чикаго», изданная в 2000 году.

К сожалению, указанные и им подобные книги на русский язык не переведены и российскому читателю недоступны. Но есть переведенные на русский язык другие книги, в которых их авторы ссылаются на недоступные нам источники. Среди них — книга английского журналиста и писателя Дугласа Рида «Спор о Сионе», написанная им в 1951—1956 гг. (в ней он ссылается на упомянутую выше работу Эммануила М. Джозефсона). Книга Дугласа Рида у нас несколько раз издавалась на русском языке. Приведу фрагмент из этой книги, касающийся смерти Ф. Рузвельта:

«Обстоятельства смерти Рузвельта настолько загадочны, что одно только полное подчинение всех средств информации разговорщикам на самом «высшем уровне» могло утаить их от американской общественности. Несмотря на долговременную болезнь президента, смерть, настигшая Рузвельта в его имении в Уорм-Спрингс, в штате Джорджия, куда его сопровождал Генри Моргентгау (министр финансов США. — В.К.), была совершенно неожиданной. В свидетельстве о смерти, подписанном неким доктором медицины Брюнном из военно-морского госпиталя Бетесда... причиной смерти было указано «кровоизлияние в мозг» как следствие «артериосклероза». Американские законы, как федеральные, так и отдельных штатов, предписывают вскрытие трупов в случаях неожиданной смерти, в особенности, если дело идет о должностных лицах, не говоря уже о президентах. Кроме того, по американской традиции (обычай и для других стран) тела скончавшихся президентов выставляются в открытом гробу для прощания с ними. По смерти Рузвельта не последовало ни вскрытия, ни выставления тела. Труп президента был перевезен в запечатанном гробу в другое имение Рузвельта, Гайд Парк в штате Нью-Йорк, где он был похоронен. Гроб сопровождался вооруженными солдатами, получившими приказ стрелять во всякого, кто попытается открыть гроб. После похорон могила в Гайд Парке охранялась день и ночь в течение нескольких месяцев вооруженной стражей, явно с целью воспрепятствовать возможной эксгумации».

Итак, в указанном фрагменте отмечается несколько моментов, заставляющих усомниться в версии «естественной» причины смерти.

Нарушение законов, требующих вскрытие трупа. Тем более что это был труп не обычного американца, а американского президента.

Труп был сразу же помещен в гроб и запечатан крышкой, которая не поднималась во время прощания с умершим.

Длительная охрана места погребения президента вооруженной стражей.

Странное поведение ведущих американских СМИ, которые всячески обходили стороной обсуждение «странностей» проводов президента, которые обозначены в трех вышеприведенных пунктах.

К этим «странностям» можно добавить еще ряд других, о которых пишет Дуглас Рид в иных местах книги и о которых мы также узнаём из других источников. Так, диагноз об атеросклерозе и якобы вызванном им кровоизлиянии был опровергнут показанием личного врача президента, прикомандированного к нему морским министерством. Регулярные осмотры президента никаких признаков склероза мозговых артерий не показали.

А какие же альтернативные версии причин смерти президента выдвигаются Эммануилом М. Джозефсоном, Дугласом Ридом, Биллом Хэнсоном и другими «недоверчивыми» авторами и экспертами? Убийство. Причем одни считают, что убийство произошло через отравление. Другие — через выстрел в голову из пистолета или иного огнестрельного оружия. Более вероятной считается версия выстрела в голову. Сторонники этой версии ссылаются на свидетельство находившегося в Уорм-Спрингс священника, утверждавшего, что Рузвельт был убит пулей в затылок. По-видимому, разрывной пулей, обезобразившей по выходе из черепа всё лицо (примерно так же, как был убит президент Джон Кеннеди).

Пусть криминалисты дорабатывают и отшлифовывают детали убийства 35-го президента США (Кеннеди). Нас больше волнует вопрос: кто и за что убил Франклина Рузвельта? Ответ на вопрос: «Кто?» в самом общем виде очевиден: не сумасшедшие и маньяки, а противники (враги) Рузвельта. Врагов у Рузвельта накопилось предостаточно. Хорошо известно, что у американского политика, которому удается стать президентом страны, количество врагов резко возрастает по сравнению со временем до начала предвыборной кампании. А Рузвельт — уникальный американский политик, ведь ему удалось победить в четырех президентских выборах. Можно представить, какое гигантское количество недругов и откровенных врагов накопил Франклин Рузвельт внутри своей страны за период с 1932-го по 1945 год.

А к ним еще следует добавить тех недругов, которые у Рузвельта появились в годы Второй мировой войны в других странах. И не только в странах «Оси» (Германия, Италия, Япония), но также в некоторых странах антигитлеровского альянса. Не секрет, что в ходе войны стало наблюдаться сближение Рузвельта и Сталина, что стало всё больше и больше напрягать их «союзника» Уинстона Черчилля. Британский премьер, мягко выражаясь, недолюбливал не только Сталина, но и Рузвельта. Как это ни парадоксально, но Рузвельта недолюбливал и Гарри Трумэн, который после выборов 1944 года получил пост вице-президента США. Рузвельт очень и очень не хотел такого напарника, но ему через силу его всучили те, кто готовил резкий разворот внутренней и внешней политики США. Уже после смерти Франклина Рузвельта многие друзья и сторонники 32-го президента поняли коварный замысел, согласно которому президентом США должен был стать Трумэн, а не Генри Уоллес. Последний был близок к Рузвельту по своим взглядам и убеждениям. Убийство Рузвельта было, таким образом, «запрограммировано» еще в ходе подготовки президентских выборов.

Враги Франклина Рузвельта очень боялись, что послевоенный порядок в мире будут определять главы двух стран-победительниц — СССР и США. Т.е. Сталин и Рузвельт. Они готовы были убить обоих, но со Сталиным было намного сложнее. Рузвельт был ближе к ним и намного более беззащитен.

Враги Рузвельта панически боялись, что Америка при Рузвельте начнет быстро «розоветь», т.е. приобретать признаки социалистического общества. Им мерещилось, что даже «Новый курс» Рузвельта — уже шаг к социализму. Их очень напрямую обращение Рузвельта к конгрессу «О положении страны» 11 января 1944 г. В нем президент изложил свое видение послевоенных реформ в стране. Его предложения получили в истории название «Второй билль о правах» (или «Экономический билль»). Многие американские газеты того времени прямо говорили, что Рузвельт предложил социалистические преобразования в США.

Кажется, последней каплей, переполнившей чашу ненависти к Рузвельту его врагов, стала встреча 32-го президента США с саудовским королем Ибн Саудом. Эта встреча состоялась на обратном пути американского президента с Ялтинской конференции домой, около берегов Египта на американском военном судне. На этой встрече, как об этом вспоминает присутствовавший на ней ближайший сподвижник Рузвельта Г. Гопкинс, американский президент больше слушал своего собеседника, чем говорил. Тогда Рузвельт, по сло-

вам Гопкинса, узнал о ситуации на Ближнем Востоке и о так называемом «еврейском вопросе» больше, чем за всю свою предшествующую жизнь. Ибн Сауд просил американского президента не поддерживать идею создания государства Израиль, ибо это может дестабилизировать ситуацию не только в регионе Ближнего Востока, но и во всем мире. Под конец беседы Рузвельт взял на себя устное обязательство: «В качестве главы американского правительства, я не предприму никаких действий, которые могли бы оказаться враждебными по отношению к арабскому народу» (со слов Гопкинса). 5 апреля того же года уже из Вашингтона он подтвердил сказанное в письме к Ибн Сауду. Эксперты считают, что это спровоцировало сионистов на принятие окончательного решения об «устранении» американского президента.

Большинство экспертов, которые уверены в том, что 32-й американский президент был убит, склоняются к тому, что убийство было порождено не одной, а сразу несколькими причинами (в силу ограниченности объема статьи я не смог их все изложить). Все эти причины можно свести к одной главной — проявлению независимости от тех, кто помогал Рузвельту побеждать в президентских выборах. Т.е. к стремлению Рузвельта поставить интересы нации выше интересов большого капитала или «хозяев денег» (главных акционеров Федеральной резервной системы США).

ГЕОРГИЙ ЖУКОВ

Памяти великого полководца

Его часто называют Полководцем №1. Но это не совсем верно. Хотя он и удостоен ордена №1 «Победа», подобного титула безоговорочно заслуживает Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, который вёл к Победе не фронт, не группу фронтов, а всю нашу Армию. И не одну Армию, а весь народ.

До 1956 года так оно и считалось и никаких сомнений не вызывало, но после подлого и лживого доклада Хрущёва «О культе личности и его последствиях» имя Сталина стало не в почёте у властей, а значит — и у историков, и у журналистов. С конца же 1980-х и до сего дня имя Сталина они упоминают только со знаком «минус». Дошло уже до того, что за рубежом (а некоторые и у нас в стране!) его, наравне с Гитлером, стали обвинять в развязывании 2-й мировой войны. Даже называющие себя коммунистами зюгановцы, боясь потерять нагретые места в Госдуме, не велят носить его портреты на своих митингах и демонстрациях.

У победоносных, да ещё освободительных войн всегда есть живые символы. При освобождении Москвы в 1612 году ими стали К. Минин и Дм. Пожарский, хотя начало освобождению

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Москвы положило 1-е ополчение во главе с Ф. Ляпуновым, предательски убитым казаками. При изгнании Наполеона в 1812 году — М. Кутузов, хотя, по сути, он продолжил стратегию Б. де-Толли. При освобождении Болгарии в 1878 году — М. Скобелев, хотя немалыми победами прославился также И. Гурко.

В Победе 1945 года таким символом стал И. Сталин, но после «развенчания культа личности» на его место был поставлен Г. Жуков. Вряд ли кто-нибудь сомневается, что это — наиболее достойная замена. Не только потому, что по должности он был заместителем Верховного главнокомандующего и что он был единственным из полководцев трижды Героем Советского Союза (четвёртую Золотую Звезду он получил при Хрущёве не совсем за боевые заслуги), но и потому, что он был одним из трёх полководцев, наряду с И. Сталиным и А. Василевским, в полной мере обладавшим не только оперативным, но и стратегическим искусством. И потому, главное, что с его именем связаны почти все крупнейшие победоносные операции Великой Отечественной войны.

Да, он далеко не всегда вызывал симпатии у своих товарищей по оружию. Его грубость иногда переходила в самодурство. Его завышенная самооценка и тщеславие переходили в принижение чужих заслуг и превознесение собственных. Случалось, что его вера в собственную непогрешимость наносила ущерб делу. Всегда уверенный в своей правоте, он не терпел возражений. Судя по его мемуарам и по некоторым воспоминаниям о нём, он создал культ самого себя и сам поклонялся ему. Его самомнение, безапелляционность суждений и властолюбие вызывали раздражение и даже опасение у высшей власти, за что он поплатился «ссылкой» в Одессу при Сталине и полной отставкой при Хрущёве. Так что писать икону с Георгием Константиновичем вряд ли уместно.

Но — «наши недостатки есть продолжение наших достоинств». А главные достоинства маршала были таковы. Обладая упорством и огромным чувством ответственности, он всю жизнь учился. Учился в академиях и учился в ходе войны, учился на чужих и своих ошибках, на победах и поражениях, и в военном отношении был одним из образованнейших полководцев своего времени. Обладая чётким логическим мышлением, он столь же чётко излагал свои мысли при обсуждении планов операций, в приказах войскам и в донесениях в Ставку ВГК (Верховного Главнокомандования). Обладая выдающимся аналитическим умом, он умел быстро оценивать сложнейшие ситуации в масштабах не только одного фронта, но и всего советско-германского театра войны, и находить в них самое важное звено. Даже в безнадёжной

обстановке, он умел найти выход из положения. Обладая быстрой реакцией, он старался своевременно реагировать на изменения фронтовой обстановки, оперативно перебрасывая войска с одного участка на другой. Обладая уникальными организаторскими способностями, он умел эффективно действовать все имеющиеся в его распоряжении силы и средства. Обладая прямоотой характера, он не боялся резко возражать Сталину, если считал позицию того ошибочной. Обладая железной волей, он умел заставить вверенные ему войска выполнять стоящие перед ними задачи. Уверенный в себе, он всегда вселял уверенность и в других.

«Заглянем в его комнату — всё ползает по карте на полу. Уже тогда (в 1924 г. — В.Г.) долг, дело были для него превыше всего. У него всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах», — вспоминал маршал К.К. Рокоссовский. Эти качества позволяли Г.К. Жукову одерживать многие свои победы «не числом, а умением». Вопреки утверждениям некоторых публицистов из числа «гробокопателей», процент потерь в его войсках почти всегда был меньше, чем у других командующих фронтами.

В феврале 1941 года он был назначен начальником Генерального штаба РККА и войну встретил на этом посту. К мнениям штабов он всегда относился внимательно, но сам штабную работу не любил и ранее штабного опыта не имел. И вполне объяснимо, что при нём Генштабом был допущен ряд серьёзных ошибок и упущений: неверно определено направление главного удара вермахта (вместо ожидавшегося на юго-западе удар пришёлся по центру), не были приведены войска в боевую готовность, в результате чего только в первый день войны на земле было потеряно 1200 самолётов (ссылки на приказ Сталина «не провоцировать немцев на нападение» служат малым оправданием: нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, несмотря на этот приказ, объявил во флоте «Готовность №1», и начало войны флот встретил во всеоружии, не потеряв ни одного корабля), войска не были обеспечены полевыми картами и т.д., и т.д. Но, к чести Жукова, он и сам признавал, что стратегом в то время не был: *«Надо откровенно сказать, ни у наркома (С.К. Тимошенко. — В.Г.), ни у меня не было необходимого опыта в подготовке вооруженных сил к такой войне, которая развернулась в 1941 году....»*

Из-за конфликта с И.В. Сталиным с этой должности Жуков был снят и 30 июля 1941 года назначен командующим Резервным фронтом, защищавшим дальние подступы к Москве. Фронт прославился наступательной операцией, проведенной с 30 августа по 6 сентября 1941 г., в результате кото-

рой был ликвидирован Ельнинский выступ и освобождена Ельня. И пусть Ельня через месяц была вновь захвачена врагом, эта небольшая победа имела не только военное значение (нанесено поражение превосходящим силам противника, улучшено общее положение фронта, снята угроза вторжения фашистов в глубину нашей обороны, приобретён опыт проведения наступательных операций), но и морально-политическое — был поднят боевой дух армии, поверившей, что грозного врага можно побеждать. Правда, в тени этой операции оказалось самое первое за время войны освобождение советского города — Великих Лук, осуществлённое ещё в июле другим, Северо-Западным фронтом.

10 сентября (по другим данным 14 сентября) 1941 года Жукова направили командовать Ленинградским фронтом вместо К.Е. Ворошилова. Связано это было с тем, что, возобновив наступление на Ленинград, 9 сентября враг замкнул кольцо сухопутной блокады и готовился к захвату северной столицы. Огромный город оказался в критическом положении. После прибытия на фронт Жуков вместе с руководством Ленинграда, военным советом фронта и командованием Балтийского флота вскрыл и задействовал все возможные резервы, очень грамотно их использовал и установил исключительно жёсткий порядок и дисциплину в войсках. (Некоторые авторы утверждают, что 28 сентября 1941 года Жуков отправил зашифрованную телеграмму войскам Ленинградского фронта за № 4976, в которой, в частности, предписывалось: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны...», и только после доклада члену Политбюро Г.М. Маленкову начальника Главного политуправления ВМФ эта телеграмма была отменена.) Но, как бы то ни было, все эти меры дали результат: наступление немцев (и финнов тоже) было остановлено, фронт стабилизировался, план противника по захвату города был сорван, город был спасён. И не только это. Под Ленинградом были скованы огромные войска вермахта, значительную часть которых после захвата Ленинграда немцы планировали перебросить на московское направление.

Некоторые историки «антижуковского» направления пишут, что немцы к тому времени уже сами отказались от захвата Ленинграда, и приезд Жукова особой роли не сыграл. Но это неправда. 21 августа 1941 года Гитлер дал указание: «Важнейшей целью, которая должна быть достигнута ещё до наступления зимы, является не захват Москвы, а: на юге — захват Крыма, индустриального и угольного Донецкого бассейна; на севере — захват Ленинграда и соединение с финнами».

2 октября 1941 года фашисты начали наступление на Москву (операция «Тайфун»). Вскоре они окружили и уничтожили 5 армий Западного (И.С. Конев) и Резервного (С.М. Будённый) фронтов и существенно продвинулись к городу. Столица оказалась в опасности, и 13 октября Жукова отозвали с Ленинградского фронта, назначив командующим Западным фронтом, который включил в себя также бывший Резервный фронт и часть сил Брянского фронта. На этот фронт пришлось основная тяжесть оборонительных боёв за Москву, особенно ожесточённых во второй половине ноября, которые он с честью выдержал, а 5—6 декабря при поддержке Калининского и Юго-Западного фронтов начал контрнаступление, закончившееся в начале января 1942 года разгромом немцев и отбрасыванием их на запад на 100—250 км. И это при том, что противник превосходил нас в живой силе и артиллерии в 1,5 раза, в танках — в 1,8 раза.

Блицкриг рухнул. Это была первая стратегическая победа Красной Армии. Хотя в ходе боёв Жуков и допускал оперативной-тактические ошибки, на что ему указывал Генштаб, его роль в этой победе невозможно переоценить. Никто из советских полководцев того времени не смог бы сделать то, что сделал Жуков. Он в критической ситуации, в обстановке всеобщей растерянности сумел восстановить твердое управление войсками, потерянное при натиске врага, создать непреодолимую оборону на ближних подступах, измотать противника неожиданными контратаками, а потом повести войска в успешное контрнаступление. Не зря его часто называют «спасителем Москвы».

Победа под Москвой вызвала чрезмерный оптимизм в Ставке ВГК, и на 1942 год она поставила цель: разгромить все три группы армий вермахта — «Север», «Центр» и «Юг». «...*Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки (после поражения под Москвой — В.Г.), гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы ещё до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году...*», — говорилось в директивном письме Верховного Главнокомандующего командующим фронтам. (В 1966 г. Жуков признался, что «шапки тогда у всех набекрень были», включая и его самого.)

В русле этой директивы 8 января 1942 года, сразу по окончании контрнаступления под Москвой, без подготовки началась одна из самых кровопролитных в Великой Отечественной войне Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция Калининского (И.С. Конев) и Западного (Г.К.

Жуков, он же с 1 февраля одновременно командующий Западным направлением) фронтов, задачей которой было окружение, расчленение и уничтожение основных сил группы армий «Центр» в районе Ржева, Вязьмы, Юхнова, Гжатска. Командующие с задачей не справились, ибо задача оказалась непосильной — противник был сильнее, лучше вооружён и лучше обеспечен боеприпасами. Ни окружить, ни расчленить, ни уничтожить немцев не удалось. Наоборот часть наших войск оказалась окружённой, расчленённой и уничтоженной (полностью 33-я, в значительной мере 29-я и 39-я армии), а Ржев так и остался у врага. И хотя в результате операции вермахту был нанесён громадный урон, линия фронта продвинулась на запад ещё на 80—250 км и угроза ближайшего наступления врага на Москву была устранена, цена всего этого оказалась слишком высокой: за четыре месяца боёв потери Красной Армии составили 446 (по другим оценкам 770) тыс. человек, в том числе безвозвратные 153 тысячи (общие потери противника 330 тыс.).

Однако вина за столь большие жертвы лежит не только на Ставке ВГК, недооценившей силы врага, но и на командующих фронтами, которые, в частности, не предусмотрели возможность окружения наших частей и соединений, а когда те были окружены, с опозданием отдавали приказы о выходах из окружения. Сам Жуков был очень встревожен большими потерями и 30 марта 1942 г. издал приказ по Западному фронту, где говорилось: *«1. Каждую ненормальную потерю людей в 24 часа тщательно расследовать и по результатам расследования принимать решение, донося в высший штаб. Командиров, преступно бросивших части на подавленную систему огня противника, привлечь к строжайшей ответственности и назначать на низшую должность... 3. К докладам о потерях прилагать личное объяснение по существу потерь, кто является виновником потерь, какие меры приняты к виновным, чтобы не допускать их в дальнейшем...»*

Этим сражением окончилось зимнее контрнаступление Красной Армии. Его уроки и уроки ряда бесплодных наступательных боёв того периода (бесплодных, конечно, относительно — они сдерживали натиск врага и наносили ему существенный урон) привели к изменению планов летней кампании 1942 года — Генштаб сделал упор на активную стратегическую оборону и накопление резервов для последующих наступательных операций, тем более что по численному составу и по технической оснащённости наши войска ещё серьёзно уступали противнику, а накопленные резервы были израсходованы под Москвой. Г.К. Жуков, поддержав план в

целом, предложил дополнительно провести наступательную операцию по «срезанию» Ржевского выступа (не «срезанного» им в предыдущей операции), глубоко вклинившегося в линию нашей обороны, а И. В. Сталин дополнительно предложил провести ещё частную наступательную операцию под Харьковом (на чём настаивали командующий Юго-Западным фронтом маршал С. К. Тимошенко и член военного совета Н. С. Хрущёв). В таком виде план и был утверждён. Как впоследствии писал начальник Генштаба А. М. Василевский, «самым уязвимым оказалось в нём решение одновременно обороняться и наступать».

Новая, вторая по счёту (всего их было четыре), Ржевская или 1-я Ржевско-Сычёвская операция проводилась с 30 июля по 23 августа силами Западного (Г. К. Жуков), Калининского (И. С. Конев) и частью сил Северо-Западного (М. А. Пуркаев) фронтов. Это было время, когда враг разгромил наши войска под Харьковом и на Керченском полуострове в Крыму, перехватил стратегическую инициативу и рвался к Волге и Кавказу. Поэтому первоначальные задачи операции были сужены: разгромить не всю немецкую группировку, а только одну 9-ю армию, и «срезать» только часть Ржевского выступа, а главное — не дать противнику перебросить часть войск на южное направление. Однако из-за ряда объективных и субъективных причин эти задачи были выполнены лишь частично (Ржев остался у немцев), а главный итог операции состоял в том, что линия фронта продвинулась на 40—45 км, были разгромлены 16 немецких дивизий (потери в них составили от 50 до 80% личного состава), а 4 танковые и несколько пехотных дивизий противника, подготовленных к отправке на южный фронт, оказались скованными. Но успех был достигнут дорогой ценой: наши потери составили 193 683 человека, из них 51 482 безвозвратные (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести), втрое выше, чем у немцев.

Несмотря на неуспех этой операции, Сталин высоко оценил заслуги Жукова в деле защиты Ленинграда и Москвы, и 26 августа 1942 г. назначил его заместителем Верховного Главнокомандующего и 1-м заместителем наркома обороны. Теперь Георгий Константинович стал часто бывать в Ставке и вместе с И. В. Сталиным и начальником Генштаба А. М. Василевским непосредственно участвовать в анализе боевой обстановки и разработке планов предстоящих операций.

Первой его «работой» на этих постах, выполненной совместно с Василевским, была разработка общего плана контрнаступления под Сталинградом. Детальный план был затем разработан в Генштабе с учетом предложений командующих

Сталинградским (А.И. Ерёменко), Донским (К.К. Рокоссовский) и Юго-Западным (Н.Ф. Ватулин) фронтами. Попытки некоторых «историков» и мемуаристов приписать авторство плана кому-то из этих командующих (здесь особенно старался Ерёменко) не имеют никаких оснований — для этого нужно было обладать данными зафронтной разведки, сведениями о резервах, о запасах вооружения и боеприпасов, о возможности транспорта и т.д., а они могли быть только в Ставке ВГК и Генштабе.

Сам Жуков (вместе с Василевским) принял деятельное участие в подготовке фронтов и в самом контрнаступлении, которое, как известно, закончилось 2 февраля 1943 г. окружением, разгромом и капитуляцией 330-тысячной армии противника. Это была вторая крупнейшая стратегическая победа Красной Армии, в которой Жуков вместе со Сталиным и Василевским сыграл первостепенную роль.

Однако проведенная с 25 ноября по 20 декабря 1942 г. (одновременно с началом сталинградского контрнаступления) по предложению и под руководством Жукова силами Западного (И.С. Конев) и Калининского (М.А. Пуркаев) фронтов 3-я Ржевская наступательная операция (2-я Ржевско-Сычёвская или операция «Марс») лавров венок полководца не добавила. Целью её было разгромить, наконец, основу группы армий «Центр» — 9-ю армию Моделя, отвлечь главные силы противника, не допустить их переброски под Сталинград и ликвидировать плацдарм возможного наступления на Москву.

Об этой операции советские книги по военной истории вообще умалчивали, а авторы солидных книг о Жукове (например, Н. Яковлев и В. Карпов) упомянули о ней скользь и очень обтекаемо, ибо окончилась операция провалом. При том что в ней было задействовано больше наших сил, чем в Сталинградском контрнаступлении, Красная Армия практически не потеснила противника и понесла громадные потери — 215,7 тыс. человек, в том числе безвозвратные — 70,4 тыс. Единственный, но очень важный плюс — вместо переброски от Ржева части своих войск под Сталинград противник был вынужден перебросить сюда с других участков 4 танковые и 1 моторизованную дивизии.

Причиной неудачи специалисты считают то, что немцы, имея хорошую разведку, разгадали замыслы нашего командования. Есть и другая версия. Знаменитый советский разведчик П.А. Судоплатов в книге «Спецоперации: Лубянка и Кремль» написал, что частичные сведения о нашем предстоящем наступлении на Ржев были «слиты» немцам в ходе радиоигры «Монастырь» с целью дезинформировать их о том,

что главный удар Красная Армия будет наносить здесь, а не у Сталинграда, т.е. немцы были подготовлены к отражению удара, о чём Жукова в известность не поставили. Некоторые историки подвергают этот факт сомнению, но даже если таковой был в действительности, это не оправдывает ошибок командования.

Жуков вспоминал: *«Разбираясь в причинах неудавшегося наступления войск Западного фронта, мы пришли к выводу, что основной из них явилась недооценка трудностей рельефа местности, которая была выбрана командованием фронта для нанесения главного удара»*. По воспоминаниям выживших участников боёв, на практике «трудности рельефа» выглядели так: наши части по открытым заснеженным полям направляли в лобовую атаку (маскхалатов почти не было) на хорошо укрепленные оборонительные позиции врага, расположенные на возвышенностях, с которых целые роты, батальоны и полки наших бойцов немцы беспрепятственно выкашивали из пулемётов, миномётов и пушек. Удивительно, что Жуков, который руководил всей операцией и который, по его же воспоминаниям, перед началом наступательных боёв всегда осматривал наши передовые позиции в наиболее ответственных местах («ползал на животе», как он выражался), вину за непродуманную подготовку возлагает на одного Конева. (Не удивительно только, что Конев свои военные мемуары начал с Курской дуги, предпочитая не вспоминать о своих двух первых боевых годах.)

Ржевский выступ был всё же ликвидирован в марте 1943 г. в ходе четвёртой Ржевской (2-й Ржевско-Вяземской) операции. Опасаясь второго Сталинграда, немцы сами оставили его, но при отходе понесли очень большие потери. Наши же общие потери за год с лишним боёв под Ржевом составили по разным оценкам от 835,8 тысяч до 1 млн. 160,8 тысяч, из них безвозвратные — до 392,6 тысяч солдат и офицеров.

В январе 1943 г. Георгий Константинович был направлен (вместе с К.Е. Ворошиловым) координировать действия Волховского (К.А. Мерецков) и Ленинградского (Л.А. Говоров) фронтов при проведении наступательной операции «Искра». 18 января блокада Ленинграда была прорвана — пробит сухопутный коридор вдоль Ладожского озера, названный «Дорогой Победы». В этот же день полководцу было присвоено звание Маршала Советского Союза — первому за годы войны (через месяц такое же звание получил А.М. Василевский, а потом более года маршальское звание никому не присваивали).

Летом 1943 г. Жукову совместно с Василевским стоило определённых трудов убедить Сталина начать бои на Курс-

кой дуге не с наступления, а с преднамеренной, глубоко эшелонированной обороны, с целью измотать и обескровить противника, после чего самим перейти в наступление. Как показал ход Курской битвы, ставшей переломной во всей Второй мировой войне, это было самое верное решение. Жуков координировал действия Западного, Брянского и Центрального фронтов на северном фланге Курской дуги (действия фронтов на южном фланге координировал Василевский). 5 августа 1943 г. в честь освобождения Орла и Белгорода в Москве состоялся первый в войну салют, а 23 августа 1943 г. битва закончилась разгромом немцев и вторым салютом по случаю освобождения Харькова. Оба салюта адресовались, в том числе, и Жукову.

С этого времени стратегическая инициатива окончательно перешла к Красной Армии, а Георгий Константинович, как и раньше, находился на острие событий. Он координировал победоносные действия Центрального (будущего 1-го Белорусского), Воронежского и Степного (будущих 1-го и 2-го Украинских) фронтов в Черниговско-Полтавской операции (за месяц боёв войска продвинулись на запад на 250—700 км, причём безвозвратные потери наших войск были втрое меньше потерь противника); при форсировании Днепра со взятием Киева; в Житомирско-Бердичевской операции (с созданием Корсунь-Шевченковского «котла»). С марта 1944 г., заменив тяжело раненного Н.Ф. Ватутина, он почти три месяца командовал 1-м Украинским фронтом, который провёл успешную Проскуровско-Черновицкую наступательную операцию (войска продвинулись на 80—350 км, потеряв вчетверо меньше людей, чем противник).

10 апреля Жуков одновременно с Василевским был удостоен высшего военного ордена «Победа». Третьим орденом в июле был награждён Сталин, все трое — «За освобождение Правобережной Украины»; награждения этим орденом других полководцев состоялись только в 1945 году.

Затем он участвовал в разработке плана операции «Багратион» по освобождению Белоруссии — крупнейшей операции Второй мировой войны и координировал действия 1-го и 2-го Белорусских, а также вспомогательные действия 1-го Украинского фронтов (с северной стороны «Белорусского балкона» действия фронтов координировал Василевский). В ходе наступления, оценив общую обстановку на Советско-германском фронте, Жуков и Василевский, независимо друг от друга, предложили Сталину усилить группу фронтов Василевского для внезапного удара по слабо защищённой в то время Восточной Пруссии, но предложение принято не было.

Позднее Жуков писал: *«Думаю, что это была серьёзная ошибка Верховного, в последующем повлёкшая за собой необходимость проведения чрезвычайно сложной и кровопролитной Восточно-Прусской операции»*.

В ноябре 1944 г. Георгий Константинович был назначен командующим 1-м Белорусским фронтом, нацеленным на главное, берлинское направление вместо К.К. Рокоссовского (того перевели на 2-й Белорусский). По словам Жукова, Сталин объяснил это назначение тем, что общая протяжённость Советско-германского фронта и количество фронтов сократились, надобность в координации их действий, а, значит, и в представителях Ставки отпала. Видимо, истинная причина «понижения» была иной, поскольку, например, А.М. Василевский продолжал координировать действия трёх фронтов и лишь 20 февраля 1945 г. стал командовать 3-м Белорусским фронтом вместо погибшего А.Д. Черняховского.

В январе 1945 г. 1-й Белорусский фронт при участии 1-го Украинского (И.С. Конев) провёл блистательную Висло-Одерскую операцию, в ходе которой была полностью освобождена Польша, захвачен важный плацдарм на западном берегу Одера для последующего наступления на Берлин, полностью уничтожены 35 немецких дивизий, ещё 25 потеряли от 50 до 70% личного состава, взяты в плен 150 тыс. солдат и офицеров. Наши потери составили 193 215 чел., причём процент потерь в войсках Жукова (7,5%) был почти в 1,5 раза ниже процента потерь в войсках Конева (10,7%)

Войска Жукова наступали с рекордной скоростью — по 20—30 км в сутки (это наступление считают самым стремительным в военной истории) и продвигались столь быстро, что оголялись фланги фронта из-за отставания соседних фронтов (1-го Украинского и 2-го Белорусского). *«Русское наступление за Вислой развивалось с невиданной силой и стремительностью, невозможно описать всего того, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Это была трагедия невиданного масштаба... Европа не знала ничего подобного со времён гибели Римской империи»*, — писал после войны генерал вермахта фон Меллентин.

В феврале-марте правое крыло 1-го Белорусского вместе со 2-м Белорусским фронтом проводило трудную Восточно-Померанскую наступательную операцию (Северная Германия). Потери войск Жукова составили 14,5%, Рокоссовского — 30,9%, а 16 апреля началась Берлинская — последняя и одна из тяжелейших наступательных операций всей Второй мировой войны. Её проводили совместно 1-й Белорусский (его потери составили 19,7% личного состава) и 1-й Украинский (потери 20,7%) фронты. За-

вершилась она 9 мая (по московскому времени) подписанием в Берлине (Карлсхорсте) Акта о капитуляции фашистской Германии. С советской стороны Акт подписал Г.К. Жуков.

Наконец, 24 июня в Москве состоялся исторический Парад Победы. Принимать его на коне Верховный Главнокомандующий не мог в силу возраста и поручил выполнить эту торжественную и высоко символическую миссию Г.К. Жукову. Ему же было поручено от имени Правительства и ЦК ВКП(б) поздравить с трибуны мавзолея Армию с Победой — то, что по должности должен был сделать Верховный Главнокомандующий, Председатель Совета министров и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Сталин. Это было высшим признанием заслуг маршала, и это был его звёздный час.

Г.К. Жуков не был непобедимым полководцем. И ни солдатский афоризм «Где Жуков — там победа», ни эпитет «Суворов XX века», коим его награждают некоторые восторженные почитатели-публицисты, к нему, как мы видим, не подходят. Он допускал промахи, а порой и дорогостоящие ошибки. Есть люди, которые всё внимание сосредоточивают на них.

Но не лучше ли вспомнить слова самого «объективного историка» А. Гитлера: *«Если бы в германской армии был хотя бы один такой генерал, как Жуков, то Германия давно бы завоевала мировое господство»?* Не лучше ли вспомнить слова американского генерала У. Спара: *«В годину борьбы русского народа с новыми бедствиями Жукова поднимают как икону, олицетворяющую дух русского народа, умеющего выдвинуть вождя-спасителя в экстремальных условиях. Жуков — воплощение русской чести и доблести, русского суверенитета и русского духа. Никто не сможет стереть или запятнать образ этого человека на белом коне, который сделал так много, чтобы поднять свою страну до сияющих высот»?*

А между тем из всех советских полководцев именно маршала Жукова подвергают наиболее ожесточённой критике. Может, потому что «с большого человека и спрос большой»?.. Нет, дело в другом. Им, «критикам», нужно принизить нашу Победу. Им нужно очернить нашу историю. Им нужно уничтожить символы героической советской эпохи — эпохи, сделавшей Россию могучей державой, о которую никто и в мыслях не допускал вытирать ноги. Первой жертвой стал Иосиф Виссарионович Сталин. Потом дошла очередь до Георгия Константиновича Жукова.

18 июня этого года исполнилось 50 лет со дня кончины Маршала. Помянем великого полководца словами благодарности!

ОЧИЩЕНИЕ

В жизни каждого человека рано или поздно наступает такой момент, когда ему нужно на какое-то мгновение остановиться и оглянуться на им пройденное, чтобы понять, верным ли путем шел в этой жизни, не свернул ли где невзначай с пути истинного. И если уж сбился с пути верного, то просто так вернуться на стезю праведную не так просто будет — потребуется время для молитвы и покаяния, для очищения от греха вольного или невольного.

История ряда стран отмечена периодами очищения от наследия позорного прошлого: в странах Европы — от инквизиции до нацизма, в США — от рабства негров до агрессии против Вьетнама и Афганистана. Да и в России было за что покаяться — тут и крепостничество, и красный террор, и царевубийство, и ГУЛАГ, и горбачевщина с ее преступной перестройкой, приведшей к развалу исторической России, включая СССР.

Как-то во Франции, где я работал собственным корреспондентом «Правды», мне довелось побывать в доме Андрея Синявского и Марии Розановой, классических диссидентов советской поры. Меня поразила тогда

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

одна фраза Розановой: «Для того чтобы «Правде» да и вообще коммунистам поверили, — им нужно покаяться». Андрей Донатович кивнул и добавил: «Причем публично».

КПРФ не покаялась. Зюганов о советском прошлом говорит только в позитивном плане и всегда с восхищением. Действительно, в годы советской власти наша страна достигла потрясающих успехов и вышла на уровень сверхдержавы. Но только ли с этим советский период войдет в историю? Вот результат опроса «За какую партию вы проголосовали бы на выборах в Госдуму (в 2024 году): за КПРФ — 10%. А за «Единую Россию» — 36%. И не потому вышел такой результат, что едроссы безгрешны, а потому, что в советском прошлом зафиксированы такие прегрешения, совершенные именем ВКП(б)—КПСС, которые простить и забыть невозможно без всенародного покаяния коммунистов.

Была такая попытка на XX съезде КПСС, но выступил с докладом о культе личности тогда Никита Хрущев (1894—1971), который на даче Сталина за пьянкой развлекал вождя народов голаком. Это при его-то брюхе! Да и за своего сына, погибшего в фашистском плену, которого немцы предлагали обменять на фельдмаршала Паулюса, а Сталин отказался, мстил Никита Сергеевич даже мертвому вождю, которого потом и вовсе унизил посмертно, убрав его тело из Мавзолея от Ленина. А в народе это Хрущу не простили, так как Сталин для большинства советских людей был прежде всего вождем, под командой которого СССР выиграл войну с фашистской Германией.

Н.С. Хрущев, бывший троцкист и организатор расстрела бастовавших рабочих в Новочеркасске в 1962 году, вошел в историю как Никита-кукурузник. Эта кличка прилипла к нему после его попыток вырастить кукурузу за Полярным кругом. Его шизофренические попытки в начале 60-х годов «догнать и перегнать Америку», в частности, «по молоку и мясу» закончились тем, что был произведен массовый забой домашнего скота в приусадебных хозяйствах колхозников и голоду в сельской местности по всему СССР. Это не случайно вызвало ассоциации с голодомором 30-х годов.

Едва не третьей мировой войной закончилась авантюра Хрущева с размещением ракет средней дальности на Кубе в 1962 году. Я служил тогда в армии на Камчатке в войсках ПВО и по тем документам, которые поступали к нам на командный пункт, могу судить, насколько близко подошел тогда мир к роковой черте. Хрущев не покаялся.

В октябре 1964 года за «субъективизм» и «волюнтаризм» — мягко было сказано, надо было бы еще добавить и «за дурь» — Хрущев был отстранен от власти и отправлен на пенсию.

Любопытная деталь: и сын, и дочь Хрущева сегодня живут в США, откуда время от времени мы слышим их оценки политики Кремля. Ничто в этом мире не бывает случайным. Сталин правильно поступил, разгромив троцкистов. Не сделай он этого, СССР развалили бы еще до войны.

Перестройка, по сути дела, была признанием поражения установки «Догнать и перегнать». Но не только. Идея добавить к социализму немного демократических свобод от капитализма, т.е. совместить несовместимое, обернулось тем же, что и добавка чернил в стакан с водой. «В одну упряжку впрячь не можно осла и трепетную лань». И это еще вопрос: кто — осел, а кто — лань...

Да и во всех тогдашних переменах и реформах сказалось удивительное скудоумие Горбачева и его окружения, в чем мне не раз пришлось убеждаться лично, в том числе в ходе нашей публичной перепалки во время его выступления в Национальном собрании Франции. Не случайно его с таким восторгом восприняли на Западе: поняли сразу, что он развалит неразвалимое — сразу после того, как он выложил перед Маргарет Тэтчер секретные карты нашего Генштаба. Ну а дальше только и оставалось сдавать Советский Союз по кусочку, что и было совершено перестройщиками. Но в том же Генштабе знали, где побывали их самые секретные документы. Но там — ни-ни, барин шутит... Когда холуйство проявляется на таком уровне и при таких обстоятельствах, то, как говорится, гасите свет.

То, что не до конца развалил Горбачев, до основания разломал Ельцин — самый мерзкий и самый продажный в истории России правитель и, пожалуй, первый квислинг. На Западе на его предложения о дружбе и сотрудничестве, на вступление России, тогда еще бывшей в составе СССР, в Евросоюз и НАТО поначалу ответили брезгливо. Я помню, как отбивался президент Миттеран от встречи с Ельциным, тогда уже президентом РФ в составе СССР, в 1991 году, опасаясь, что это повредит его отношениям с президентом СССР Горбачевым. Но Ельцин, как та муха: выгонят в одно окно, влетит в другое, — всё же добился встречи с ним. Она произошла, как Миттеран объяснил нам, аккредитованным во Франции журналистам, но была случайной, и Ельцин вроде бы прорвался в Елисейский дворец как турист, без официального приглашения. Вскоре, однако, он был признан «в законе», как только он и еще два предателя развалили в Беловежской пуще Советский Союз. На Западе хорошо понимали, что иметь дело с Ельциным позорно. Но, как говорится, — положение обязывало.

Мне довелось быть свидетелем такой сценки в Национальном собрании Франции, куда пригласили одновременно президента США Билла Клинтона и Бориса Ельцина. Всё шло по протоколу, когда вдруг Клинтон согнулся пополам, задыхаясь от хохота. Оказалось, что так он среагировал на слова Ельцина: «Мы, Билл, здесь с тобой самые умные, а все остальные — дураки».

На Западе быстро поняли, кто есть кто, и активно использовали квислинга Ельцина сначала для развала СССР, а затем и для подчинения России своему диктату. Каялись россияне потом, что пошла страна за этим пьяным чудовищем, но было уже поздно.

А ведь надо было уже тогда провести всероссийское очищение от той мрази, которая появилась и расцвела при Ельцине, но живет и процветает до сих пор: от коррупции, местничества и кумовства. Путину досталось поистине тяжелое наследство. И всё же ему и его команде, особенно с приходом Белоусова на пост министра обороны, удастся постепенно выровнять сильно отклонившийся от верного курса государственный корабль.

События последнего времени в России показывают, что у нас во власти произошло то, что ожидалось давно: пришло понимание необходимости провести очищение верхних эшелонов власти от проникших туда коррупционеров, властолюбцев и морально разложившихся личностей. Это задача нелегкая, особенно в военное время, но крайне необходимая именно сейчас.

Андрей СОШЕНКО

ПРЕДСКАЗУЕМЫЙ СЦЕНАРИЙ

1

Как я отмечал год назад в материале «Мигрантский беспредел», «дальше будет только хуже», русских в России продолжают убивать, насиловать, грабить. В русских регионах разгуливают банды нацменов, ставящих своей целью избиение и уничтожение русских. В соцсетях создаются нацменс-

кие «сообщества» по данному принципу. Многонационалы уже выселяют русские семьи из их жилищ. С недавних пор тожероссияне начали зверски избивать и глумиться над участниками СВО. Подобных случаев — множество. Например, тогда, год назад, участник СВО Антон Чашкин приехал в отпуск в свой родной Челябинск, не предполагая, что кто-то начнёт называть его агрессором за участие в СВО. Но 24-летний мигрант из Таджикистана, когда Антон повернулся к нему спиной, нанёс ему зверский удар. Антон с тяжёлой черепно-мозговой травмой был госпитализирован, но спасти ему жизнь не удалось.

В другом материале «В России убивают и бьют участников СВО» я рассказывал, как толпа мигрантов в сентябре 2023 года избила 28-летнего участника СВО в Ростовской области. Всё произошло около кафе в городе Батайске. На русско-го парня во время прогулки в парке напала целая толпа. Вячеслава К., защищавшего свою девушку, сильно избили, а после ещё с криками «Стреляй в русского!» всадили в него 12 пуль из травматического оружия. Одна из них попала в голову и повредила мозг. То, что Вячеслава удалось быстро доставить в больницу, расположенную неподалёку от места нападения, чудо. Но толпа тожероссиян пыталась догнать тех, кто доставлял Вячеслава в госпиталь, и только двери больницы их укрыли. Писали, что семья избитого толпой участника СВО боится выходить на улицу.

И что в случае с Вячеславом К. из Батайска? Прошёл почти год... Сообщают: это резонансное дело разваливает купленный адвокат. На исход разбирательств пытается повлиять Центральный аппарата СК РФ, но даже его полномочий не хватает на то, чтобы наказать мигранта Гусейнова. Год назад началось следствие, боец лечился в местной больнице. Но местные следователи явно затягивали разбирательство, и тогда дело «о покушении на убийство» забрал столичный Следком. Однако в мае 2024 года дело неожиданно вернули в Батайск, и новый адвокат Гусейнова некий Абу Магомедов (бывший замуководителя отдела по особо важным делам управления СК по Ростовской области) добился переквалификации статьи на обычное «хулиганство» (от штрафа до условного срока). Родственники Вячеслава уверены, что прежние связи адвоката, который ранее был «большой шишкой» в Следкоме, помогут развалить дело. Кроме того, они уверяют, что заметили вмешательство диаспоры в ход расследования.

Друзья и близкие Вячеслава написали новое обращение на имя главы Следственного комитета Бастрыкина. И вроде

Александр Иванович отменил переквалификацию дела на менее тяжкую статью, расследование будет продолжено по статье о покушении на убийство. Однако родственники Вячеслава опасаются, что дело вновь полегит-полегит, и потом его опять будут пытаться переквалифицировать. Ведь оно за 11 месяцев по каким-то загадочным причинам так и не добралось до суда. Вот как сильно миграционное лобби в России, а нацменьшинские диаспоры — мощнее официальных органов власти! Вообще — уму непостижимо, как такое может быть!

А этот случай произошёл 28 июля в Крыму. В Феодосии на чемпиона мира по боксу среди военнослужащих, чемпиона России Дмитрия Двали напала толпа мигрантов. Пострадавшего забили, нанеся тяжелейшие травмы. Сообщается, что он пытался спасти человека, над которым издевались «парни с акцентом», но всё быстро переросло в побоище. Из-за полученных травм о спортивной карьере Дмитрию можно забыть.

Братья Дмитрий и Юрий Двали рано утром возвращались с тренировки. Проходя мимо площадки, они заметили, как толпа неизвестных людей напала на мужчину. Как рассказал Юрий журналистам, они не собирались драться, а просто пытались остановить насилие. Однако его брат Дмитрий недооценил ситуацию — в один момент его окружили и стали избивать толпой. В результате у Дмитрия несколько переломов и повреждён глаз (нет уверенности, что удастся сохранить зрение).

Органы внутренних дел привычно по такому факту вопиющего бандитизма завели дело по статье «хулиганство». Вновь — воздействие миграционной мафии и диаспор. Но председатель СК России поручил руководителю ГСУ СК России по Республике Крым и городу Севастополю Владимиру Терентьеву переквалифицировать действия нападавших как покушение на убийство. Ход расследования уголовного дела поставлен на контроль в центральном аппарате ведомства. В федерации бокса России также заявили, что берут под свой контроль нападение на Дмитрия Двали, и намерены добиться через суд наказания виновных и компенсации для боксёра.

Чем закончится это дело? Примерно через годик, наверное, узнаем. Но насильники будут припеваючи всё это время наслаждаться свободой и безнаказанностью.

В связи с тем, что власти не выполняют своих элементарных функций по предотвращению геноцида русских в своей стране, бойцы СВО выпустили обращение к мигрантам —

нарушителям законов, в котором потребовали от многонационалов и тожероссиян соблюдать российские законы. Видео опубликовал Telegram-канал «Записки Ветерана».

Русские солдаты в зоне СВО призвали мигрантов соблюдать законы России. Обратившийся к нелегалам один из бойцов отметил, что русские солдаты в курсе растущего числа преступлений со стороны нелегалов и что до фронта доходят новости об избиениях участников СВО, грабежах, изнасилованиях граждан со стороны мигрантов. «Всех тех, кто не исполняет законы нашего государства, плохо или неуважительно относится к гражданам Российской Федерации, ожидает одна-единственная судьба. О ней вы можете спросить у наших врагов, если, конечно, они вам в состоянии будут ответить», — заявил один из бойцов.

2

В августе в Англии вспыхнули беспорядки из-за беспредела мигрантов. Причиной послужила резня в Саутпорте, в ходе которой 17-летний руандиец нанёс смертельные ножевые ранения трём девочкам в танцевальном клубе. Во многих городах произошли стычки между англичанами и мигрантами. Власти Великобритании «наивно» не признавали проблему и перекладывали ответственность за неё на коренных англичан, смеющих выступить против бесчинств мигрантов. А проблема в том, что до такого положения довела политика мультикультурализма и «открытых дверей» для мигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока, осуществляемая властями Великобритании и вообще практически всех стран Западной Европы. То есть, как обычно, сначала создаётся ситуация для беспорядков, а потом переводится ответственность за неё на коренных жителей.

Ситуация в России по миграционным рискам вследствие безответственной российской миграционной политики давно доведена до европейского уровня. Миграционные потоки несколько отличаются (у нас пока больше среднеазиатских и кавказских мигрантов), но суть и результат — те же, что в Великобритании. И у нас, в России, всё идет к тому, что мы наблюдаем в Англии! Сами органы управления до этого доведут.

Британский премьер Кир Стармер назвал бандитизмом массовые беспорядки в стране и пообещал жестоко покарать тех, кто в них участвовал, уточнив, что участники погромов и стычек с полицией в Британии (имея в виду в первую очередь местных жителей) пожалеют о своих действиях.

А кто создавал базу для протестов и недовольства корен-

ного населения? Не сами ли британские власти посредством безудержных миграционных потоков?

Премьер сказал, что не боится называть беспорядки ультраправым бандитизмом: *«Это не протест, это организованный жестокий бандитизм... Полиция произведёт аресты, они будут заключены под стражу, им предъявят обвинения, а вслед за ними приговоры. Я гарантирую, что вы пожалеете, что принимали участие в этих беспорядках, как те, кто участвует в них напрямую, так и те, кто подогревает ситуацию в интернете».*

Но причём здесь «ультраправый бандитизм», если на протесты вышли обыкновенные британцы?

Мне это напомнило... другое заявление другого лидера другой страны. А именно — Дмитрия Медведева, когда он был президентом России. Слова Стармера сейчас и Медведева тогда по смыслу, патетике и манерности почти одно к одному.

Своё заявление Дмитрий Медведев сделал после выступлений русской молодёжи 11 декабря 2010 года на Манежной площади в Москве и других регионах страны. По разным оценкам, до 50 тысяч человек собрались на площади на митинг, посвящённый памяти болельщика «Спартака» Егора Свиридова. Молодой человек погиб в ходе нападения компании выходцев с Северного Кавказа на группу футбольных болельщиков, произошедшего 6 декабря 2010 года. Дело в том, что до преступления 6 октября были также массовые беспредельные действия мигрантов. С выводами по этим событиям я писал тогда в материале «Здесь русский дух...» Вот что заявил тогда Д. Медведев:

«Такого рода несанкционированные мероприятия должны жёстко пресекаться, а при неподчинении лиц, которые в них участвуют, властям, их участники подлежат безусловному задержанию. Погромы, драки, вандализм — всё это преступления. Подчеркиваю, это не административные нарушения, а преступления. Их участники должны сидеть в тюрьме. Их нужно сажать, а не воспитывать. Воспитание применимо к другим лицам».

Спрашивается, а кто создавал и продолжает создавать кричащие проблемы по вопросам миграции? Кто в итоге спровоцировал выступления русской молодёжи? Это кого нужно сажать, но не воспитывать — русских людей, которые позволили себе выражать протест по поводу убийств своих товарищей и других мигрантских бесчинств? Ведь убивают людей! А власть всё время делает вид, будто она здесь ни при чём?

Посмотрим еще раз на уровень преступности со стороны мигрантов, на вытеснение местных жителей с их исторических территорий и на разведение русской культуры!.. Впрочем, речь, конечно, не об одном Медведеве. Других «ярких деятелей», продолжающих внедрять в России английский сценарий, сколько угодно.

г. Калуга

Игумен КИРИЛЛ (Сахаров),
настоятель храма свт. Николы на Берсеневке,
член Союза писателей России

СОКРАТИТЬ ДО КРАЙНЕГО МИНИМУМА

«Где смородина в нашем саду? — спрашиваю у своего помощника после недельного отсутствия на приходе — Еще неделю назад была, а сейчас нет ни одной кисточки!» — «Рабочие-мигранты оборвали» — ответил он смущенно. Сравнительно с тем, что ежедневно встречаешь в интернете об избиении русских людей, многочисленных изнасилованиях? — это, конечно, мелочи. Более того, нам много помогают трое южан, которые работают на стройке рядом с храмом. Они добросовестно трудятся — это постоянно перед моими глазами. Видя, как они активно заливают бетоном дорожку, я поручил в знак благодарности передать им трехлитровую банку огурцов.

«Граница должна быть на замке» — ответила на вопрос о мигрантах известный публицист Е. Семенова на своем недавнем творческом вечере в магазине «Кириллица». Между тем, ссылаясь на СВО, можно было бы усилить контроль на границах вплоть до введения визового режима. Вместо этого слышно, что предполагается его отмена еще для ряда стран. Отмена виз, конечно, упрощает бюрократические процедуры, но минусов от этой отмены гораздо больше. Скажу прямо: я вообще против присутствия мигрантов в России, особенно из Средней Азии. В

крайнем случае, за минимализацию этого явления, приезд их вахтовым способом и нахождение на отдельных замкнутых объектах. Люди иной цивилизации, культуры, религии — они будут столетиями жить обособленно, создавать свои анклавы и проявлять агрессивность. Все разговоры о их незаменности, крайней необходимости не выдерживают критики. По словам А. Бастрыкина, только 13% мигрантов задействованы в строительстве, и вообще их нужно не более 400 тысяч, но никак не многие миллионы. Ситуация всё более ухудшается — невыносимо тяжело читать сообщения об изнасиловании трех девочек на пляже, сотрудницы кафе в Останкино и пр. Когда наступит конец этому безконечному ужасу и будет наведен порядок?! Что теперь можно сказать в утешение родителям пострадавших детей и жениху изнасилованной девушки?! По данным Бастрыкина, только в Москву с начала года въехало около 1,2 миллиона мигрантов. Вдохновляет пример Амурской области, где вообще нет мигрантов, даже рядом живущих китайцев. И ничего — живут и развиваются, повышают уровень экономики.

Стрегогой узнал о планах переселения в Краснодарский край 20 тысяч афганцев и о восторженной реакции губернатора по этому поводу. Что это будет, как не этнический анклав? Сколько проблем на Кубани было с турками-мехетинцами, и вот теперь афганцы... Не закладываем ли мы очередную мину замедленного действия? А еще известны планы африканизации страны — куда мы идем и что нас ждет? Спросил у знакомого, почему он собирается уезжать с Камчатки? Он ответил, что помимо дороговизны жизни пугает огромное количество переселившихся туда узбеков и таджиков (они составляют там уже до четверти населения!). В большие мусульманские праздники на километры растягивается большое количество молящихся южан.

Есть большие сомнения по поводу качества работы мигрантов. Недавно, побывав в глубинке, находился в доме своих прихожан. Пожаловался им на стуки и скрипы деревянной надстройки дома. Услышал от них: «Там работали мигранты, они не проложили звукоизоляцию». За воскресной трапезой спрашиваю прихожан о том, кто из них сталкивался с подобными случаями. «У нас они устанавливали ванну, не устроив при этом гидроизоляцию — пришлось все заново переделывать» и т.д. и т.п. На куполе одного храма в глубинке они не сделали должную обработку перед покрытием железа — вся работа пошла насмарку. Местных очень смутило, что, работая на святыне, мигранты сильно матерились. Каждое утро мимо нашего храма проходит поток мигрантов для работы на соседней стройке. Говорили, что им там не заплатили должным образом. В отместку со злости они оплевали порог нашего храма.

Лет 20 назад я был на отпевании одной учительницы, работавшей в школе, которую мы опекали. Она была убита работавшими у нее мигрантами (молдаванами). Мигранты с юга практически не интегрируются в жизнь нашего общества. Живут обособленно. Мы трудно сочетаемы, как вода и масло. В Объединенных Арабских Эмиратах если мигрант даже бумажку бросит мимо корзины, он будет депортирован без права вновь въехать до конца жизни. В газете «Слово» №3 за этот год в статье Дугина прочитал: «Надежда на труд мигрантов и восполнение за их счет убыли коренного населения России есть в историческом масштабе преступление». Как правило, мигранты мало квалифицированы, недостаточно знакомы с методиками работ. Часто мы идем по линии наименьшего сопротивления — вместо того, чтобы трудоустроить российских мужчин и платить им нормальную зарплату, руководство страны нанимает мигрантов и, тем самым, подрывает стабильность нашего государства.

Но нам нужна выдержка и последовательное решение проблемы. На мой взгляд, она заключается в сокращении присутствия мигрантов в нашей стране до крайнего минимума. Добиваться знания ими языка, культуры, истории, обычаев, традиций, усиления регламентации их пребывания — это не решение вопроса. Да, могут встречаться среди них люди спокойные и трудолюбивые, например, среди таксистов. Я ни разу не встречал конфликтных людей из их числа, но это не должно расслаблять. Надо понимать, что безконтрольная и даже условно контролируемая миграция несет угрозу гибели нашего государства.

Владимир АНИЩЕНКОВ

КУРСКИЙ ПРОРЫВ

Вторжение украинских войск в Курскую область всколыхнуло страну. И сразу же возник недоуменный вопрос: как такое могло случиться? На территорию России враг вторгся не раз, и не было никакого сомнения, что он про-

должит свои попытки. А значит, линия обороны по границе должна была быть усилена. И она была усилена, но, как видим, вновь недостаточно. Выходит, что без генерала Суrowикина некому выстроить надёжную «линию Суrowикина».

Следом возникает второй вопрос: почему не заметили столь масштабное сосредоточение вражеских войск у границы? Не сработала разведка, или разведанные не были вовремя доложены военному и политическому руководству, или по ним не были приняты необходимые меры? И, естественно, следующий вопрос: кто конкретно «прозевал» наступление вражеской армии? Не праздный вопрос. Это не просто халатность, это непрофессиональное исполнение своих должностных обязанностей (мягко выражаясь), которое привело к большой крови. Очевидно, что Генеральный штаб, командование СВО, и командующий курской линии обороны свою задачу не выполнили. Не имея полных данных, нельзя делать скоропалительные выводы. Но за такие провалы должны следовать, как минимум, отстранения от должности с последующим разбирательством всех обстоятельств.

Ранее не считал себя вправе делать выводы о деятельности чиновников Министерства обороны и Генерального штаба во время ведения боевых действий, но, к сожалению, нынешний провал не первый. Харьковское отступление, оставление Херсона — это очень серьёзные поражения в общем успешно складывающейся военной кампании. Значит, надо серьёзно разбираться в причинах этих поражений, чтобы они не повторялись. Как известно, война выявляет настоящих полководцев, но она же устраняет бездарности. Если мы не вычистим «паркетных» генералов, то провалы будут продолжаться.

Второй вывод из курского отступления заключается в том, что буферная зона безопасности должна быть установлена на всём протяжении Российской границы. А значит, прилегающие территории Харьковской, Сумской, Черниговской и Киевской областей должны находиться под нашим контролем. По этой же причине должен быть возвращён Херсон. Для безопасности Крыма необходимо освободить от власти киевской хунты Николаев и Одессу. Это минимально необходимые действия для обеспечения безопасности Российской Федерации. Как правильно сказал по этому поводу заместитель председателя Совета безопасности Д.А. Медведев, нам не следует оглядываться в этом на мнения иных стран. Это касается безопасности

наших граждан и защищённости наших земель. Это должно стать для нас главным доводом.

И третий вывод из курского вторжения украинской армии заключается в том, что фашиствующий режим, установленный в Киеве, не остановится ни перед чем ради того, чтобы нанести России ущерб. А значит, безопасность нашей страны может быть обеспечена только после ликвидации укрорейха.

Филипп ЛЕБЕДЬ

ПО ВЕЛЕНИЮ ИМПЕРАТРИЦЫ

В нынешнем году проходили официальные празднования и мероприятия, а также выпускались издания, посвященные событиям 10-летней давности. Формулировка варьировалась от «10 лет воссоединения Крыма с Россией» — в лучшем случае к «10 лет присоединения Крыма», что вызвало непонимание у приверженцев целостности отечественной истории. Таврида по праву стала российской в «золотой век» Екатерины Великой и решающие события происходили 250 лет назад. К тому моменту Крым, из оплота православной византийской цивилизации превращенный ордынцами в источник перманентной угрозы для христианских народов, столетиями терзал Россию и Польшу хищническими набегами, разоряя города и увозя сотни тысяч пленников, проданных на рабовладельческих рынках. Успешно противостоял Крымскому ханству и покровительствующим ему османским султанам еще русский царь Иван Грозный, но завершить многовековой процесс, сокрушив врага и одновременно укрепив свой флот на Черном море, сумела императрица Екатерина в результате Русско-турецкой войны 1768—1774 годов, когда был заключен знаменитый Кючук-Кайнарджийский мир. И хотя по условиям договора Российской

Империи переходили только некоторые османские крепости, а Крымское ханство, лишаясь турецкого протектората, объявлялось независимым, те победы стали основой для включения полуострова в состав России.

Непосредственно взятие Крыма осуществила отдельная армия под командованием генерал-аншефа князя Василия Михайловича Долгорукова, чему предшествовали значительные успехи на Дунае, Кубани и Кавказе, а также действия русской флотилии в Средиземном море и сопутствующие решения русской дипломатии, создавшие для султана крайне шаткое положение. Уверенно громили врага: графы — П.А. Румянцев, П.И. Панин, И.Ф. фон Медем, М.В. Каховский; князья — А.А. Прозоровский, Н.В. Репнин; бароны — О. Вейсман, Х.Ф. Штофельн, К.К. Унгерн и другие военачальники. Среди них в чине генерал-майора на последнем этапе был и А.В. Суворов. Вместе с регулярными войсками Русской императорской армии в боях и штурмах участвовали крупные соединения запорожских казаков и калмыцкой конницы. При значительном численном перевесе турки всюду терпели неудачи и несли большие потери. Потери русских в большинстве сражений были минимальны.

Османские и татарские крепости в Крыму были не в силах оказывать серьезное сопротивление. Князь М.В. Долгоруков завладел полуостровом к началу июля 1771 года — всего за 16 дней при минимальных потерях. Новоизбранный крымский хан Сахиб Гирей осенью 1772 года подписал с Россией Карасубазарский трактат, согласно которому Крым признавался независимым ханством под покровительством России. После неудачных мирных переговоров с Портой, осложнившихся вмешательством европейских держав, военные действия шли с весны 1773-го по июль 1774 года, пока армия великого визиря не была окончательно разбита за Дунаем и на Балканах. Грамотная тактика Петра Румянцева поставила турок в безвыходное положение, и 10 (21) июля мирный договор был заключен.

Однако командование османского флота еще не знало об этом и решилось на последний отчаянный шаг, чтобы переломить ход войны: 17 июля крупный десант высадился в Алуште. Также существует предположение, что таким образом турки создавали прецедент для ревизии Кючук-Кайнарджийского мира. Сахиб Гирей сразу же изменил, оказав содействие туркам, и крымские татары подняли восстание, начав нападения на российские гарнизоны.

Ранее со стороны Кубани выдвинулся 20-тысячный отряд ногайских ордынцев, но он был разбит. Осmano-татарские

войска под командованием трапезундского паша Гаджи-Алибея и ранее бежавшего хана Девлет-Гирея общей численностью до 30 тыс. человек захватили Алушту, заставив растративших после 6-часового боя боеприпасы русских егерей отступить, и 19 июля окружили Ялту. По мере продвижения захватчики устроили резню местных христиан — греков и армян. После упорного сопротивления почти весь Ялтинский пост из чинов Брянского мушкетерского полка и донских казаков — 205 человек — пал в бою; лишь 17 раненых защитников сумели прорваться на штыках и добраться до Балаклавы. Оставшиеся жители-христиане и тяжелораненые солдаты закрылись в церкви, которую турки взорвали вместе с людьми.

Ключевым эпизодом отражения османского десанта стал бой на горном перевале под деревней Шума 24 июля (4 августа) 1774 года, где основные турецкие силы хорошо укрепились с помощью каменных плит. Генерал Мусин-Пушкин лично вел подчиненных в атаку на передовые укрепления врага, где им противостояли до восьми тысяч осман. Другой фланг атаковал генерал-майор И.В. Якоби. В ходе сражения командующий батальоном Московского легиона подполковник М.И. Кутузов получил тяжелое ранение в голову, как многие думали, смертельное, но выжил, чтобы в будущем продолжать ковать воинскую славу Российской Империи. Примечательно, что его батальон состоял из новобранцев, но, по свидетельствам князя Долгорукова, не уступал по боевым качествам старослужащим. Ошеломив врага дерзкой штыковой атакой, русские уничтожили три сотни турок, захватив четыре пушки и несколько строевых знамен, при этом потеряв 32 человека убитыми и около 170 ранеными. Османы отступили и начали эвакуацию, а известие о заключении мира окончательно связало им руки. Победа в Шумском бою поставила точку в этой войне и в османском протекторате над Крымским ханством.

В дальнейшем турки использовали свое влияние, чтобы поднять новое восстание татар и вернуться в Крым. Бунты в 1777—1778 годах усмиряли генералы А.А. Прозоровский и А.В. Суворов. Светлейший князь Г.А. Потемкин по предложению графа Румянцева инициировал процесс перехода в российское подданство и переселения в Приазовье и Новороссию христианского населения полуострова, возложив эту миссию на А.В. Суворова. После череды бунтов, попытки десанта и других диверсий Григорий Потемкин стал убеждать императрицу ликвидировать ханство, окончательно присоединив Крым к Российской Империи. Екатерина II

также понимала, что турки не оставят попыток вернуть свой контроль над ханством и только полный переход Крыма в состав Государства Российского заставит султана смириться. Так, после отречения хана и присяги населения полуострова 8 (19) апреля 1783 года Крым, Тамань и Кубань окончательно стали частью России. Так начинается история Русской Тавриды.

С 2018 года этот день вошел в список памятных дат России, и на него следовало бы обращать больше внимания, напоминая о цельности отечественной истории и преемственности.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2024 г.

(Июль — август)

Госдума отклонила предложение ограничить право на материнский капитал для недавно получивших гражданство мигрантов. Вчерашний мигрант из Средней Азии, получивший российский паспорт, независимо от его лояльности, знания русского языка и уважения к русской культуре, немедленно уравнивается в правах с коренными жителями страны.

Госдумой отклонён законопроект о запрете продажи травматического и огнестрельного оружия новым «гражданам» ранее 5 лет пребывания в гражданстве при отсутствии правонарушений и лишь после постановки на воинский учёт.

Отклонён законопроект о прекращении гражданства новых «россиян» за совершение тяжких преступлений (убийства, изнасилования, причинение тяжкого вреда здоровью).

Отклонён законопроект о прекращении гражданства бывшим мигрантам за уклонение от мобилизации.

Оставлен без движения законопроект об уточнении понятия соотече-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ственника, исключив из него представителей национальностей, имеющих за пределами РФ свои национальные государства.

Оставлен без движения законопроект об ответственности за нарушение присяги гражданина.

Ну как тут не согласиться с Бастрыкиным, обозвавшим Госдуму соответствующим образом? А с другой стороны, Дума все свои решения принимает исключительно по сигналу из Кремля.

* * *

Середина июля. Юг России сидит без света после удара украинского дрона по Ростовской АЭС. Люди покидают Белгородскую область, потому что жить там стало невозможно из-за каждодневных обстрелов. А все наши телеэксперты изо дня в день в течение всего своего телеэфира обсуждают здоровье Байдена и перспективы Трампа после «покушения».

Вновь, как и прошлым летом, горит Сибирь, горят заповедники Крыма и Краснодарского края. Десятки тысяч гектаров леса. И в самый пик июльских пожаров все центральные каналы ТВ показывали, как гарант стабильности открыл новую платную шоссейную дорогу..

Сбылись все мои весенние предупреждения в сетевых и журнальных «Протуберанцах» о новых баснословных пожарах по всей России этим летом. Так и не появилось ни одного сообщения в СМИ о поджигателях, и уж тем более ни одного поджигателя не показали по ящику. Все пожары, как по инструкции, в сообщениях СМИ опять названы «природными». Это во время украиноцистской террористической и диверсионной войны.

* * *

Время т.н Олимпийских игр закончилось. Даже несмотря на то, что они ещё как-то продолжаются, эпоха Олимпийского движения сама себя изжила и перечеркнула. Американские допингёры и европейское ЛГБТ превратили Олимпийские игры в посмешище, в паноптикум и обратили в прах.

Пидоры, лесбиянки, трансы, педофилы и т.д. перемешались в т.н. «соревнованиях», представляя на самом деле соревнования в мерзости и уродстве.

И ведь, конечно, не случайно эта мерзость и это уродство не допустили к извращенным «олимпийским играм» Россию, а прежде всего — русских. Зачем им там русские — на этом сборище уродства, морального и физического?

Ну и, конечно же, Франция — ныне столица извращённой «олимпиады» и извращённой Европы. Эта вековая поборница «свобод»...

Ей очень хотелось стать столицей извращенцев, и она ею стала, а на открытии антироссийской «олимпиады» продемонстрировала всему миру педерастически-лесбийскую «тайную вечерю» с бабой-исусом в нимбе и двенадцатью элгэбэтэшными извивающимися и кривляющимися бесами — то бишь их «апостолами».

Франция во главе с моральным извращенцем Макроном, женатым неизвестно на ком, не просто плюнула в лицо всем христианам, как, впрочем, и мусульманам, но стала столицей бесов. А бесы, как известно, двуполы.

Парижские «олимпийские игры» стали свальными игрищами чертей. И 15 далеко не лучших российских спортсменов, которые зачем-то туда попёрлись, будут участвовать в языческой оргии — свальном бесовском содомском грехе. Вот куда они так сильно стремились... И вот чего они уже достигли в своей жизни...

Либерте, эгалите, фратерните...

Вот они, истинные «свобода, равенство, братство» чертей!..

Только через неделю после открытия этих «Игр» Ватикан назвал «церемонию» их открытия оскорблением христианства.

Однако в первоканальном ящике нашлись и те, кому это сатанинское убожество открытия «олимпиады» понравилось — пустому болтуну Д. Губерниеву, числящемуся спортивным комментатором, и выжившим из ума двум влюблённым в Америку ледовым либералкам — Тарасовой и Родниной. Ну что ж, таков их выбор. Но те, кому ЭТО нравится, русскому человеку нравиться не могут.

* * *

Позорище Америки. Байдена выкинули, отстранили от выборов, как шелудивого пса, без всяких импичментов и обсуждений в Конгрессе. Просто пришли к нему в кабинет серьезные люди и сказали: «Пошёл вон!» И он слинял, как моль, еще до окончания президентского срока. А Трампа вроде бы даже пытались пристрелить... Во всяком случае нас в этом упорно уверяют политологи из ящика. И это — страна-демократия, куда на поклон ездили наши президенты... После ельцинского восклицания: «Господи, благослови Америку!»

Поистине на американских выборах надо будет болеть за Камалу Харрис. Пусть победит эта хохотливая и лживая дура. Тогда станет она первой в США женщиной-президентом, да

к тому же цветной. Вот она-то, если вдруг проскочит в президенты, и приблизит Америку (то бишь США) к окончательному краху.

* * *

Незаконный «президент», незаконный «парламент», незаконная «страна». Называется Укростан. Отожратые мордовороты отлавливают людей на улицах, в автобусах, в магазинах и бросают в топку войны, под российские снаряды и ракеты. Остальные, кому не удалось сбежать из этой «страны», безропотно ждут своей бараньей участи. Ясно, что такая участь им была предназначена давно. Но им, естественно, не хватило мозгов, чтобы это пронять. И если уж они не способны более ни на что другое, значит должны исчезнуть как таковые, значит не должно быть никакой т.н. «хохлонации».

* * *

Южные районы Курской области с 6 августа заняты врагом. Через границу с Сумской областью к нам введены вражеские средства ПВО и западная огневая техника. В том числе танки и американские ракетные системы «Хаймерс». То есть натовцы уже воюют на нашей исконной земле. Мы стали свидетелями настоящей войсковой операции, спланированной и осуществленной нацистским режимом под управлением натовских военных инструкторов. Идут круглосуточные артиллерийские и ракетные обстрелы нашей территории и атаки с помощью БПЛА. Город Суджа сильно разрушен. Под угрозой ракетных ударов оказалась Курская АЭС.

В Курской области введено чрезвычайное положение. Происходит эвакуация населения. Война перешла на нашу территорию. Первыми вошли иностранные наёмники. Русофобствующая Европа (за исключением, может быть, двух-трех стран) рукоплещет украинской «перемогe». А по всем каналам российского ТВ идет весёленькая реклама. (Уже всему населению понятно, что электронная реклама (тем более в военное время) — это одна из форм вражеского психического оружия.)

На многих российских сетевых ресурсах идет речь о том, что наша военная разведка и Генеральный штаб проглядели подготовку вторжения вражеских батальонов (вернее — бригад) и боевой техники через границу с Курской областью. Это говорит о том, что граница с Украиной нами до сих пор не была по-настоящему оборудована.

Российская нефть и российский газ, как и прежде, несмотря ни на что, поставляются в Европу. А германские танки с белыми крестами вновь оказались на Курской земле.

Для изгнания врага в Курскую область введены наши резервные войска. Идут тяжелые бои. Враг, конечно, будет разбит и изгнан. Но делать это надо на чужой территории, а не на своей. А Сумская область должна стать частью России.

«Необходимо извлечь серьёзный урок из случившегося», — пишет в своем тлг-канале заместитель председателя Совета Безопасности России Д.А. Медведев. И продолжает: «Есть и ещё одно важное политическое и правовое последствие случившегося. С этого момента СВО должна приобрести открыто экстерриториальный характер. Это уже не просто операция по возврату наших официальных территорий и наказанию нацистов. Можно и нужно идти на земли пока ещё существующей Украины. До Одессы, до Харькова, до Днепропетровска, до Николаева. До Киева и дальше. Не должно быть никаких ограничений в смысле неких кем-то признаваемых границ украинского рейха. И об этом теперь можно и нужно говорить в открытую, без стеснения и дипломатических реверансов. Террористическая операция бандеровцев должна снять с этой темы любые табу. Пусть это осознают все, включая английских ублюдков: мы остановимся только тогда, когда посчитаем для себя это приемлемым и выгодным».

Эти слова нужно повесить на дверях главных кремлевских кабинетов.

* * *

На занятых территориях Курской области 10 августа вместо СВО введена Контртеррористическая операция. Враг закрепился крепко. Выбить его пока не удастся. Тем более что он то и дело подтягивает свои резервы.

Но вот что примечательно, хотя для меня совсем не удивительно. На нашу страну произошло серьезнейшее военное нападение, погибла масса гражданского населения (не говоря уже о боевых потерях), мирные люди вынуждены бежать вглубь страны, а все эти неизменные телевизорные «политологи» и «эксперты», в том числе и думские депутаты, находятся в летних отпусках. Все их т.н. аналитические программы позакрывались. Во всех теле- и радионовостях информация о происходящем на поле боя крайне дозирована. Понять, что в реальности происходит на нашей юго-западной границе, почти невозможно. И никто из этих телевизорных ура-патриотов не вырвался в общедоступный эфир со своих дач, лазурных берегов и других солнечных пляжей, чтобы хоть как-то проинформировать население о происходящем. Ну прямо как летом 1941 года... Отпуск важнее и дороже.

Наши спортсмены, решившие поучаствовать в позорных парижских т.н. «Олимпийских играх» (15 человек) взяли всего одну медаль, да и та не золотая. Казалось бы, как нас уверяли всевозможные российские околоспортивные доброты от Губерниева до Тарасовой, «они же много и долго тренировались...» И что теперь? Что им дали эти «долгие» тренировки? Кроме позора — ничего. Что многими и предсказывалось. Приспособленчество и дешевый эгоизм не могут быть движущей силой к успеху. Наплевали на чувство патриотизма, приехали на антирусскую, дискриминационную «олимпиаду», посветились там, придушили в себе чувство Родины и ничего не достигли, не показали высоких результатов. И что привезли назад? Разочарование и ощущение позора. И ведь ничего другого и не могло быть. И в войне, и в спорте главное — дух, энергия Родины и народа. А нам с экрана ящика первые лица страны, чиновники от спорта и спортивные комментаторы типа Иоланды Чен настойчиво объясняли: «Нельзя запрещать. Они же долго тренировались...»

Еще полмесяца назад и В. Путин, и С. Лавров неустанно повторяли то, что Россия готова к переговорам по Украине. «Если в Киеве дадут сигнал о готовности обсуждать наш план по урегулированию конфликта, — в июле месяце сказал В.В. Путин, — мы остановим боевые действия хоть завтра». В Киеве дали другой сигнал. В начале августа заняли 28 населенных пунктов Курской области и нанесли ракетные удары по Курску и Белгороду. Разрушили город Суджа, в котором находится газоизмерительная станция, перегоняющая российский газ через Украину в Европу. Расстреляли автомобили и автобусы беженцев, спасавшихся от артиллерийских ударов по жилым домам. 12 августа украинский дрон вновь атаковал Запорожскую АЭС. О пограничниках и солдатах срочной службы, защищавших г. Суджа лёгким оружием и погибших в бою, в новостях не было сказано ни слова. Там же укрофашистами был захвачен детский дом вместе с детьми и персоналом.

Банда Зеленского, конечно, по плану, разработанному в США, несколько ослабила сопротивление нашему продвижению в Донбассе и перебросила войска для вторжения в Курскую область. Многие у нас еще не поняли, что это самый большой теракт в истории России и всего мира. Тысячи наших людей оказались в заложниках у жидобандеровских нацистов. А в это самое время по ящику педерастическим

песковско-лазаревско-киркоровским потоком шли эстрадные представления, осточертевшее «Поле чудес» и ежедневные малаховские песенно-плясовые посиделки. А по «Маяку» — вообще нечто невообразимое: сплошное ржание и англоязычная попса.

Через неделю после вторжения укронацистских войск на нашу территорию на очередном заседании Совета Безопасности России, фрагменты которого были показаны по телевидению, Верховный главнокомандующий сделал заявление, в котором прозвучали такие слова: *«Судя по всему, противник стремится к улучшению своих переговорных позиций в будущем, но о каких переговорах вообще может идти речь? О чём говорить с людьми, которые без разбора наносят удары по мирным людям, по гражданской инфраструктуре, либо пытаются создать угрозы для объектов ядерной энергетики?»*

Всё верно сказано: какие могут быть с ними переговоры? Но почему сказано это только сейчас? Разве прежде они этого не делали, не наносили без разбора удары по мирным людям, городам и гражданским инфраструктурам? Разве прежде они не взрывали Крымский мост, не убивали детей, героев и лидеров Донбасса? И не пытались атаковать Запорожскую АЭС?.. Но почему-то всё это не мешало быть «открытыми к переговорам» с ними... И чтобы прозреть и понять наконец, что это за люди, нужно было дожидаться их войскового нападения на наши исконные города и земли.

Конечно, слава Богу, что это прозрение произошло! И что Мединский и Арахамия больше никогда не встретятся ни в Стамбуле, ни в Минске, ни в Будапеште за столом переговоров, даже несмотря на то, что год назад они что-то там уже однажды «парафировали»... Но не слишком ли дорогой ценой приходит прозрение?!

У всего российского населения имеется один неразрешимый вопрос: почему озверевшие нелюди и укронацисты могут бить по нашим городам и Запорожской АЭС, а мы не можем ударить по их правительственному кварталу на Банковой улице в Киеве?

* * *

Над Курской, Белгородской, Брянской, Липецкой и Воронежской областями звучат сирены — воздушная тревога. Вот чем обернулось для нас медленное продвижение войск, освобождающих Донбасс и Харьковскую область. Это медленное продвижение оправдывали все телеэксперты вслед за президентом, несколько раз повторившим на своих пресс-конференциях очень полюбившуюся телеэкспертам фразу:

«Курочка по зёрнышку клюёт». Теперь, отслеживая бои в Курской области, про пресловутую «курочку» больше никто не вспоминает. Все жаждут скорейшего продвижения наших войск ради освобождения исконной русской земли.

Почему столь нагло ведет себя еврейский выродок Зеленский? Нет, не потому, что его поддерживает и накачивает оружием весь Запад. Не потому, что на Западе ему и его жидобандеровской клике заранее прощены все прошлые, настоящие и будущие зверства и преступления против человечности. Прощены и заранее оправданы. Столь нагло он себя ведет по единственной причине — потому, что он **до сих пор жив**. Почему он до сих пор жив и почему до сих пор жива вся его жидобандеровская клика? — вопрос риторический. На него нет ответа. Вернее, где-то там, наверху, этот ответ есть, но мы его не слышим. Люди, наделенные властью, нам на этот вопрос не отвечают. Иногда пытались ответить телеэксперты: якобы кто-то у нас на самом верху дал обещание Нетаньяху (во время его визита в Москву) не трогать этого еврейского выродка. Было ли такое обещание в реальности — мы не знаем. Мы знаем только то, что этот оборзевший фашистский ублюдок до сих пор жив.

* * *

Идет эвакуация населения с нашей собственной территории — с Курской и Белгородской областей. Думал ли кто-нибудь из нас об этом два с половиной года назад, в феврале 2022 года, когда нам объявили о начале СВО? Вряд ли. А генералы из Министерства обороны и Генерального штаба об этом могли думать? Тоже вряд ли. Тем более что на первом году военной спецоперации министр обороны с экрана телевизора неизменно повторял, как молитву: «Всё идет по плану». Скорее всего в этот план не входила эвакуация населения двух российских областей. Тем более что слова министра обороны подкреплялись загадочными словами Верховного главнокомандующего: «Мы еще не начинали...»

Через два с половиной года начальник Генерального штаба В.В. Герасимов объявил президенту и всей стране: «Украинские вооруженные формирования в количестве одной тысячи человек вторглись на территорию Российской Федерации». В то время как вторглись, по словам командира спецназа «Ахмат» Апти Алаудинова, 12 тысяч отморозенных укропских боевиков и огромное количество военной техники. Почему и как это могло произойти, В.В. Герасимов не объяснил.

Мы все надеялись на быстрый ответ, на возмездие, на самый сильный удар по вражеским центрам управления войсками.

Но проходили дни, а никакого серьезного возмездия не происходило. Собственно, как это было и прежде.

Через две недели после курского прорыва враг, хоть и был остановлен, но не был выброшен за пределы нашей границы с Украиной. Создавалось ощущение, что, как и на Донбассе, война на нашей исконной территории короткой не будет. Ощущение это в первые две недели оккупации подкреплялось отсутствием обращения президента к народу и полнейшим исчезновением из информационного поля начальника Генерального штаба Герасимова. Население ограничили только той скудной официальной информацией, которая исходила из электронных СМИ. А репортажи военкоров создавали оптимистическую картинку наших локальных побед на фронтах и уничтоженной вражеской техники. Однако ни по правительственным зданиям в Киеве, ни по украинскому телевидению, ни по мостам через Днепр, ни по фашистским главарям вражеского псевдогосударства ударов не нанесли. Хотя отдельные эксперты политических шоу продолжали с экранов ящика нас заверять: возмездие будет обязательно, надо подождать, решение уже принимается, еще немного, еще чуть-чуть, вот-вот всё произойдет...

* * *

Гуманизм по отношению к врагу всегда оборачивается слезами и кровью своего народа. В 1945 году руководство Советского Союза поступило гуманно по отношению к Германии и немецкому народу — сохранило германское государство, хотя Черчилль предлагал разделить его между странами-победителями. Даже дикие зверства и геноцид вермахта по отношению к советскому народу не заставили кремлевских руководителей лишить немцев государственности. Более того, горбачевский Кремль позволил разгромленной Дойчланд объединиться. И восьмидесяти лет не прошло, как германские «Леопарды» оказались на российской земле. Сначала в Донбассе, а теперь — под Курском. Кровь и слёзы русского народа опять стали той ценой, которой мы теперь оплачиваем гуманизм восьмидесятилетней давности. Не раз говорил и еще раз повторю: настоящий, подлинный, самый что ни на есть реальный гуманизм может быть только по отношению к собственному народу, и заключается он в наибольшей безжалостности по отношению к врагу. Русская история доказывала это тысячу раз.

Но в Кремле всё никак не решатся отменить мораторий на смертную казнь... Всё еще велико влияние израильского лобби...

22 августа террористическая киевская банда пыталась нанести удар с помощью дрона по хранилищу отработанного ядерного топлива на Курской атомной станции. Его удалось сбить. Никто на Западе жидобандеровских террористов за это не осудил. А это означает, что подобные удары будут продолжены.

А за два дня до этого, 20 августа, т.н. Верховная рада приняла закон о запрете Украинской Православной Церкви (УПЦ) на всей территории «нэзалэжной». То есть фактически сатанинская жидобандеровская власть на подчиненной ей территории ввела **запрет на Православие**. Даже троцкистско-ленинские большевики на это не решились. А киевские моральные уроды решились. И Ватикан на следующий же день одобрил этот запрет. Вот она, истинная, абсолютно всем открывшаяся сатанинская физиономия Ватикана и его «папы». Это еще одно свидетельство того, что мы приблизились к *последним временам*.

А кто из российских официальных лиц год назад вёл и совсем недавно собирался продолжить переговоры с этой убудочной киевской «властью»...

И ведь всё сошлось, как по допущенным свыше сигналам, чтобы прозрели наконец у людей глаза: и сатанинский ритуал открытия и закрытия парижских «олимпийских игр», и одобряемые католической «церковью» однополые браки, и запрет канонической Украинской Православной Церкви, и нападение вооруженных сатанистов на Курскую область, и расстрел ими мирных граждан, и ядерный шантаж...

Храмы УПЦ Московского патриархата будут отобраны и отданы сатанистам-раскольникам. И православным украинцам невозможно будет ни окрестить детей в храме, ни причаститься, ни собороваться. Украинская земля погрузилась в дьявольский бездуховный раскольнический мрак. Что, собственно, и предсказывалось неоднократно на протяжении всех послемайданных лет. И освободиться от этого мрака т.н. «украинцы» должны будут сами. Физически их освободит Россия, но духовного освобождения они добиться смогут только самостоятельно. Иначе — их полнейшая гибель. Раскольничество и униатство с католиками — это и есть духовная и физическая смерть. У них отняли русский язык. Теперь отнимают веру.

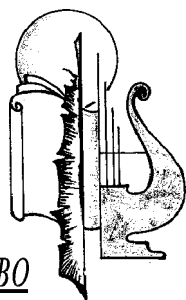
Закон от 20 августа — это смертный приговор для бывшей Украины. Осатаневшая жидобандеровская «власть» собственными руками загоняет в землю это бывшее, искусственно созданное псевдогосударство. Пока в нём оставалась

Православная Церковь Московского патриархата, — высшие силы, Господь оставляли ему право на жизнь, на духовное существование. И сейчас еще есть надежда у православных украинцев на свое сохранение, если они решатся на сопротивление, поднимутся на восстание против дьявольской, фашистской, жидобандеровской «власти». Пусть даже многие погибнут при этом, но тем самым они спасут свою православную душу. И даже в каком-то виде — Украину. Если же смирятся, опустят руки и подчинятся жидобандеровской властной проказе, то погибнут и физически, и духовно. И ни в каком виде не сохранят Украину. Сохранить ее Бог не допустит.

ФИЛОСОФИЯ ТАНЦА МАХМУДА ЭСАМБАЕВА

О том, что предопределило его приход на эстраду, великий артист рассказывал, обращаясь к своему детству: «Я не мог бы сказать, что резко запомнилось из первых лет жизни — цветущие горы родного аула Старые Атаги, полет орлов над снежными вершинами или крылатая, величавая поступь нашей лезгинки. Я не мог бы сказать, что раньше врезалось в мою память — шум и пение горных рек или ритмически-чеканные звуки дойр и пение наших стариков. Я не могу сказать, что больше поражало меня — плавное движение прозрачных облаков в синих небесах или неслышные движения девушек-горянок в их изукрашенных золотом воздушных костюмах. Впечатления моего детства неотделимы от танца».

Сто лет назад, 15 июля 1924 года, в предгорном селении Старые Атаги Чечено-Ингушской автономной области в семье бывшего красного партизана, выходца из беднейшего чеченского рода Ишхоевых Алисултана Эсамбаева родился мальчик Махмуд. Судьба распорядится так, что этот с детства одаренный, необычайно восприимчивый ко всему прекрасному ребенок, с самых малых лет влюбленный в танцевальное на-

ИСКУССТВО

следие своего народа, своей гибкостью, ритмичностью, пластичкой, грациозностью, мелодичностью, исполнительским тактом, особой танцевальной энергетикой покорит просторы не только родного края и необъятного Советского Союза, но и, по существу, всего мира. Недаром танцовщика будут награждать самыми высокими эпитетами и называть «явлением в искусстве XX столетия», «живой энциклопедией мировой народной хореографии», «Паганини танца».

Феномен Эсамбаева удивлял и профессионалов-танцоров, артистов балета, критиков, искусствоведов и простых людей во многих странах мира, восхищавшихся его потрясающим творчеством. Талант артиста, словно горный звонкий родник, являлся неиссякаемым, искрометным, наполненным особой энергетикой, необъяснимой лишь его трудолюбием, работоспособностью и настойчивостью. Он покорял своим благородным внешним видом, стройностью, статностью, изящностью, тренированностью тела, умевшего, если необходимо, «любить, мечтать, ненавидеть». И о такой эсамбаевской фактуре ходили легенды. А о его способности за какие-то мгновения создавать различные по внутреннему содержанию и внешним проявлениям характеры, а также вести со сцены полный глубокого смысла разговор о жизни человека и всего человечества, — писали исследователи и восторженно отзывались зрители, массово посещавшие концерты артиста.

Его звезда загорелась в очень раннем возрасте. В семь лет он уже танцевал на больших торжествах и свадьбах. Его танец в буквальном смысле притягивал к себе, как магнитом. Интересным было ему и цирковое искусство. Были у него и вокальные способности, умел он копировать и взрослых исполнителей, что отметила в свое время и легендарная Любовь Орлова, во время нахождения в Грозном познакомившаяся с удивительным школьником и в дальнейшем оставшаяся в числе его старших друзей и наставников. С той самой первой встречи Любовь Петровну поразила уникальная способность маленького Махмуда схватывать движение, манеру исполнения, его потрясающая наблюдательность. Но выбор, несмотря на то, что он не находил понимания у отца, считавшего танцевальное занятие для мужчины-горца несерьезным, даже порочащим звание мужчины, будет сделан в пользу танца, ставшего призванием юного Махмуда. С этим призванием, с этой проникновенной любовью и верностью выбранному творческому пути Эсамбаев пройдет долгой, счастливой дорогой, принесшей ему небывалую славу и заслуженное признание.

Пробегут детские годы, непростые, как и само то время, и Эсамбаев в числе артистов Чечено-Ингушского профессионального ансамбля песни и танца, прибавив себе два года, чтобы в него попасть, будет выступать в концертных программах перед бойцами, отправлявшимися на фронт, а затем и на самих передовых Великой Отечественной. Более 360 концертов даст тогда на передовой совсем молодой артист. А однажды получит он и ранение в ногу от близко разорвавшегося снаряда. Придется пережить физическую боль и душевные терзания от того, что, наверное, танцевать он уже не сможет. К счастью, молодой и сильный организм над тем неганданным ранением одержит победу.

Затем будут новые взлеты и работа на сцене Кыргызского государственного театра оперы и балета, исполнение на ней ведущих балетных партий в таких прославленных балетах, как «Лебединое озеро» П. Чайковского и «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева. Профессиональный театр, в котором он станет ведущим солистом балетной труппы, его многому научит. Впоследствии Эсамбаев так оценит тот период жизни и творчества на главной сцене Кыргызской ССР: «В театре я понял многое. Я понял, какое огромное этическое и эстетическое содержание заключают в себе балетные спектакли. Я понял, что актер лишь тогда значителен, когда не повторяет чужие, раз навсегда установленные каноны, а несет в зал свое мировосприятие, свои мысли, свои чувства. Работал ли я над партией Клода Фролло в «Эсмеральде», готовил ли роль Гирея в «Бахчисарайском фонтане», танцевал ли Злого гения в «Лебедином озере» или фею Карабосс в «Спящей красавице», я всегда стремился увидеть роль так, будто она только что написана и не имеет никаких традиций сценического исполнения. Впоследствии этот принцип непосредственного отношения к танцу стал основой моей работы над хореографией народов мира, и я до сих пор с огромной благодарностью вспоминаю годы, проведенные на академической музыкальной сцене. Там я накопил не только исполнительский опыт. Там я впервые проникся сознанием важности гражданской миссии танцовщика».

И все же, судьбу не обманешь — Махмуд Алисултанович выбирает народный танец. «У меня созрело решение обратиться к народному танцевальному творчеству. <...> Конечно, было страшновато. Правда, к тому времени (1957 год) уже двадцать лет существовал Государственный ансамбль народного танца СССР, руководимый Игорем Моисеевым, которого я считаю своим духовным отцом. И дело не только в том, что в дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов в

Москве поддержка и вера Игоря Моисеева помогли мне стать лауреатом конкурсов классического и народного танца... Дело в том, что весь многолетний опыт ансамбля, его новаторская работа по утверждению искусства народного сценического танца доказали мне правильность и реальность моих устремлений.

Итак, оставив академическую оперу, я двинулся в трудный и полный неожиданностей путь. Трудный оттого, что ведь никакой традиции сольного исполнения танцев разных национальностей у нас не существовало. Трудный потому, что работа танцовщика на концертной эстраде много сложнее, чем работа исполнителя большой партии в спектакле. Там в его распоряжении три-четыре действия, на протяжении которых он постепенно показывает становление и развитие изображаемого им характера. <...> Здесь, на эстраде, номер занимает от минуты до четверти часа. Танцовщик находится один на один с залом, и он должен, совместив в себе исполнителя, режиссера, постановщика, внятно, последовательно рассказать о жизни своего героя и вместить эту жизнь в самый краткий «хронометраж» номера. Такая краткость рассказа требует особой точности в сохранении рисунка танца, безукоризненной логики актерской работы, абсолютного чувства меры и, главное, отношения к танцу как к истории человеческого характера».

Конечно же, эти слова мастер говорил значительно позже, имея к тому времени официальные регалии и пользуясь заслуженной славой. Тогда же, уйдя в филармонию, побывав в составе бригады артистов на Урале, в Поволжье, на Украине и в Подмоскovie, молодой артист мечтал о новых сценах, о возможности самореализации. И ему повезло. Его заметили. Эсамбаев становится солистом Мосэстрады. После первого столичного концерта, состоявшегося в клубе Министерства иностранных дел, концерты следовали безостановочно. Зритель был потрясен темпераментом, изяществом, пластикой и артистичностью танцора. На эстрадном небосклоне Москвы засияла новая, яркая звезда, которая скоро прославится, а в Испании за лучшее исполнение национального танца будет удостоена Золотой медали. В Индии же, Эсамбаев приобретет славу мастера, в совершенстве овладевшего сложным хореографическим письмом ритуальных танцев.

Начиналось стремительное восхождение Эсамбаева к творческим вершинам. Он много работал. В преддверии VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего с 28 июля по 11 августа 1957 года в Москве, Махмуд становится победителем Всероссийского конкурса, на котором был

представлен его непревзойденный индийский «Золотой бог», поставленный специально для него преподавателем студии танца Государственного ансамбля народного танца СССР Элеонорой Грикуровой, первоначально сомневавшейся и не верившей в возможности уже не такого и молодого танцора, однако покоровшего ее бесспорным талантом и абсолютно точным повторением всех танцевальных движений.

И вот — оглушительный успех на Всемирном фестивале всей прогрессивной молодежи мира в Москве. Это был доселе небывалый триумф советского искусства и культуры, представленный лучшими молодыми творческими силами огромной страны. На сцене Колонного зала Дома союзов Махмуд показывает новую работу — таджикский воинственный танец с ножами. Затем по предложению председателя жюри конкурса выдающейся советской балерины Галины Улановой артист покорит зрителей исполнением испанского танца с кастаньетами «Пасадобль», а также исполнит «Танец в ресторане» из балета Р. Глиэра «Красный мак». В день подведения итогов конкурсов имя Эсамбаева будет дважды названо в числе победителей — как в народном, так и в характерном танцах. К груди молодого танцора прикрепляются сразу две медали.

Эсамбаев прославился тогда вместе с другими победителями конкурсов фестиваля, ставшими впоследствии виднейшими и авторитетнейшими представителями советского искусства, народными артистами СССР. Среди победителей конкурса по балету были Нина Тимофеева и Марис Лиєпа. Классическое пение подарило слушателям таких исполнителей, как Белла Руденко, Тамара Милашкина, Зураб Анджапаридзе, Ермек Серкебаев. Золотыми медалями были отмечены музыкальные произведения молодых композиторов Андрея Эшпая и Родиона Шедрина. Покорителем же всего молодежного мира стали бессмертные «Подмосковные вечера» Василия Соловьева-Седого...

После Всемирного фестиваля молодежи и студентов артист стал по-настоящему знаменит. Хотя известность к нему пришла, всё же, с опозданием. Тридцать три года для профессионального танцовщика возраст немалый. Но в случае с Эсамбаевым, ставшим гастрوليрующим артистом Московской, а по возвращении в Грозный, Чечено-Ингушской филармонии, всё было наоборот — энергия и стремление к новым творческим высотам переполняли всё его существо.

Тогда же родной край тепло встречал своего талантливое сына. Для республики с тех лет Эсамбаев стал национальной гордостью, одним из самых авторитетных и любимых народ-

ных выдвиженцев. Эту искреннюю любовь своего чеченского народа, как, впрочем, и других народов СССР, великий танцор будет испытывать на протяжении всей своей жизни.

А жизнь Махмуду Алисултановичу придется прожить действительно интересную, богатую на события, на замечательных людей — коллег по искусству, многочисленных товарищей, друзей, почитателей его многогранного таланта. Он многое повидает, добьется высочайших творческих высот, постигнет великую и завораживающую тайну танца, его уникальные национальные краски и колорит. И всё это богатство он блестяще донесет зрителям, всегда при одном только упоминании имени артиста, не говоря о восприятии самого зрелища танца, испытывавших неописуемый трепет и восторг.

За долгие годы упорного, самоотверженного, на пределе физических возможностей труда Эсамбаев создаст целую галерею незабываемых сценических образов. Они станут его своеобразной визитной карточкой и в историю хореографии войдут под названием многолетней танцевальной программы Махмуда Алисултановича «Танцы народов мира». И даже по прошествии многих лет такие танцевальные шедевры, как ритуальный «Танец огня», индийский «Золотой бог», бразильский «Макумба», венесуэльский «Хоропо», колумбийский «Бамбуко», мексиканский «Хорабия тапатио», а также кубинские, испанский «Ла-коррида», сиамский, негритянский, народов СССР, в том числе узбекский «Чабан», таджикский «Танец с ножами», башкирский «Воин», чеченские танцы и других народов Кавказа, «Автомат», «Аве Мария», «Портняжка», — для большинства соотечественников навсегда ассоциируются с его именем, с присущим ему даром перевоплощения. Именно благодаря Эсамбаеву советские граждане смогли увидеть и прочувствовать красоту, притягательность, особую национальную атмосферу и колорит многих народов мира, воплощенные в танце. Ни до него, ни после, таких танцевальных явлений на нашей эстраде не было. Может быть, когда-нибудь кто-то одаренный, по-настоящему талантливый и появится, но сможет ли он хоть как-то повторить тот профессиональный путь, который прошел великий чеченский танцор? Путь творца с неограниченными профессиональными возможностями и потрясающим, завораживающим, чарующим артистизмом? Что ж, как говорится, поживем — увидим.

Для Эсамбаева его творческая деятельность имела особое значение. Он очень скрупулезно подходил к подготовке своих танцевальных концертных программ, так как сам танец,

как неповторимое явление, был для него олицетворением его жизненных взглядов и мировосприятия. *«Для меня узнать народ — значит узнать его танец, рожденный выдумкой, изобретательностью, воображением, разумом народа. Танцы, которые издревле живут в народе и создаются сегодня, — подлинная энциклопедия жизни. В каком бы далеком краю вы ни оказались, как далеко ни занесла вас судьба, взглянув на танцы народа, вы живо почувствуете склад жизни обитателей этой страны, их горе и радости, их мечты и надежды, существо их национального характера. И как бы различны ни были танцы народов нашей страны и всего мира, сквозь бесконечное многообразие красок, приемов, особенностей исполнения вы ощущаете глубокое духовное родство хореографии, рожденной на разных широтах».*

На гребне успеха Эсамбаев найдет мужество честно признаться самому себе, что для того, чтобы быть интересным публике, ежедневно ее покорять, следует много чего знать и уметь. Так для него настанет время нового добровольного ученичества. Артист станет подробно изучать обычаи, нравы, традиции, искусство народов мира, перенимать опыт известных мастеров хореографии, неустанно работать над совершенствованием исполнительского мастерства. В результате он создаст уникальную программу «Танцы народов мира», с которой впоследствии где только не побывает...

«Программа в том виде, в каком она существует теперь, — вспоминал Эсамбаев во второй половине восьмидесятых годов, — рождалась в муках, шлифовалась десятками лет. Почему в нее вошел танец древних инков «Павлин», индийский «Золотой бог» или бразильская «Макумба»? Я всегда примеряю танец к своей индивидуальности артиста и человека. Если в результате такого знакомства чувствую приязнь к нему, могу к его первозданной гармонии добавить внутреннюю силу, рожденную ощущением сегодняшней жизни, придать новый оттенок, усовершенствовать — только тогда я начинаю разучивать этот танец, постигать философию, заключенную в нём».

Как танцору за непродолжительное время, в течение которого живут его персонажи, удавалось донести до зрителей характеры своих героев во всей сложности и неоднозначности, вскрыв их мироощущение, проникнув в глубину человеческой души? Вопрос этот и до сих пор, по большому счету, остается если и не открытым, то до конца всё же не проясненным. Да и как на него однозначно ответить, коль существовали и существуют разные подходы в оценках бесспорного мастерства Эсамбаева, которое ни у кого не вызывало и не

вызывает сомнения? Впрочем, полагаю, что секрет эсамбаевского выдающегося творческого горения заключался в его ярком даре драматического артиста, которым он владел помимо виртуозного владения самой техникой танца, являвшейся первоосновой, фундаментом его таланта. И диапазон этого драматического дарования был чрезвычайно широк. Потому-то каждое мгновение своего пребывания на сцене артист умел наполнить основательным содержанием, заключавшемся в жестах, шагах, мимике, бывших к тому же неизменно осмысленными. Важно и то, что все эти как бы вспомогательные действия, были подчинены главной задаче — раскрытию основной идеи воспроизводимого средствами хореографии и пластики художественного произведения, его внутренней философии. При этом танцы, лишенные большого общечеловеческого звучания, демонстрировавшие лишь бесстрастную танцевальную технику, Эсамбаевым органически не воспринимались.

Более того, народного артиста всегда привлекали танцевальные сюжеты с четким биением пульса современной жизни. Каждый номер, показывавшийся Эсамбаевым на сцене, обязательно становился изящным по форме и глубоким по смыслу рассказом о человеке, его мечтах, радостях, бедах, стремлениях к красоте бытия во всём многообразии и богатстве красок. При сем создававшиеся артистом персонажи всегда озарялись обаянием его личности. Они были мудры житейским опытом танцора, через свое отношение к ним Эсамбаев выражал свою собственную позицию художника и гражданина в искусстве.

Танцору постоянно следовало быть в форме. Задача эта далеко непростая. Эсамбаев, танцевавший и после того, как отметил шестидесятилетний юбилей, с молодых лет привык к строгим ограничениям. «Один из «секретов» прост, — поделился как-то артист своим умением сохранять и после шестидесяти лет физическую и душевную форму. — Им я охотно поделюсь с теми, кто желает видеть себя всегда элегантным. Сыт я бываю только во сне. В остальное время суток — жесткие ограничения. Никогда не завтракаю. Обедаю далеко за полдень. Причем всегда отказываюсь от второго блюда. Вечером после концерта не позволяю себе расслабляться. Танцовщику важно не потерять форму, сохранить то физическое состояние, при котором творческая задача любой сложности кажется нипочем». К сему следует добавить необходимость регулярных физических тренировок и репетиций. Последним Эсамбаев придавал крайне важное значение.

«Люблю репетировать, — откровенно говорил мастер. — Даже прогуливаясь на улице, отдыхая, я повторяю в мыслях движения танца. Не могу отводить репетициям ограниченное время. Репетирую столько, сколько могу, пока не почувствую, что сейчас упаду. Проходит минута, и я начинаю всё сначала. Потому что знаю: танец — это целый мир, который надо постигать бесконечно. Однако никогда не ходил и не хожу в балетный класс. Там танцовщик вольно или невольно проникается духом соперничества. Его терзает мысль: ни в коем случае не выглядеть хуже коллег. Танцовщик начинает демонстрировать виртуозное владение техникой и забывает о другом — философии танца. Пустая репетиционная комната позволяет сосредоточиться...»

«Часто на встречах со зрителями мне задают такие вопросы, — продолжал далее Махмуд Алисултанович, — много ли надо времени для того, чтобы так отшлифовать танец?... А у меня нет ни одного отшлифованного танца, все — в работе. Артист — аккумулятор, повседневно заряжающийся новыми впечатлениями, мыслями, чувствами. Когда понимаю, что не могу больше привнести в танец что-то от себя, что танец выхолащивается, я исключаю его из репертуара».

Впрочем, у большинства эсамбаевских танцевальных номеров, отличавшихся ярко выраженной гуманистической направленностью, судьба была завидной. Вот, к примеру, взглянем на его известнейший танец «Золотой бог». Впервые артист исполнил этот танец в конце пятидесятых годов. И за долгие годы творческой деятельности он был его одним из самых известных, коронных номеров. А одна аргентинская газета так отзовется об этой работе чеченского танцора: «Он появляется на сцене в застывшей позе, как Вишну, присевший на корточки, одетый в фантастический наряд, и поднимается медленно, незаметно, владея мускулами, как опытный йог, и вот начинают двигаться руки, как две извивающиеся змеи, послушные флейте факира. Эсамбаев имел такой успех, что вынужден был под аплодисменты повторить свой танец на «бис». Пожалуй, редко какое зрелище подобного типа вызывало больший восторг в нашей стране».

Удивительно при сем то, с какой изящной непринужденностью преодолевал Эсамбаев невероятные физические трудности при выполнении сложных па, как удавалось ему с таким блеском овладевать приемами национального хореографического письма, передавая зрителям дух народа Индии. «Золотой бог» в его трактовке — это взволнованно-поэтический рассказ об извечном стремлении к труду, это гимн человеческому разуму, стремящемуся отстоять мир на земле.

«Какой бы танец я ни исполнял — а их в моем репертуаре около тридцати, — всегда стремлюсь показать то, что соединяет людей. Доброта — дорога к миру на планете, преодоление зла, в каком бы обличье оно ни выступало». С этой мыслью выдающегося артиста и гуманиста, патриота-государственника трудно не согласиться.

Шестьдесят пять лет назад, в мае 1959 года Махмуд Алисултанович впервые выехал на гастроли в зарубежные страны. Он был включен в состав балетной группы «Звезды советского балета», и его ритмичные, пластичные и грациозные, завораживающие выступления пользовались большим успехом. Начав маршрут с Парижа, артист продолжит турне в странах Латинской Америки, посетив Венесуэлу, Колумбию, Кубу, Ямайку, Мексику, Бразилию, Аргентину, Чили, в каждой из которых осваивая новые народные танцы. Четыре месяца, проведенных на дальних континентах, были особенно плодотворными — в СССР Эсамбаев прибывает с новой неповторимой программой. Сами же выступления в этих странах имели грандиозный успех. О советском чеченском танцоре писали все местные газеты, его показывали по телевидению. Он стал тогда символом советского искусства.

За границей великий танцовщик бывал многократно. Ему пришлось выступать в таких странах, как США, Канада, Франция. Разумеется, покорял он зрителей и стран социалистического лагеря. Все его зарубежные гастроли были успешными. Благодарная публика воспринимала выступления артиста восторженно, с особой теплотой и искренним восхищением потрясающим исполнением заявленной программы.

Вообще-то Эсамбаев каждое свое выступление, долгие годы неизменно начинавшееся с чечено-ингушского танца «Любовь к Родине», переживал как бы заново, каждый танец для него — отдельная новелла. Свойственная ему полная самоотдача заставляла его вкладывать в каждый номер не только все силы, но и весь душевный настрой. При этом он не терпел посредственности, фальши, и, что называется, формального «отбывания номера». Такого же отношения к делу Махмуд Алисултанович требовал и от своих многочисленных учеников, с которыми он работал как наставник, хореограф и балетмейстер, в том числе и тогда, когда создавал первую в Чечено-Ингушской АССР хореографическую студию... И этой деятельности, в более зрелые годы, мастер отдавал также немало сил и душевного горения.

И, что не менее важно, Эсамбаев никогда не уставал от своей работы, от своего служения танцевальному искусству. С годами он не желал сбавлять обороты и продолжал зани-

маться танцами до тех пор, пока позволяло здоровье. На вопрос же журналистов о том, что он планирует делать в преклонном возрасте после того, как оказался на седьмом десятке лет, Эсамбаев сразу же ответил: «Танцевать, танцевать, танцевать!.. Возможности человека огромны. Эта истина у всех на устах. А вот претворить ее в жизнь порой не хватает ни силы, ни воли, ни мужества, ни элементарного терпения. Не хочу быть превратно понятым: мол, Эсамбаев бахвалится избытком подобных качеств в себе. Напротив, говоря об этом, стараюсь предельно ясно выразить, может быть, тривиальную, но лично мне очень дорогую мысль. Когда человек занимается любимым делом, он счастлив. А кто, скажите, сознательно лишает себя счастья?.. Я, во всяком случае, не собираюсь. ...Какой юношеской страстью и неукротимостью духа пронизано искусство горячо любимого мною Сергея Владимировича Образцова, чье щедрое сердце горит от желаний утверждать на нашей планете доброту и милосердие!.. Главное — не отдавать себя во власть прошлых лет, не уставать работать».

Что и говорить, Эсамбаев работать никогда не уставал. И судьба танцевального искусства его волновала до последних дней жизни. Особенно в «лихие девяностые». Но, увы, принципиально влиять на развитие этого эстрадного направления выдающийся артист фактически уже не мог, возможности его были ограничены.

Запомнился Эсамбаев и как артист кино. Помимо сыгранной главной роли в фактически автобиографическом фильме «Я буду танцевать» Т. Тагизаде, он сыграл в таких фильмах, как «Земля Санникова» А. Мкртчяна и Л. Попова, «На край света» Р. Нахапетова, «Пока бьют часы» Г. Васильева, «Честное волшебное» Ю. Победоносцева, «Зов предков. Великий Туран» Г. Шермухамедова и других. В кинематографе также был заметен его темперамент, статность, эмоциональность, способность глубокого проникновения в роль. И участие в кино в очередной раз подтверждало ту истину, что Махмуд Алисултанович был действительно во всех отношениях талантливой, подлинно артистичной личностью. Пожалуй, страсть к искусству, в широком понимании этого слова, была у него в крови.

В советские годы Махмуд Эсамбаев был в числе самых любимых и почитаемых в народе эстрадных артистов. Его концерты, а с годами он привносил в них и разговорный жанр, так как выступал в качестве страстного пропагандиста танцевального искусства, всегда проходили успешно, при полных залах, в которых царила особая эсамбаевская энер-

гетика. При этом великий танцор оставался скромным человеком. Он был действительно во всех отношениях советским артистом — боготворя свою малую родину, не расставаясь с папашой, Эсамбаев нёс светоч советской культуры на широких просторах великой страны. Да и государство советское, его республиканские органы не забывали танцора. О признании огромных и несомненных заслуг Эсамбаева в популяризации танцевального искусства народов СССР и мира свидетельствует тот факт, что еще в далеком 1957 году после первых творческих взлетов он становится заслуженным артистом РСФСР, а затем ему были присвоены почетные звания народного артиста шести республик: РСФСР, Киргизской ССР, Чечено-Ингушской АССР, а также Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана. В 1974 году Эсамбаев удостоивается звания народного артиста СССР. В июле 1984 года указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в развитии хореографического искусства и в связи с шестидесятилетием со дня рождения народному артисту СССР Махмуду Эсамбаеву присваивают высокое звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Чуть больше пятнадцати календарных лет артист будет гордо нести это высочайшее звание страны Советов. Не будет снимать звезду Героя он и после преступного развала СССР. В числе немногих советских мастеров культуры и искусства, в самые трудные девяностые годы, он будет напоминать этой наградой о своей принадлежности к великой стране и ее славной истории, в которую навечно вписано и его имя. Помимо многочисленных профессиональных наград и лауреатских знаков Эсамбаев трижды награждался орденом Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени, орденом Дружбы народов.

Будучи человеком, по сути, коллективным, не мыслившим себя вне его рамок, воспитанным в подлинном советском духе, интернационалистом, гуманистом, сторонником мира и дружбы между народами, Махмуд Алисултанович не представлял своей жизни в отрыве от общественной работы, ставшей его вторым призванием. Не одно десятилетие, а именно с 1958 года он активно занимался депутатской деятельностью. Трудящиеся родной республики постоянно избирали его вначале депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, а затем и Верховных Советов РСФСР и СССР.

«Мне нравится помогать людям, получая взамен улыбки и добрые слова, — откровенно заявлял Эсамбаев. — А это, со-

гласитесь, не так уж мало!» Благодаря депутатскому вмешательству Махмуда Алисултановича, в Грозном появится театрально-концертный зал, а в его спутнике — Аргуне — построят Дворец культуры.

Имел Эсамбаев свою ярко выраженную гражданскую позицию и в те годы, когда его родного Советского государства на политической карте мира уже не существовало. Особенно заметно она проявилась в период президентской избирательной кампании 1996 года, когда Махмуд Алисултанович в числе настоящих патриотов, болевших за судьбу России и ее обманутого народа, был в числе доверенных лиц кандидата в президенты от КПРФ и народно-патриотических сил страны, лидера Компартии Геннадия Зюганова. Тогда великий артист и гражданин, не в пример представителям его поколения, известнейшим советским деятелям культуры, так же, как и он удостоенным самых высоких наград и званий еще совсем недавно единой и могучей страны, остался верен себе, не отсиделся где-то в стороне, и, что самое главное, не пошел в услужение к тому, кто принес столько слез, горя и бед России. Это ли не пример чувства долга и безграничной любви к Родине, это ли не явное подтверждение того, что Эсамбаев был государственным, мудрым и прозорливым человеком и гражданином? Для автора этих строк ответ на данный вопрос очевиден.

Много сил отдавал народный артист и организации работы по взаимодействию и укреплению творческих сил и связей артистов эстрады, возглавляя Международный союз деятелей эстрадного искусства. Являлся он и академиком Международной академии танца.

Следует отметить и то, что Эсамбаев был чрезвычайно общительным и доброжелательным человеком. Он ценил настоящую дружбу, имел много друзей и товарищей. Среди его друзей были крупные руководители, министры, партийные работники, космонавты, художники Палеха, писатели, литераторы, деятели искусств, среди которых Георгий Товстоногов, Ирина Архипова, Елена Образцова, Владимир Атлантов, Анастасия Зуева, Юрий Григорович. Друген Эсамбаев был и с выдающимся советским хирургом-ортопедом, профессором, академиком, лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда Гавриилом Илизаровым. Были у него друзья и менее известные, и неизвестные публике вовсе. Но для них, гастролируя по многим городам Советского Союза, он оставлял на своих концертах один ряд в зрительном зале. И ряд такой обязательно заполнялся.

Случались в творческой биографии Эсамбаева и ситуации неординарные, запомнившиеся ему на всю жизнь. «Вспоминаю далекий 1957 год, — рассказывал как-то артист. — Будучи артистом Московской филармонии, я приехал в Калугу с первым сольным концертом. За три часа до выступления осмотрел подмостки рабочего клуба. Заметил кое-где торчащие из досок гвозди. Попросил выдернуть их, помыть полы. На что бойкая уборщица отпарировала, не задумываясь: «Между прочим, недавно на этой сцене танцевала сама Лепешинская, и претензий никаких не было. А тут какой-то Хомут приехал и сразу условия ставит». Пришлось самому отправиться на поиски клещей... На следующий день эта женщина, явно смущенная, зашла ко мне в гримуборную: «Сыночек, ты уж извини. Если бы знала заранее, как ты танцуешь, я бы ногтями сцену выскребла!» Она действительно перед концертом выскребла полы. И звала меня уже не Хомут, а Махмуд. Когда я уезжал из Калуги, она мне подарила банку малинового варенья».

Была и еще одна удивительная история, о которой Махмуд Алисултанович не единожды вспоминал: «1964 год. Я выступал в Херсоне. На одном из моих концертов заговорил немой юноша — Анатолий Барыгин. Нервный шок, который юноша пережил в восемнадцать лет, — он оказался между двумя мчащимися автомобилями — лишил его дара речи. Восхищение искусством (так объяснили впоследствии специалисты) вернуло ему голос. Кстати, Анатолий мне до сих пор пишет (об этом случае артист поведал двадцать лет спустя после случившегося. — Р.С.), он работает руководителем танцевального коллектива». На следующий день после того концерта, пораженный творческим своеобразием программы Эсамбаева, и вновь заговоривший Анатолий Барыгин принесет артисту фотографию с дарственной надписью: «Моему лекарю-чародею». Подлинное, высокохудожественное и высоконравственное искусство, оказывается, может врачевать...

А в 1981 году Эсамбаев давал концерты на западном участке БАМа: «Однажды пришлось выступать в клубе-временке. Температура в помещении минусовая. Молодые строители сидят в зале в полушубках. Однако программа идет без изменений — настает время, и я выхожу на сцену в легком одеянии восточного героя да вдобавок еще босиком. И ничуть, знаете, не было холодно!»

Поразительно, но сегодня трудно даже представить, чтобы нынешняя эстрадная знаменитость, народный артист или депутат выступал в неотапливаемом клубе-временке при

минусовой температуре, да еще и босиком, при том что Эсамбаеву тогда уже было под шестьдесят! Нынешние «звезды» куда как более привередливы, капризны, требуют себе особых условий, комфорта. Они, естественно, до таких «крайностей», да еще и с риском для здоровья не доходят. Это советские артисты, тем более старших поколений, заставших тяготы Великой Отечественной войны, могли срывать в такие отчаянные командировки и выступать где угодно, на любой импровизированной сцене, в открытом поле, в заводском цеху, лишь бы доставить радость своим зрителям и слушателям, всем тем простым согражданам, ради которых они и несли свою артистическую службу. Службу, бывшую для них, как и для Эсамбаева, призванием.

Выдающийся аварский поэт Расул Гамзатов однажды точно подметил: «Иногда читаешь подпись под статьей в газете или журнале: фамилия и, через запятую, «писатель». Будто должность такая существует. Не придет же никому в голову к фамилии Махмуда Эсамбаева прибавить — «танцор». Ведь даже далекому от искусства человеку ясно: Махмуд Эсамбаев не просто танцор, он — Махмуд Эсамбаев».

Да, Махмуд Эсамбаев... И этим всё сказано!

Советский Союз подарил нам и миру целую плеяду выдающихся представителей культуры и искусства, среди которых Махмуду Эсамбаеву, всегда гордо заявлявшему: «Танец — это я!», справедливо и заслуженно отведено свое особое почетное место. Величайший танцор, память о котором жива, в том числе и в виде памятников, названиях улиц и коллективов, остался непревзойденным и не имевшим себе равных. Что, собственно, и не удивительно, ведь у каждого самородка свои, непохожие ни что грани таланта, свой темперамент и манера творческого самовыражения. Так устроено в жизни, и в этом есть ее неповторимость и уникальность.

Пусть же из далеких просторов Галактики нам светит именная малая планета «Эсамбаев», открытая в далеком 1982 году астрономом Крымской астрофизической обсерватории Людмилой Черных. Пусть ее тепло, как и «танец — искусство радости», никогда не покидают нас, всех тех, для кого жил, трудился и творил Махмуд Эсамбаев — выдающийся советский артист, гражданин и подвижник, память о котором, к счастью, продолжает жить.

г. Симферополь

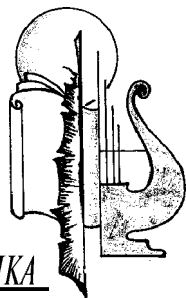
НАД ВЕЧНОСТЬЮ ПОЛЕЙ

*О книге Владимира Хомякова
«Сердцебиенье русского глагола» (Рязань, 2023)*

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя,
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

Сергей Есенин

Эти изящные строки русского песнопевца, вынесенные в эпиграф, как нельзя лучше отражают главные смыслы книги поэзии рязанского писателя-краеведа, замечательного мастера слова Владимира Хомякова «Сердцебиенье русского глагола», в которую вошли избранные произведения, созданные им за полвека литературного творчества. Он является автором двух десятков стихотворных и краеведческих сборников, среди них такие, как «Белый храм» (1993), «Царь-Россия» (1994), «Ночное озеро» (1997), «Сиреневый Спас» (1999), «Славянский свет» (2003), «Медный век» (2003), «Кремлёвский вал» (2007), «Владыка» (2008), «Капитан Молодцов» (2008), «Память воинских полей» (2008), «Серебряный венец» (2009), «Державный день» (2012), «Серебря-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ный венец Якова Полонского» (2012), «Весноцветье» (2015), «Страна с высоким именем Россия» (2022). Владимир Алексеевич — почетный гражданин города Сасово (2013), лауреат Национальной премии «Имперская культура» (2020).

В предисловии к своему однотомнику Владимир Хомяков подчеркнёт собственную причастность к есенинской поэтической традиции, символизирующей неразрывную связь с отчей землёй «берёзовых кровей». Подобное единство Родины и судьбы объединяет каждого незаурядного поэта. Он — постоянный участник всероссийского праздника поэзии, посвященного памяти великого художника Рязанщины. Есенинский край — край раздольных полей и лесов: привольные берега Оки, необъятный простор, заливные луга, убегающие вдаль перелески, а у самого горизонта — лесная дымка Мещеры, какую вслед за Есениным воспел и Паустовский, — древняя земля, колыбель неповторимого поэта России.

Удивительно само название «Сердцебиенье русского глагола»: глагол — живая вода языка. Сразу рождается зрительный образ, а вместе с ним и вечное пушкинское: «Глаголом жги сердца людей» — высокая экспрессия глагола, нацеленная на то, чтобы понять естество личности. Из-под пера Владимира Хомякова выходят прочные произведения, представляющие традицию и современность. Чудо русской литературы заключается в погружении её в глубины индивидуального человеческого духа, то, как преломляется он на русской национальной и исторической почве. Именно такой подход близок для автора-исследователя родного края, в творческом багаже которого многочисленны историко-краеведческие публикации в разных журналах, газетах, альманахах, поэтических антологиях.

Поэзии, как известно, есть дело до всего на свете, ибо она — отклик на то, что случается с нами. В ней одной — все наши радости и страдания, надежды и разочарования, все наши сомнения и вся наша вера. Владимир Хомяков — человек, восхищенный природой, словом, самой жизнью. Стихи его заставляют задуматься о простых, но в то же время и сложных вещах. Поэзия и вера — неразделимы. Немеркнувший свет русского слова тихо струится в стихотворении «Молитва», позволяющем говорить о принадлежности поэта к православной лирике:

*Венчальный свет над вечностью полей,
бессмертный свет над русской судьбою,
не отрекись от памяти моей —
дай мне побыть наедине с тобою.*

Молитва творит чудеса, исповедальная душа автора стремится объять самое дорогое, стремится к истокам и родовым корням. «Вся молитва в безбрежном, благом доверии к небу и смерти, к земле и к рождению», — писал Александр Герцен в «Былом и думах». Всё просто, но вместе с тем очень искусно. Прежде всего здесь проявляется чувство любви, индивидуальная воля, долг человека и гражданина своего Отечества, личная ответственность художника за судьбы Родины и мира. На изломе эпох необходимо увидеть свет каждого человека, ту праведную силу, что несёт нам нравственное и христианское единство исконной народной мудрости.

«А в памяти — святой рязанский свет...»

По сути, Владимир Хомяков сразу отвечает на волнующий не одно поколение вопрос: что хранит человеческая память? Лирические произведения автора будто прошиты самобытными нитями. Неиссякаемый родник внутренних сил и творчества — русское слово, которое он впитал с самого раннего детства, живя на рязанской, есенинской земле. Звезда будущего поэта зажглась ещё в юности. Первые стихи были написаны им ещё в школе, а первая публикация состоялась в 1973 году, в главном издании Рязанщины — газете «Приокская правда». Были и успешное участие в областном литературном конкурсе «Наш современник», и «бронзовая медаль» в областной олимпиаде по литературе, вручённая ему на школьном выпускном вечере.

«Ах, юность — / травяные берега! / Вовек я верен твоему свеченью... / Неутомимо двигалась река / и звёзды уносила по теченью», — спустя годы, вспоминая те далёкие времена, вдохновенно напишет Владимир Хомяков. Какая взаимная гармония человека, земли и воды, какая распахнутая даль! Магическая сила места. Путь несуетного духовного накопления. Мощная радость жизни, присущая юности, захлестнула лирического героя. Это явственно слышится и в стихотворении «Вечернее»:

*Домой мы неспешно идём от реки,
нам город навстречу струится огнями.
Все наши заботы пока далеки,
и мы пропадаем здесь полными днями.*

*...Стрелой за холм пролетает звезда.
Высокие травы светлы и напевны.*

*И там, где в ложбинках темнеет вода,
от счастья рыдают лягушки-царевны.*

Тогда близкие люди были живы, и никто не знал, не ведал ни забот, ни тревог.. Поэт проникновенно передает ощущение полноты и красоты окружающего мира. «Святой рязанский свет» несёт в себе и «откровение», и «праздничный завет», и «малиновый звон»! Однако за красочностью и многозвучностью в его стихах всегда виднеется нечто грустное и печальное. Но несмотря на противоречие эпохи, как гражданин он даёт нам пример и урок жертвенного служения Отечеству:

*Тебя я видел нищей, пьющей,
изнемогающей во лжи,
своих сынов за верность бьющей,
и песни скверные поющей,
и жизнь поднявшей на ножи.
Такую — проклял.
Но отныне
ещё печальней возлюбил
твои разбитые твердыни,
твои заросшие пустыни
и ветер с дедовских могил.*

(«России»)

И совершает свой прямой выбор: неказистая истина или красивая ложь. Да, жизнь такова, что настоящий поэт неразлучен с беспредельной тоской. Нужно сказать, что однотомник «Сердцебиенье русского глагола» автор посвящает светлой памяти безвременно ушедших детей — дочери Анны и сына Антона, участника специальной военной операции в Донбассе, сержанта Российской армии, кавалера ордена Мужества. В нём много печали, но это корни той любви и той печали, что уходят в вечность и прорастают бесценностью потери. Когда личная трагедия — смерть горячо любимых детей — приобретает тайну человеческой жизни, тайну Руси, быль и небыль, сказку и реальность, ярко выраженные черты русской песни, при всём при том окрашенной в позитивные, светлые тона. Так стихи «Гуси-лебеди» расширяют значительный образ Руси:

*Русь горячая, пустынная, несметная —
от зари к заре, от тёпла моря к Северу —
пролегла она, хмельная да победная,
пролегла она, как чернь по ясну серебру.*

Глубинное постижение истории, своеобразная эмоциональность требуют особого внимания к общей картине русского простора, бескрайнего равнинного пространства. «И поплыли, / и поплыли гуси-лебеди — / гусь хрустальный, / гусь железный, / гусь серебряный. / Грусть такая, / грусть такая — неразвейная!.. // И зовёт в свои просторы / песня родины, / с песней этой мир земной, / мерцающая, кружится. / В песне этой / голос слышится: «Иванушка!» / В песне этой / голос слышится: «Алёнушка!» — нескончаемая песнь и нескончаемая печаль... Возникает где-то глубоко внутри чувство затаившейся боли. Но одновременно пронзает обострённое восприятие красоты жизни, ценности человеческого счастья. Притягивает к себе невероятная сказовость, почерпнутая художником из фольклорных сокровищниц народного языка!

Стоит отметить, Владимир Хомяков сполна владеет всеми речевыми богатствами: легким и непринуждённым умением слагать частушки, сказания, песни грустные и радостные, нежные и раздольные, удалые. На его стихи отечественными композиторами написано более сотни песен. В них — душа народа, мелодика самобытной речи:

*Когда прохладой всё объято,
когда шумит неожиданный дождь,
в часы осеннего заката
о чём ты, родина, поёшь?
Откуда только в песне русской
такая сила над людьми,
и столько искренности грустной,
и столько буйства и любви?*

(«Русская песня»)

Мягко сходится созвучие... Играет звук. Автор, владеющий подобным музыкально-поэтическим языком стиха, продолжает песенные традиции Пушкина и Есенина.

Еще одна, определяющая черта поэзии Хомякова — исключительная слитность с народной жизнью. Некоторые стихи построены на выразительных контрастах: «Вдаль с холма глядит она, / с ней два сына рядышком. / Неприметна, немодна, / да кому-то — ладушка... / Оскудевшие поля, / мёрзлая болотина, / неприглядная земля, / да кому-то — родина». Предельная убедительность и уверенность в своей правоте. Что ни говори, а легко любить мать красивую и здоровую, но как же тяжело больную и немощную. Так и родина, она бывает разной, но только одной, единственной.

Вера в свет, в человека живет в поэзии Владимира Хомякова, вызывая в нас непоказной гуманистический пафос. Эту музыку эпохи, эту спасительную «светополосу свободы и покоя», проплывающую «над родной равниной», поэт вместе с журавлиным клином навсегда вписывает в собственную мелодическую линию русской лирики. Немалое число его произведений поистине стали настоящим гимном рязанской Отчизне.

«Купол да колокол нам — небосвод!»

Когда бывает трудно, Владимир Хомяков всем сердцем припадает к родной земле, вновь обретая животворную нравственную силу и энергию для своих стихов и поэм о России. Он говорит нам о нелегкой человеческой судьбе, о несказанном просыпающемся свете любви, радостно отогревающим душу. Погружаясь в древность, автор создает поэму-легенду «Сас» — предание, поведавшее о возникновении Сасово:

*— Роду крестьянского, имя — Ивашка,
сын-то Васильев, по прозвищу Сас.
Долго сюда пробирались мы, тяжко —
ветер боярский преследовал нас.*

Таков зачин сказания как явления соприкосновения с русской средневековой культурой. История — это обращённость в прошлое, для которой важно нравственное измерение. Отсыл к прошлому здесь не случаен, он служит нам всем напоминанием о многовековых славянских корнях.

*...И началась наша жизнь в этом месте
в лето семь тысяч полста и один.
Дюжиной дружной мы жили по чести.
Вроде я старший, но не господин.
Крепко работали, с пота до пота,
как повелела от века судьба.
И одарила нас жаром работа,
и вознеслась брусая изба.*

Взору читателя открываются незримые истоки героических свершений наших предков, пришедших сюда из древнего Муромы и Углича. Действительно, всякая история в какой-то степени состоит из начинаний. Первопроходцам всегда трудно, а первопроходцам Руси, обновляющим мир, возрождающим в человеке всё человеческое, особенно. В этом

заключается и драматизм исторического часа. «И позвала она, вольная воля, / и поманил он, безветренный рай: / не поднебесное чистое поле — / дрёмная темень, болотистый край». Природа распахнула героям свои объятия: лесные дары кормили братьев по крови, ягоды, грибы, охота, рыбная ловля, но самое главное — «аржаное зерно» — хлебный колос будущей жизни пророс на русской земле. За строками поэмы, для которой характерен звонкий и чистый язык, в большей мере читается современная эпоха, нежели времена Иоанна Грозного. Автор поднимает тему справедливой борьбы народа за свое освобождение, тему правоты народного гнева, обжигающей страстностью и в то же время трагизмом человеческого бытия. «Слово «опричина» взмыло над нами, / прежде такого не ведали мы. / Это не ангел повеял крылами — / это дохнуло исчадие тьмы», — история становится поединком со своей собственной судьбой. Мы видим в чем-то иконописный образ главного героя Саса, в честь которого и назовут эту часть славянской земли — Сасово. Впечатляет концовка произведения:

*...Пусть у опричников острые сабли, —
сжав топоры, мы шагнули вперед.
Силой и верою мы не ослабли.
Купол да колокол нам — небосвод!*

Вот они, совсем рядом неоглядные дали и над ними простирается бездонный голубой небесный купол, разделяющий и соединяющий центр мироздания. Величие человека неоспоримо! Отсюда и закономерный авторский интерес к теме человеческой судьбы. Своё наиболее полное и убедительное развитие она как раз получила в истории его «заветного прадеда — Егора Андреича Хомякова», прожившего на белом свете целый век. Надо заметить, что поэма «Прадед» предстает в довольно необычном ракурсе сочетания сугубо личного и чего-то бесконечного, всеобщего. Ведь для автора история страны, по мысли М. Лотмана, подобна истории отдельного человека:

*Коль не дворянский, так крестьянский
был род, что звался: Хомяков.
Жил он в губернии Рязанской.
Уезд, как баяли, Данков.
Егор был парнем хватким, резким,
семье и крепость, и оплот.
Но по законам по расейским
стал, к сроку, призванным во флот.*

Крестьянский человек — опора земли Русской. Перед нами проходят циклы разных времен, скреплённых родовой памятью. «Путеводная звезда» вела героя «по океанам», хлебнул он «Америки-чужбины», вкусил крестьянский труд в Сибири, прошел Гражданскую войну, наравне со всеми «вёл добычу в рудниках», поднимал новую страну, был знатным охотником в тайге, не боялся никакого зверя, ни медведя, ни волка.

*Сто с лишним лет на свете этом
мой прадед жил, судьбой храним.
В войну скончался, в сорок третьем,
в посёлке памятном Туим.
И то, что жило в человеке,
всё ледяной окутал сон.
... Тайга, озёра, горы, реки.
В Туиме был я в прошлом веке,
родным крестам отдав поклон.*

Очевидно, герои Владимира Хомякова — люди риска, значит и судьбы. В истории имеет важность нравственный фактор. Никакие события не повторяются. Единичность человека, и случайность, и наличие в нем волевого начала, самоутверждение его как личности играют в жизни каждого так или иначе решающую роль. Поэт сопрягает разные времена и переосмысливает исторические факты. Свои думы о России он воплощает в цикле «Русский Огнь». Почувствуйте, сколько в нём веры и отчаяния: «Глядит, содрогаясь, Рассея / глазами царевичей вечных — Димитрия и Алексея». По силе эмоционального воздействия такие пронзительные строки можно сравнить лишь с тютчевскими интонациями. Автора волнует глубина постижения и времен, и событий, происходящих во времени, например, как в этих строках: «Чайки ветер предутренний пьют / и свивают летучие петли. / И молчит Старолетовский пруд, / отражая столетние ветви». Прогулка и размышления на природе рождают строки, похожие на морскую волну... Но вне времени нет человека, как нет его вне родины.

Время в произведениях Владимира Хомякова пересекается многими историческими событиями: Гражданская война, Вторая мировая, развал советской Державы, эпоха перестройки социалистического государства. Глубинные основы его творчества всегда затрагивают коренные, определенные приметы народного бытия. XX век — век самых страшных войн в истории человечества. Беспокойное отражение

Великой Отечественной войны красной нитью проходит через всю книгу «Сердцебиенье русского глагола». Победа над адом — весна сорок пятого года: «Боль боёв далека. / И неспешно забыты обеты. / Но — горят два цветка, / два последних тюльпана Победы». Своеобразный символ бесконечной любви к жизни, впечатляющий своей свежей эмоциональностью, — «два незримых тюльпана Победы», которых нам никогда не забыть. Именно тюльпаны в этот «Державный день» мы несем на могилы всех павших за Родину: «Поздравить чтобы победителей / с Великим днём, Державным днём, / мы не в дома своих родителей, / а на могилы к ним придём. / Разложим на газетной скатерти / снесь да забудем про вино: / пускай порадуется матери, / что мы не пьём уже давно». Светлый праздник и вместе с тем трагическая страница нашей общей истории. Не надо фальши, не надо лишних фанфар. Так будет честнее ради памяти ушедших в вечность героев. Автор в принципе проницательнее историка, поскольку Владимир Хомяков и сам исследователь-краевед. В осмыслении темы памяти он близок поэтам советской поры. В стихотворении «Мать и мачеха» звучат литературные реминисценции, перекликающиеся с Твардовским, с его мажорными интонациями лирического героя, вершащего собственную судьбу наперекор и вопреки любым суровым обстоятельствам и временам.

*В жизни так оно сложилось: дважды был отец женат.
Но парнишке не тужилось: не почувял он разлад.
Жил у матери порою, а порою у отца.
Не стоял раздор горою — не обидели мальчика.
... Но нагрянул гром набатный — на войну призвал отца.
Дождись в путь обратный фронтового письмеца.
Хоть в крови сгорают зори — жди с молитвою еси.
И людей роднило горе, как ведётся на Руси.
Треугольнички кружили по родимой стороне.
И надеждой люди жили и в тылу, и на войне.*

Отец остался жив, Бог и молитва хранили воинов-защитников, но и сыну, распростившись с родным домом, пришёл срок послужить Отчизне: «...Синь пронзительна до стопа. / Крестный путь суров и свят. / У гудящего вагона / мать и мачеха стоят». Пожалуй, стоит отдать должное высоте и искренности чувств этих простых людей, причем не переставая удивляться тому, насколько они умели любить и прощать, любить и снова прощать...

«Живя с природою в соседстве...»

Поток, летящий с высоты,
Венчает землю с небесами.
И улыбаются цветы,
Омыты синими слезами.

Эти строки поэта красноречиво говорят о том, какой он тонкий и проникновенный лирик. И сразу возникает нечто высокое и прекрасное. Один-единственный цветок — тоже Божье создание, смягчающее человеческое сердце. Но и сам человек — дивное творение природы, её удивительное и неповторимое соцветие. Для Владимира Хомякова, как и для Сергея Есенина, природа — вечная красота и вечная гармония мира. Быть может, тайна, не разделённая с чудом, тайна, не поддающаяся объяснению и уводящая читателя в сферу искусств, в секреты формы и содержания.

Книга «Сердцебиенье русского глагола» являет нам немало замечательных пейзажей, а лирические работы её автора нежно и заботливо врачуют наши усталые сердца. Льётся благостный свет, осеняя землю своими лучами. Здесь жизнь природы и жизнь человека неразделимы с этим миром. Здесь всё живое, когда «спокойна летняя погода / и нелюдим полночный час», когда тихая ночь навевает возвышенно-просветлённые думы, когда явственно «их ощутишь, как свет в листве, / живя с природою в соседстве / и с целой вечностью в родстве...» Чисто тютчевское постижение природных явлений. Владимир Хомяков, впитавший совесть своего народа, такой же врачеватель народной души. Он — тоже мастер постоянных изменений в природе, испытывая с ней органическое единство и внутреннюю целостность.

«Пейзажные стихи» я бы назвала вершиной всей книги. Кажется, что тут не только за происходящим вокруг нас «следит природа вещими глазами», но и сам автор «вещими глазами» глядит в сердце мироздания:

*Луны осенней точный полукруг,
и тишина бесспорна и огромна,
и ясен, и протяжен каждый звук,
и ветка в роще каждая подробно.*

Почти прозрачное звучание незамутнённой строки... Чёткие, насыщенные краски, лёгкий психологический рисунок. Звонкая струящаяся тишина, небесная ночная синева. Космизм Тютчева, Фета, Есенина, некая вселенская глобаль-

ность, включающая в себя предельный реализм и земную романтику. Впрочем, та же природа таит внутри себя фольклорно-мифологические истоки. К примеру, классический образ березы у Владимира Хомякова неожиданно другой, нежели привычный нам «белоснежный символ» Руси: тихий, нежный, наполненный хрустальным звоном. Ведь именно природа наделила поэта редкой народной мудростью:

*Ах ты, Русь-печаль, родная мати,
что твои безмолвия таят?
Некому берёзу заломати —
во поле берёзоньки стоят!
Вот они нахлынут в наши веси,
в огороды наши и сады!
И вспомним мы былые песни,
что берёза — дерево беды.*

Вероятно, этот народный взгляд на жизнь помогает ему что-то совершенно глубинное познать навсегда и в этом чего-то достигнуть и успокоиться. Родная земля — точка притяжения, надёжная опора, сила, приводящая к соединению в природе, к срастанию с ней. Вспоминаются строки Юрия Кузнецова: «И камню открылась душа...» Оказывается, можно найти поэзию и в таком занятии, как огород, где жизнь в стихах Владимира Хомякова предстаёт в светлом и радостном ореоле, с ней он связывает самые приятные моменты. Неожиданные наброски иронического ума — его зарисовка «Копаю огород»: «В рассветный час, на Фоминой неделе, / пока ещё не выспался народ, / я от души, без всякой канители, / не клад ищу — копаю огород». Истинно православный простодушный человек, которому всё во благо: и земное время, и ползущие столетия... Всё по плечу, ничего не пугает и совершенно не страшно быть в плену житейской обыденности. Подкупает внезапная насмешливая интонация. Автор умеет идеально сочетать юмор и серьёзные наблюдения, а меткие цитаты лишь подтверждают всю глубину его мировоззрения:

*Не зарастай, мой огород, бурьяном!
Пусть из меня Мичурин никакой,
и пусть моим порой не сбыться планам,
но всё ж земля родная — под рукой.*

*...Пусть соловей опять грустит со мною,
я верю: плодородным будет год.*

*Не зарюсь на чужое. И не ною.
Так и живу. Копаю огород!*

Вот она, полнота человеческого бытия! «Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать», — не зря сказано апостолом Павлом (Еф., 5: 26). Поэзия Хомякова несёт в себе свою собственную историю, обуславливающую и созидающую его судьбу. Вместе с тем в художнике довольно много иронического к повседневным занятиям. Это — аспект иронии нашего двойственного восприятия нас самих. И в то же время значимость человека как такового. А корни всего — в самой человеческой природе. Вообще ирония — сильная сторона поэзии Хомякова. Что подтверждает и авторская «Огородная ода». Игровое, весёлое стихотворение с характерным названием: «Не пишу о природе, / не строчу про любовь — / ввечеру в огороде / поливаю морковь». Однако оно содержит очевидный философский подтекст, и в нём заложен большой духовный смысл: «Но окажется снова / сердце в Божьей горсти — / и рождается Слово! / И трава не расти!» Каким-то непостижимым образом слово определяет весь смысл и той же русской пословицы: «Конец — делу венец». Поэт будто ведёт с читателем ненавязчивый, доверительный разговор. Дело — нешуточное: картошка, черная смородина, подсолнух, «хрен сасовский», «радость луковая». Мы слышим внутреннюю музыку стиха, который полон звуков, запахов, красок.

Звонит знойное лето, бегут ручьи, идут летние ливни, гремят грозы, падает первый снег, раздаётся песня весны, шорох берёз, звенят птичьи голоса, заливаются соловьи, слышится дуновение ветра, шумит осенний листвою, играет всеми красками сиреневый Спас, пахнет скошенным сеном... Кругом небеса, много света и воздуха, свежей зелени, полыхают зори, и падают ночные синие звёзды...

«Вечны поэты на русской земле!»

Не умереть боюсь — боюсь не быть
Игорь Шкляревский

Так ли доступна поэзия? При всех противоречиях эпохи литературный процесс идёт. И многие современные российские поэты выступают как продолжатели отечественной классической традиции. Читателя по-прежнему влекут энергия и мысль художника слова, он по-прежнему хочет сопереживать человеку, хочет испытывать эмоции, прилив новизны

чувств. Поэзия — вечно живущая музыка. Мир сладких звуков! Искусство поэзии и музыки, по мысли Белинского, — это огонь души и стихия жизни. Да, время работает на гениальных русских творцов и выбирает именно их. Поэты не рождаются случайно. Всё остальное определяют они сами. Большие поэты учатся друг у друга. Искра Божья есть в настоящем Слове, но талант и умение его почувствовать — тоже бесценны!

Сквозная тема книги Владимира Хомякова — русские писатели, их судьбы и творчество. Ему удастся передать противоречивую суть понимания русской души, её бездну и свет. По своей природе он — подвижник. Более четверти века работает собственным корреспондентом редакции радиовещания ГТРК «Ока», неутомимый краевед-исследователь родного рязанского края. Целый цикл его произведений, посвященный различным писателям, очень напоминает интертекстуальность их поэтических и прозаических текстов, выходящих за рамки отдельного комментария, когда хочется вновь обратиться к уже написанным книгам и перечитать хорошо известные вещи. Но и образная речь автора, неисчерпаемое богатство народных речений — своего рода своеобразный поклон русским мастерам. Получается, что это — дуэты равных: нашего современника и предшествующих ему художников.

Разве нам не знакомы аксаковско-тургеневские блуждания по полям и лесам?! Точно и проникновенно воплотил поэт столь редкий феномен, присущий лишь русскому человеку, в стихотворении «Тургенев в Сасове»:

*Вечереет. Пора бы до дому!
И устал от ходьбы, и промок.
И Тургенев идёт на знакомый
тёмных изб скудноватый дымок.
И с тревогою думает снова:
«Нет крестьянам обещанных прав,
только право одно — крепостное —
давит их, всё святое поправ».
...В барской комнате тихо и сухо.
За окошком — луны серебро.
Не добыл он гусяного пуха —
но всегда под рукою перо.*

Действие происходит во времена крепостного права: тогда, как ни парадоксально, творили наши лучшие художники. По сути, вся русская литература в той или иной мере свя-

зана с этим непростым периодом: творчество Лескова, Пушкина, Герцена, Гоголя, Толстого, Гончарова. И всё же произведение Хомякова «Возвращение в Петербург» вселяет радость и энергию жизни, любовь привносит в неё невероятный источник творчества:

*И ради встреченного счастья
покинул барское гнездо.
Опять в столицу кони мчатся,
туда, к Полине Виардо.*

*...Пусть утро долгое туманно,
пусть утро долгое седо,
но слышит он: летит сопрано
его Полины Виардо!*

Кроме того, звучит в пространстве книги и серебряный огонь гитары волшебного Аполлона Григорьева, его «Цыганская венгерка», а ещё трогательный, грустный, нежный и глубокий романс. Торжествует пушкинская эпоха зарождения музыкального песенного стиха, романсовой мелодичности. К тому же рязанская земля подарила миру и прекрасно-го лирика, которого можно считать предтечей Сергея Есенина, Якова Полонского.

Поэзия — непрестанное самовзыскание. В стихах, адресованных светлой памяти русских классиков, Владимир Хомяков обнаруживает собственную поэтическую природу. Причем он тоже может сказать по-есенински выразительным языком и образным лиричным словом. Ибо без слова нет каждого из нас, кем бы мы ни были. Более того, такие поэты, как Есенин и Рубцов, возвышаются над всеми своей чистотой и точностью поэтического голоса. «Тянулись тихо тучи с севера. / Повсюду царствовало Слово. / И на столетии Есенина / на пару пели мы Рубцова» («Пристань»), — настолько сильна, уверен автор, неугасимость крови есенинской и рубцовой поэзии. Если Маяковский владел умами, то Есенин — сердцами. Пожалуй, никому не уйти из-под очаровательной власти его таланта. «Наверное, почти нет ни одного современного поэта, кого не осветил бы зелёный луч звезды Есенина, которая кристально сияет, горит над полями, над лесами, над водами России», — замечал Юрий Бондарев и был поистине прав в магическом волшебстве этой «непотухающей, незакатной звезды». Жизнь чародея русского слова — пророческий, духовный подвиг. Прав и Владимир Хомяков: отдалённость во времени украшает наше прошлое. Есенинс-

кое творчество со временем лишь приобрело цену и значение — несмотря почти на 30-летний запрет, народ читал стихи своего удивительного языкотворца! Звукопись слова, его роскошь было не отнять! Самое главное — провидческий дар Есенина.

Но и для Рубцова, творца за гранью тишины, слово стало живой водой. Непростое искусство простоты и ясности, освоив которое, можно добиться сжатости смысла и гениальной гармонии. Как будто Сам Бог диктовал ему «Горницу». Надо признать, что есенинское фольклорно-мифологическое представление нашло свое отражение и в поэзии Хомякова. Поэма «Есенинский остров», сплетая родственные нити, явственно перекликается с поэмой «Анна Снегина». Есенин впитал опыт поколений крестьян — «христиан». Бельгийский писатель Франц Элленс считал, что «после Пушкина этот крестьянин был подлинным аристократом». Поэт обладал моцартовской стихией, её живым ключом, тем самым являясь яркой претечей песенных бардов. И Владимир Хомяков с особой теплотой и надеждой говорит в поэме о тех есенинских местах, где когда-то бродил великий поэт, слагая свои вечные строки:

*Вот и она — «озёрная тоска»,
воспетая ещё во время оно:
сверкание горячего песка,
прохладное таинственное лоно,
заполненное лёгкой синевою
и отражённой волею всевышней.
И понял я шальнойю головой,
что в сих местах я, вероятно, лишний.*

Абсолютно самобытная поэма, представляющая нравственные устои русской жизни, словно вливающая в тебя живительные крестьянские соки. Основной магнит притяжения — пронзительно-исповедальная атмосфера. Течёт необычный, размеренный разговор автора-героя со случайным, но неравнодушным попутчиком, оказавшимся вместе с ним в глухом лесном районе:

*— Поэзия Есенина чиста
и разве ей установимы сроки?
«Я посетил родимые места,
Ту сельщину...»
Ты помнишь эти строки?*

*А «саданул под сердце финский нож»?
Читаю это, всей душой рыдая.
— Да, «кто сгорел, того не подожжёшь».
— А помнишь, «гой ты, Русь, моя родная»?
А знаешь ли, Володя, что Сергей,
Сергей Есенин — от тебя не скрою —
во дни отрадной юности своей
бывал на этом острове порою?*

Тут когда-то «началась есенинская слава», «где он писал про «алый свет зари», / что «выткался на озере», где плачут, / со звонами рыдают глухари...» Безупречное искусство пленительной красоты стиха. Остановимся хотя бы на мгновение, посмотрим на окружающий мир земной красоты, послушаем шелест листвы и трав, песнь ветра, голос речной волны, посмотрим на утреннюю зарю, на звездное ночное небо...

*«Лицом к лицу лица не увидать» —
и это тоже помнится сквозь годы.
...И выхожу я к берегу опять,
чтоб поглядеть на меркнувшие воды.
<...>
И видится мне край наш молодым,
и чудятся великие преданья.
Но всё прошло, «как с белых яблонь дым».
И — «до свиданья, друг мой, до свиданья».*

Лучезарная звезда в бессмертном поэтическом созвездии России — Сергей Есенин — она вечна. И ностальгическая, задушевная поэма Владимира Хомякова возвращает нас в те ушедшие времена, несёт нам лучшие памятные мгновения, минуты, часы и радостные дни, которые мы отдавали и будем отдавать непревзойдённому лирику России. Ведь он, как никто другой, умел дарить людям счастье.

«Два лёгких света ясных, / два золотых огня», — именно такой, насквозь пронизанной неизбывным светом, видится Владимиру Хомякову и русская искренняя поэзия Анатолия Передреева. Это о нём саратовский поэт Геннадий Ступин когда-то сказал: «...русский Божьей милостью поэт Анатолий Передреев был и навсегда останется бриллиантом чистой воды».

Имена, которые представляет на страницах своей книги Владимир Хомяков, говорят сами за себя: перед нами образ одного из крупнейших поэтов последнего полувека — Игоря Шляревского. Пожалуй, самая его замечательная литера-

туроведческая работа — блестящий перевод «Слова о полку Игореве». Причем, насколько поразительно верно Хомяков дает название стихам, адресованным этому уникальному мастеру: «И в краю незабытой державы, / видя этот последний полёт, / ветровые колышутся травы, / молодая прохлада поёт». Голос тишины и вечно звенящая прозрачная лирика. Шкляревский вслед за Рубцовым являет собой как бы эталон простоты и совершенства — то золотое слово, что сразит наповал, удивляя какой-то общей загадочностью. Талант — это чувствительность. Шкляревский обладал особым поэтическим космосом, особой тайной поэтической генеалогии, ни с чем не схожей, а еще необъяснимой «текучестью слова», которое умудрялся называть на свою «золотую блесну». Часть праха поэт завещал развеять над Днепром, о чём в «Последнем полете» так свободно и возвышенно напишет Владимир Хомяков:

*И, роня осеннее пламя,
воскрешённые реют леса.
Светлый пепел летит над холмами —
и да примут его небеса...*

«Звучит сердцебиенье родников» в произведении «Памяти Валентина Распутина», тоже предупреждая о том, что «последний срок» неминуем и никому не стоит забывать о вечном. Проникновенно расскажет он и о человеке очень сложной и необычной судьбы — Алексее Новикове-Прибое, с которым его объединяет родная рязанская земля. Владимир Хомяков стоял у истоков проведения литературных чтений, непосредственно посвящённых популярному писателю-маринисту. Всем этим знаменитым художникам была присуща духовная мощь «русской силы». Автор старается сохранить независимость в литературно-художественной и эстетической позиции. Искусство — это оправдание и суд над людьми. Сопричастность бытию — значит, сопричастность творчеству. У него собственное представление о добре и зле, о правде и кривде. Он и сам носитель народной жизни и языка. Ведь путь к душе народа пролегает через русское слово. Хомяков проявляет необыкновенную чуткость к таланту собратьев по перу. Неизъяснимым взглядом пытается увидеть единственность творческой личности, как в стихотворении:

*Куда уходят, Русь, твои пииты?
Ни в эту землю, ни в эти небеса.
Уходят, синью дымчатой увиты,
в твои непроходимые леса.*

Важно жить со словом и служить ему. Его произведения дают посыл к подлинному прочтению русской и мировой поэзии. Что говорить! Сколько мятущихся русских душ потеряли себя в этом безвременье хаоса и слова эпох. «Четыре жар-птицы» осеняют собой и хранят вечный покой поэта Павла Васильева: «Листья звёздные падают плавно: / их прощальный полёт воспою. / ...У могилы Васильева Павла — / на Донском — одиноко стою». Россия убивала свои таланты, ещё начиная с Ивана Грозного. «Поэты — смертники России... / Сразили их — и не сразили / стоят они, светлы до слёз, / под ледяным покровом сини, / у белокаменных берёз...» — романтически-легендарная и реально-земная жизнь творцов всегда напряженно-драматична, контрастно-противоречива. Но всегда — чудо! При том благоговейном отношении к миру поэзии, миру букв и слов, какое показывает Владимир Хомяков, всё в нем видится как бы в двойном свете. Гибель Есенина, Рубцова, как и Пушкина, и Лермонтова, отозвалась долгим эхом в русской лирике. Отсюда и ощущение огромной потери для искусства и для народа.

Но каждый гениальный художник всегда современен и народен. В общечеловеческом, глобальном измерении он олицетворяет собой бессмертие культуры.

«Жизнь прожить — не дойти до любви...»

Что делать, Господи, — спросил я,
тяжёлым шёпотом крича, —
когда терпеть иссякли силы...
...Что делать мне, скажи на милость?
...И Он мне вымолвил: — Любить...

В чистые и нежные тона окрашивает поэт любовную лирику. Высвечивает всё самое лучшее, открытое и искреннее. «Любить — это значит смотреть на человека и видеть его таким, каким его создал Бог...» — писала в своём дневнике Марина Цветаева. Нечто *божественное* читатель ощущает и в стихах Владимира Хомякова. Совершенно потрясающее признание-откровение:

*Мы венчались в разрушенном храме.
Мы молчали, молитву творя,
овеваемы всеми ветрами,
осуждаемы всеми зазря.
И внезапно пронёсся над нами
чей-то лик, нас сжигая живьём.*

*Мы венчались в разрушенном храме,
как в разрушенном мире своём.*

К этому дополнить нечего. Решаем ли мы что-то сами «в нашей Богом объятой земле»? Есенин искал то, что давало ему «и в счастье ближнего поверить». Так же мерит и оценивает жизнь Хомяков, у которого чувство понимания любви тесно связано с христианским видением мира, с присутствием повсюду Бога. Его «Пасха» — сияющие слова и ясная гармония — как соединение вечной любви в теле и крови Христовой: «В слезах от радости — узришь ты / свет православного креста. / Не торопясь, по-русски, трижды / соприкасаются уста». Вот и пришла Пасха, и в её прозрачных лучах оживает и возрождается всё, и звонит колокольня, и раздаётся радостное пение, и колокола говорят о близком и далёком, о житейском и вечном, о любви и преданности: «А нам всё мало, нам всё мало — / и льнём друг к другу вновь и вновь. / Ведь к нам, томящимся устало, / в последний раз пришла любовь».

Почти все истории любви стары как мир, но стоит лишь какую-нибудь из них преподать на свой манер, как тут же она заиграет новыми, доселе невиданными красками, являя нам определённый культурный код. Для нашего автора — это фольклорная традиция, берущая начало с древнейших времён. Порой один-единственный цветок, одинокий на всём белом свете, в сиянии чьей-то любви может стать неповторимым: «Но редкого цвета любой лепесток, / как будто бы счастья забытого долька... / Немолкнушей встречи нежданный исток, / цветок незакатный — Владимир-да-Ольга». Или его же «Песнь о Петре и Февронии» приоткрывает тайну народных праздников и обычаев на Руси. Изначальный, кондовый край: рязанское лесное селение Ласково, «луга семицветные», Ока, облака, бегущие к Мурому, простые избы и князьки терема... Красота человеческих чувств, повсюду обилие света, любви, веры и надежды. Тут завораживает и необыкновенная полупритча, полусказка — волшебное поэтическое «Кольцо» — своеобразный круг жизни и судьбы:

*Меня волнует сказка эта: выходит дева на крыльцо,
а на руке — глубоким светом горит волшебное кольцо.
Колечко дева перекинет — и возникает дивный град:
дворец из золота и сини, цветов заморский аромат.
Она кольцо вернёт обратно — и всё становится опять
привычным, серым и понятным, и вновь иди на печку спать.*

Сказка сказкой, но в ней, словно в зеркале, отражается вся двойственность мира. Однажды замыкается круг бытия, а круг кольца-то бесконечен. Владимир Хомяков — во многом художник неразгаданный, иносказательный. Мастер сказового родникового слова, взятого из самых древних криниц, поэт-песенник народного предания, старинных пословиц, прибауток и поговорок, самобытных речений и сравнений. Загадка-метафора скрыта и в небольшом стихотворении «Лето» — образ «иголки с ниткой» — извечный роковой поединок двух влюбленных сердец. Позволю себе привести их целиком, дабы не потерять смысл, как ту иголку в стогу сена:

*Выпала мне судьбой сладкая эта пытка:
следовать за тобой, как за иголкой нитка.
Здесь ли мечты исток, первая нежность наша?
Ночи высокий стог, лунная эта чаша...
Сдвинулись берега, век наш в потерях прожит.
Но — высоки стога, нежно луна тревожит.
Всё как тогда. И вновь я не дождусь ответа:
где ты, моя любовь, вечное наше лето?
...Выскользнув из-за туч, медленно, втихомолку
лунный струится луч — ищет в стогу иголку.*

Иголка в стогу времени, а ведь вопреки всему она уцелела, но самое главное — умудрилась не потерять свою нить... «Просите, и вам воздастся; ищите, и найдёте... кто ищет — найдёт...» (Мф., 7: 7-8) — недаром сказано в Евангелии. А еще любите... Просто любите, бескорыстно, самоотданно, во благо ближнему, преданно и молчаливо, ничего не требуя взамен.

«Белый храм поднимается в небо...»

Нет более таинственного и глубокого духовного состояния, чем вера. Задача человека — держать сердце в чистоте и добре, и тогда вера соединит его с Богом. Владимир Хомяков по-своему открывает нам святые праздники жизни — как высшие таинства милосердия, прощения, покаяния, любви и радости бытия. «Равноапостольное слово» поэта подчас говорит само за себя. Бог — Вера — Отечество — основа всего для русского человека. Ибо высшая милость отражается в нашем сердце:

*Белый храм поднимается в небо,
непреклонным покоем храним.*

*А внизу — просят смертные хлеба,
будь, Господь, милосерднее к ним.*

Жизнь каждого из нас — подвиг и труд. И труд нелёгкий. «Настоящее уныло <...> Что пройдет, то будет мило», — гениально заметил Александр Сергеевич. О том же напоминают нам и святые отцы. О том, что жизнь — великий труд, знают именно они, и лучше многих из нас.

В книге Владимира Хомякова можно отыскать целый цикл произведений, связанных с православными праздниками, где естественно и непринуждённо на языке поэзии рассказывается, что всё наше пребывание на земле должно быть отмечено незримым присутствием высшего начала. «А деревня совсем притомилась: / ниву жала, колола дрова. / Не с того ль эта тихая милость / после ясного дня Покрова?» («Дикое поле») — сродни стародавнему сказителю ведет автор свое поэтическое повествование. О жизни, о её изображении, её незамутненном пафосе прекрасно знали и наши русские классики. К примеру, Паустовский видел действительность «... не столько такой, какой она есть или была, сколько такой, какой она должна быть, очищенной от житейской прозы». Несмотря на суровую прозу жизни, Владимир Хомяков тоже умеет находить поэзию в абсолютно обыденном, неприметном. Не только ему одному не дает покоя «Сиреневый Спас», не только его чарует «Рождество», когда «по России снегопады идут, / седые, как волхвы...», и не только его одного в «Крещение» встречает «на речке — огненная прорубь, / а в небе — лунная купель», не ему одному в радость «высокий снег» и «сиянье Богоявленских вечеров», и то же возрождение в Сретенье Господне, и падающая «поздняя звезда», и «метели верховодье», и «снеговерть» в Громницы — воистину эти великие Таинства Православия, так возвышенно воспетые им, оставлены всем нам в наследство нашими предками. Они являют самые яркие штрихи бесконечной божественной картины мира. Мечта о человеческом счастье, хрупкость и недостижимость его — темы, которые волновали Есенина, хорошо знакомы и Хомякову, свято хранящему основное свойство поэзии — сочувствие человеку.

Художник открывает суть бытия, жизни и смерти, добра и зла, вечности и бессмертия. Однако жизнь каждого из нас скоротечна. Противоречива и сложна. Неразрешим по-прежнему главный вопрос человека, проблема сущности его природного духа — идея жизни и смерти. В поле зрения Владимира Хомякова, казалось бы, вещи обычные и в то же время непостижимые, требующие философской глубины и метко-

сти наблюдений писателя. А между тем, извилистые судьбы человеческие всё длятся и длятся. Иные же внезапно обрываются. И за ощущением радостного приятия бытия подчас чуть сквозит печаль, скрытая боль, присутствует некая тайна — тайна краткости, хрупкости, конечности людской жизни. Возможно, за её пределами — зияющая пустота. Что делать!

Важнейшая проблема, стоически раскрываемая автором в поэзии, — обретение и утраты. Его собственная жизнь — непрерывная цепь потерь. Впрочем, тут и лирическая нежность и суровое умение поэта смотреть прямо в лицо трудностям и неминуемой беде. Отсюда нередки картины разлук, смерти, которая для Хомякова — вполне реальная метафора. На сердце и в произведениях поэта неодолимо ложится тревога, слёзы, печаль... Где же он берет смелость и мужество смотреть в горячие и скорбные глаза жизни? Безотрадные ноты мы слышим в стихотворении «Родное», посвящённом любимой дочке Анечке:

*Вот и минула полночь.
Жизнь развеяла мглу.
Зайчик солнечный —
помнишь? —
на стене, на полу!*

*...Тень земная маячит.
Сказки спрятались в лес.
А твой солнечный зайчик
Поиграл да исчез...*

Вызывает уважение духовная стойкость принятия им мира в его единстве и конфликте между ними. Но человек принадлежит одновременно и своему времени, и вечности. Тебя охватывает пронзительная жалость. Вдруг понимаешь, что эти горестные строки становятся и нашей личной бедой: «Полдень осенний в печали. / И одиноко в груди. / Вновь мы беду повстречали. / Доченька, не уходи...» Одна долгая, нескончаемая надсадно-трагическая нота, вопреки случившемуся наполненная в стихах Владимира Хомякова светом доброты, человечности, милосердия и сострадания к людям, ко всему живому на земле. «...Жизнь навек раскололась, / будто жизнь — не моя. / Слышу дочери голос: / «Как вы там без меня?» — истинные «почва и судьба» дышат в катарсисе, некий внутренний удар испытывает читатель, откровенно проливающий до последней капли слезы, искренний, подлин-

ный. Бывает ли горе чужим? Иногда сложно ответить однозначно. «Белоцветное море неужённого мая. / И внезапное горе, что пришло, обнимаю», — и что с ним делать — никто не знает.

Надо честно признать, смерть с нами — всегда, везде. Особенно горько-правдивы и вместе с тем озабоченно-человечны те немногие стихи, что написаны поэтом о сыне Антоне, погибшем в бою на Донбассе и посмертно награждённом орденом Мужества. На здании Сасовской средней школы в его честь установлена памятная мемориальная доска. Память об ушедших спасительна для нас, как средство нашего постоянства, верности самим себе, побеждающее наше внутреннее раскаянье и заставляющее быть выше жизни и смерти. И как бы не прочитывались символы и знаки судьбы в Книге бытия, совесть и вера подсказывают Владимиру Хомякову неизменные христианские истины терпения и любви:

*Ночь. Окно в дождевых накрапах.
Я почти не смыкаю глаз.
Снова слышу родное: «Папа,
почему ты меня не спас?»*

*... Вот опять ты рассвет встречаешь.
Надо мной же сомкнулась тишь.
Что ж ты, папа, не отвечаешь?
Почему ты, отец, молчишь?»*

Эта «Последняя встреча», запечатленная в одноимённом стихотворении, — как молчаливый крик шепотом. Смерть — точка, но в определенный момент — и линия. Уходя навеки от людей, человек порой вечно остается с теми, кто помнит о нем. «Не сохранил я тебя и не спас, / не заслонил от лихого осколка. / Светится, теплится иконостас... / Сколько беды на Руси ещё, сколько!» — звучит «Прощальное» слово отца. «А в руке — похоронка на сына», — пронзают и такие короткие строки. И тут же другие — «Венец» (Июль 2023). Их идейно-художественное содержание вобрало в себя столько скрытых чувств и смыслов:

*Ни просвета в окне... Нет ни песен, ни книг...
Не смолкает во мне твой разорванный крик.
У судьбы не просить воскрешенья сердец.
Мне навечно носить твой терновый венец...*

Между тем, каким бы трагическим ни было переживаемое им время, Владимира Хомякова не покидает стремление смот-

реть с надеждой в завтрашний день. Сама собой возникает литературная параллель: сколько светлой надежды в будущее России находим мы и в стихах Сергея Есенина, сколько любви к её людям:

*Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек.
И сколько зарыто в ямах.
И сколько зароят еще.
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судорогу щек.*

Эти его строки из поэмы «Анна Снегина», наполненные и радостью, и гордостью, и болью за человека, проникнутые нескрываемой тревогой за будущее всего человечества, всей нашей планеты, без конца ведущей войны, могли бы по праву стать эпиграфом ко всем есенинским стихам и поэмам. И еще: они предельно современны. Появляется такое чувство, что они написаны в наши дни, когда особенно бесценна Земля и когда реальная угроза термоядерной и экологической катастроф, возможной гибели цивилизации должна объединить всех людей доброй воли. Такова сила прозрения гениального художника. Разве происходящее и в новом веке не тревожит нас? Сегодня мы замечаем, что в погоне за материальным начинаем всё больше терять человечность, милосердие.

Именно настоящая поэзия очищает наши души, она обращается к нашей совести и является нашей нравственной опорой. Как видим, книга «Сердцебиенье русского глагола», которая исчерпывает себя собственной полнотой, несёт читателю главные ценности и передает лучшие традиции нашей отечественной литературы. Вся мировая и русская культура — это и движение вперед, но и движение к истокам. Недаром в заключительном очерке «Мне не надо покоя», вспоминая свою первую публикацию в областной газете, к молодому тогда автору приходит свежее настроение счастья, а вместе с ним «тонкий запах весны, которая всегда впереди». Стихи Владимира Хомякова обращены к нашему современнику, к их разуму, к нам, в завтрашний день человечества. Истинная поэзия и жизнь всегда с взглядом в грядущее. Ибо она художественно высвечивает то, что философски обще-

человечно, что является общей радостью и озарением, либо общей болью, тревогой и заботой.

Все мы — дети своего времени. Мир поэзии движется по своим извечным законам. Рождаются поэтические звезды и звездочки. Одни сгорают, другие светят, и лишь немногие согревают наши души. Именно к тем редким художникам, излучающим духовное тепло, к тем, кто может согреть мудрым и честным словом, принадлежит русский поэт Владимир Хомяков.

г. Минск

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2025 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: Пб410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

В первом полугодии 2025 года редакция планирует выпустить следующие номера: №1-2, №3, №4, №5-6.